АЛЕКСАНДР

БУШКОВ

АЛЫЙ, КАК СНЕГ

НОВЫЕ ПРИКЛЮЧЕНИЯ СВАРОГА

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Вертикальная вода смыла Токеранг, как будто его и не было. И настала в империи короля королей Сварога благодать да тишь. Пришло время продолжить путешествия по тихим Заводям. А в тихих заводях, как известно, если не черти водятся, то может скрыться Безумный Зодчий — четвертое Воплощение?..

Поскрипывает алый, алый снег под ногами видавшей многое Странной Компании. Но каким будет путь назад? Вновь по рубиновой ковровой дорожке со щитом или на щите?..

И снова идет победный пир — семь плоских золотых чаш с темно-багряным вином приготовлены для триумфаторов. Но опустеет ли к концу торжества хотя бы одна из них…

- Александр Бушков
  -
  -
  - Глава I
  - Глава II
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Глава VI
  - Глава VII
  - Глава VIII
  - Глава IX
  - Глава X
  - Глава XI
  - Глава XII
  - Глава XIII
  - Глава XIV
  - Глава XV
  - ЭПИЛОГ
  - ПРИЛОЖЕНИЯ
    -
    - О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ
    - КАЛЕНДАРЬ
    - ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ
    - ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ
    - ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ
    - КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА
    - ПРОЧИЕ КОРОНЫ
    - ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

- КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ
- О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ
- СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ
- БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ
- МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ
- О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА
- О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР
- О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ
- НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ
- НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ
- О ГОРОДАХ
- НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ
- КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ
- ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ
- 0 СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ
- РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ
- МОНЕТНАЯ СИСТЕМА
- ОРДЕНА И МЕДАЛИ
- КАРТЫ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18

Александр Бушков
АЛЫЙ, КАК СНЕГ

В занимательности Александру Бушкову не откажешь.

Книжное обозрение

Если вы читали хотя бы одну из историй о Станиславе Свароге, не сомневайтесь, дальше — только интересней.

Радио «Маяк»

В деле создания героев Александр Бушков никогда не промахивается… Герой Бушкова всегда обладает провинциальной самоуверенностью, здравомыслием и крепкой психикой советского офицера.

Сварог тут не исключение.

Книжная витрина

«Сварог» вывел Александра Бушкова в число фантастов первой лиги.

FANтастика

Книги Александра Бушкова о Свароге стали мгновенной классикой в то время, когда понятия «русское фэнтези» еще и не существовало.

Мир фантастики

…Великолепная фэнтезийная проза. Уникальный, ни на что не похожий, глубоко продуманный мир. Мощная магия, мрачные пророчества. Фирменный стиль, искрометный бушковский юмор.

Русская фантастика

Добросовестное отношение к военным и державным реалиям, глобальное авторское видение мира, внятность мотивов и обоснованность поступков персонажей…

Книжное обозрение

Есть писатели, которые несут золотые яйца, а есть — которые пишут хорошие книги. Александр Бушков старается это совмещать.

Русский журнал

Таларский цикл — самый любимый поклонниками Бушкова. Это изумительный язык: легкий, занимательный, понятный, с приятным юмором.

Ozon.Ru

Глава I
ДЕЛА ТЕКУЩИЕ

Их было сильных — семеро, их было смелых — семеро…

Андрей Вознесенский

Живите так, словно смерти нет.

Текумсе Падающая Звезда, индейский вождь

Бумага — проклятье для толковых королей. Тех, кто не передоверяет дела первому министру. Сварог, памятуя завет Мазарини, первого министра себе брать не собирался: глуповатый только испортит дело, а умный и оборотистый непременно постарается забрать себе побольше власти, что не раз случалось в истории обеих планет…

Вот только постоянный поток бумаг… Как их ни распределяет соответствующим конторам и верным людям, самому достается столько, что иногда волком выть хочется…

Он закурил и с превеликим удовольствием отодвинул стопку бумаг, с печатями и без, и грифами учреждений (самых что ни на есть грозных на континенте). Справился. Хорошо еще, что часть документов попала непосредственно на его компьютер — меньше работы… Но все равно, времени и те и другие отняли изрядно.

Обстоятельства сложились так, что он, одолев эту груду, не испытывал ни малейшей радости. Скорее уж нечто вроде скуки — еще одна зловещая тайна получила самое что ни на есть жизненное объяснение. Собственно говоря, он об этом догадывался еще в те времена, когда остался единственным уцелевшим на перевозившем каторжников корабле. Но тогда перед ним были лишь обрывочки тайны, а теперь ее размотали целиком. Ну, что тут скажешь? Одной заботой меньше. А ведь их еще столько осталось, забот…

Порой самое рядовое на первый взгляд событие влечет за собой целый клубок открытий и тайн. Так и на сей раз произошло.

Очень долго на Сегур, ввиду его полной незначительности в таларских делах короли (и Сварог в свое время тоже) отравляли послами, вообще дипломатами и тайными агентами тех, от кого в хозяйстве и так не было особенного толку: то слезно упросит кто-нибудь дать перед пенсионом теплое местечко его бездарному

родственнику — и придется уважить, потому что просящий человек нужный, следует чем-нибудь отличить, а выполнить такую просьбу королю ничего не стоит. Порой само министерство иностранных дел засунет в сегурскую дыру какого-нибудь бездельника, успешно провалившего в других местах все, что ему было поручено. До мало ли вариантов…

Однако теперь, когда на троне Сегура (и Дике, господа мои!) сидела королева Мара Первая, игравшая немалую роль в свершениях Сварога Барга, дипломаты подвластных Сварогу стран (и не подвластных тоже) быстро сообразили, что тактику надо менять — на доске для игры в шакра-чатурандж появилась новая серьезная фигура, с которой следовало считаться (причем и Свароговы дипломаты в большинстве своем пришли к этим выводам самостоятельно, без его понуканий).

Так что прежних, ни на что толковое не способных кукол с верительными грамотами стали отзывать в массовом порядке — а на смену им отправлять людей поумнее и поспособнее (Что интересно, первой сориентировалась Лавиния, сменив весь состав посольства, от дипломатов до немногочисленных шпионов). Вот корабль с ее новым посольством как раз доплыл до Сегура благополучно. А корабль снольдерского посла (лично известного Сварогу, несмотря на молодость) пропал без вести — по некоторым данным, не так уж и далеко от Инбер Колбта, уже миновав архипелаг и двигаясь к Сегуру.

Сварог, понятно, рявкнул. Снольдерское морское бюро (а заодно и все прочие службы других стран, имевшие отношения к морским делам) принялись работать в авральном режиме. Море есть море, не раз случалось, что пропадали без вести и «купцы», и рыбаки, а то и военные корабли, как гласит старинная формула: «От неизбежных на море случайностей…» — но вот корабль с посольством пропал впервые…

По совести говоря, подозревали в первую очередь заклятую подругу Сварога Лавинию — это было в ее стиле. Однако работавшие по Лорану разведки никаких следов не нашли. И взялись копать с удвоенной силой (если только это выражение применимо к морю). Сначала как следует расспросили пиратов, попавшихся под горячую руку в портах. Безрезультатно. Капитаны твердили, как один: они люди солидные, текущий момент понимают прекрасно и ни за что в жизни не стали бы нападать на корабли Сварога — знают, чем это чревато. Вот разве что всевозможные отморозки, не понимающие, что времена изменились, пошедшие на службу к Лавинии Лоранской или Святой Земле… Но и о них что-то не слышно, чтобы *шалили* с кораблями под флагом самого опасного на Таларе короля…

Всех поголовно расспросить не успели — кое-кто еще был в море, неведомо где. Но тут в Фиарноле сыщики даже не Морского бюро — обычной сыскной полиции, поймав на горячем очередного скупщика краденного, по мелочам не игравшего и скупавшего только дорогие драгоценности и камни, устроили обыск по всем правилам. Искали золотые кубки, украденные у коменданта порта. Кубки вообще-то тоже нашли — но обнаружили еще чуть ли не пригоршню весьма дорогих женских украшений, не числившихся в розыскных листах.

Уже через три дня стало известно: драгоценности — снольдерской работы. А там и выяснилось, что принадлежат они супруге без вести пропавшего снольдерского посла (отыскалось и несколько перстней, принадлежавших ему самому, и его кинжал в дорогой оправе).

За скупщика, естественно, взялись всерьез, обещая, что все неприятности с законом, какие с ним до сих пор случались, сейчас покажутся легкой щекоткой. Скупщик быстро *поплыл* и сдал поставщика — не пирата, просто сызмальства промышлявшего всевозможной контрабандой, вообще всем незаконным, чем можно промышлять на море, дослужившегося на этом тернистом пути от юнги до капитана солидной двухмачтовой бригантины. Ему тоже обещали много веселого, и он не особенно запирался и хотя в прежние времена, до появления на Таларе Сварога, всегда молчал как рыба выдерживая «активное следствие» полегче (с особым пристрастием его никогда не допрашивали, умел прятать концы в воду).

В другие времена, очень возможно, ему не поверили бы, а то и упрятали в соответствующую лечебницу. Однако теперь, когда слишком многие — и Морское бюро, и обычные капитаны — были осведомлены о том, что иногда плавает под водой, не имеющее отношения к морской живности, Баронесса Герлах, едва донесения дошли до нее, сообщила Сварогу…

Сварог прилетел в Фиарнол немедленно, предварительно велев беречь капитана, как зеницу ока, и до его прибытия не допрашивать. После чего занялся им сам. Капитан, порой постукивая зубами от ужаса, рассказывал, что это ремесло, смело можно сказать, в его роду наследственное: и дедушка им занимался, и папа, и двое дядей. Дедушке в свое время как-то посчастливилось свести «знакомство с загадочными моряками, плававшими под водой на странных штуках…»

Он в точности описывал ту самую подводную лодку, выпустившую в свое время дакату на корабль каторжников — из темного дерева, длиной уардов в сто, рубка (хотя самого этого

слова капитан и не знал) — похожа на распиленную пополам пузатую бочку, круглые иллюминаторы в металлической оправе… Еще перед смертью отец ему рассказал о фамильном промысле, описал внешний вид этой загадочной штуки (по его словам, не имеющей никакого отношения к нечистой силе), места встречи, систему сигналов. И он отправился в море на корабле — да так и прикипел душой. Благо ходить на абордажи и грабить прибрежные городки не было нужды: всего-то встретиться в условленном месте, после обмена сигналами принять груз, продать его верным людям, а потом отвезти деньги (или некоторые тюки, вручавшиеся некими неизвестными). Судя по тому проценту, что ему платили, неизвестные «из-под воды» возили что-то весьма ценное, так что всем участникам цепочки доставалось немало. Однако что это за лодка, капитан так никогда и не определил (но Сварог-то помнил, что их как минимум две).

Дальше было совсем просто — сеть, раскинутую на берегу странными «подводниками», стали выявлять и ловить со всем усердием. Однако попадались только посредники, вроде капитана с его фамильным ремеслом. Никто из них представления не имел, что это за загадочные моряки такие, где обитают и чего, собственно, хотят от жизни (да и с дакатой их практически никто не связывал — даката была как бы сама по себе, вот ее-то как раз считали одной из разновидностей морской чертовщины, известной вроде бы лет шестьсот).

Сварог в морскую чертовщину как-то не верил — ну, в данном случае. Он собрался было посоветоваться с глазу на глаз с маркизом Оклером — но тут появилась Яна…

Оказалось, она из чистого любопытства решила взглянуть в свой магический шар, в котором и высмотрела селения Хитрых Мастеров. Просто так — а вдруг кто-то остался. Ни одного огонька она не высмотрела ни на Харуме, ни на обитаемых островах — но в двух местах на Инбер Колбта все же увидела что-то похожее — правда, огоньки были чуточку не такие, не пронзительно-алые, а бледно-розовые.

Услышав это, Сварог не колебался. Поисками занялись уже не на земле, а за облаками, куда уходили и все трофеи из тайников скупщиков, и даже целых подпольных складов — и все причастные, конечно…

Он исправно доложил Канцлеру, едва только на земле взяли *сеть* — снова не тот случай, чтобы мушкетерствовать и скрывать что-то. В конце концов, эти чертовы подлодки грабили и уничтожали его корабли.

Кто-то в Технионе сгоряча предлагал объявить Белую тревогу

— но Канцлер, не особенно и задумываясь, сказал, что не видит смысла: угроза не столь уж серьезная, пусть и загадочная крайне…

Но громадный механизм развернулся на полную: восьмой департамент (где никаких данных о связи дакаты с подводными пиратами не отыскалось), девятый стол, Технион, Кабинет Канцлера, Яна в качестве консультанта — благодаря ее Древнему Ветру, и в завершение — Морская бригада со всеми ее нешуточными возможностями, нацеленными как раз на море…

Главные подозрения как-то сразу легли на Инбер Колбта с его девятью сотнями островов и сущему лабиринту проток меж ними. За *всем* архипелагом восьмой департамент не наблюдал, порой решая чисто мелкие задачи вроде поимки особенно насолившего пирата (тактика, заведенная еще при предшественниках Гаудина, оказавшаяся, как выяснилось, глубоко ошибочной).

Поначалу дела шли туго. Орбиталов слежения туда стянули множество, но они ничего не обнаружили — разве что пару-тройку пиратских кораблей беспредельщиков, по этой причине давным-давно числившихся в розыске сразу в нескольких спецслужбах Сварога (куда они и угодили, когда выяснилось, что к подводным пиратам не имеют никакого отношения). Отловили и с дюжину очередных ловцов удачи, издавна искавших в глубинах Инбер Колбта каждый свое — от старинных кладов до Крепости Королей. Поскольку никаких преступленной они, строго говоря, не совершали, их попросту вышибли за пределы архипелага, припугнув, что загонят в Три Королевства на ударную работу киркой и мотыгой (эти, как и пираты, уверяли, что знать ничего не знают о подводных лодках — ну, разве что слухи иногда ходят, так мало ли слухов клубится вокруг Инбер Колбта…)

В конце концов, взялись за указанные Яной два острова, тоже безрезультатно (те самые примечания мелким шрифтом, Древний Ветер, несмотря на всю свою мощь, не всегда мог помочь и почему-то не действовал в море, ниже уровня моря точнее). Подлодки пиратов должны быть, где-то у них на тех двух островах, должны быть базы, как же без этого — но их не могли отыскать ни Яна, ни орбиталы Морской бригады (когда Сварогу об этом доложили, у него зародились определенные подозрения, впоследствии подтвердившиеся).

Успеха добился не кто иной, как профессор Марлок, пустивший в ход какую-то новинку, в которой Сварог и не пытался разобраться, ограничившись кратким объяснением, что дело связано с гравитацией и магнетизмом. На двух островах обнаружились немаленькие поселения, что-то вроде исполинских

землянок, отнюдь не пещеры — именно подобие землянок, прикрытых хорошо замаскированными крышами. И устроенные наподобие токеретских (но гораздо проще по исполнению) подземные ангары для подводных лодок (которых оказалось десять).

По докладу Марлока, там обитало человек шестьсот — не столь уж грозная вражеская армия, если только она не располагает каким-то неизвестным оружием. Ну, а даката, как Сварог убедился на собственном примере, ларам нисколечко не страшна.

Так что дальше все происходило без особых сложностей. Как-никак всего шестьсот человек. В Гартвейне обитало даже больше народу, и ничего, справились. Правда, Гартвейн нисколечко не готовился к обороне, а вот насчет этих еще неизвестно. Ну да смелым Бог владеет…

Все было расписано, как по нотам, и прошло успешно: средь бела дня на оба острова обрушились несколько сотен спецназовцев — здесь и гвардия, и восьмой департамент, и девятый стол, и люди Оклера, и люди Канцлера. Ну, и Сварог по живости характера и от вполне понятного нетерпения не удержался от личного командования своими орлами. Канцлер ничего против не имел — у Сварога осталось впечатление, что он и сам бы не прочь с ними отправиться, но тут уж ничего не поделаешь, статус — неуместно Канцлеру участвовать лично в таких забавах. Они вдвоем не без труда убедили Яну, что и императрице такое неуместно.

Спецназ взорвал потолки местах в тридцати, потом, уже имея от Марлока кое-какие сведения о планах «землянок», ворвался туда и в ангары тоже. Оказалось, у местных нет той пакостной привычки, что у токеретов — при малейшей опасности взрывать ангары с собой вместе. Так что все кончилось часа за два. Очень быстро оказалось, что среди жителей подземелий имеются и лары — но Канцлер (с которым Сварог сразу поделился кое-какими своими догадками) учел его опыт в Горроте. Кроме прочего, спецназ был вооружен метателями сетей и клейкой массы — *контактные* стрелялки, действовавшие на ларов, как и на обитателей земли. Спеленали немало народу, делая исключение разве что для женщин и детей. Впрочем, с иными женщинами обращались бесцеремонно, как с прочими — кто б делал исключение для женщины, которая держит в руках что-то незнакомое, но убедительное, и всерьез готова пальнуть из этой штуковины по незваным гостям.

Одним словом, загребли всех подчистую: с точки зрения земной юстиции, действовали законы о подозрении в пиратстве, а

со стороны ларов — «Закон о запрещенной технике». Техники, безусловно запрещенной, обнаружили немало: светильники, работающие на неизвестном принципе, такие же плиты для приготовления пищи, несомненные видеомагнитофоны и много всякой всячины — чисто бытового назначения. *Серьезной* военной техники тут не нашли — разве что *мелкое* ручное оружие.

Едва Сварог оказался внутри подводной лодки, понял, что его догадка подтвердилась полностью. Двигатель не повторял те, что были на подлодке Тагарона и летающей машине Вингельта, но во многих деталях крайне на них походил. Нашли и совершенно непонятные устройства, судя по идущим от них к палубе трубам, наглухо закрытым снаружи задвижками, пожалуй что, как раз и служившие для пуска дакаты.

Все подлодки и прочую технику увезли наверх, оставив голые стены: в любом случае, пиратам назад уже не вернуться. Технион Канцлера и лаборатории Восьмого департамента заработали с предельной нагрузкой (Магистериум на всякий случай решили пока что в это дело не посвящать). Но еще раньше неплохих успехов добились следователи — те самые, в отличие от Свароговых палачей применявшие гораздо более современную технику и препараты…

Магии так не обнаружилось ни на грош — что тут же определила Яна, прибывшая с Канцлером, когда оба подземных поселка были захвачены. Сварог, чуть ли не сутки не вылезавший с допросов, в конце концов ощутил что-то вроде легкого разочарования и скуки: как случалось не раз, очередная жуткая тайна оказалась не такой уж и жуткой…

Шестьсот с лишним лет назад среди Хитрых Мастеров произошел раскол. Не такой уж и масштабный: примерно десятая часть их настаивала, что пора переходить к каким-то радикальным средствам борьбы: и, не встретив поддержки большинства, однажды попросту скрылась с глаз остальных, перебравшись в заранее подготовленные укрытия на островах Инбер Колбта.

Дальнейшее носило оттенок некоей трагикомедии. Прошло не так уж много времени, прежде чем беглецы окончательно осознали: ничего более-менее масштабного и радикального они по немногочисленности своей и скудости техники устроить попросту не в силах. Ларов там оказалось не более двух десятков — и примерно сотня самых обычных людей (каких Хитрые Мастера, присмотревшись к ним как следует, вербовали в качестве помощников и сподвижников). Лары старели. Правда, у них рождалось потомство от здешних женщин, но его было слишком мало, чтобы на что-то влиять всерьез. Теперь уже среди

беглецов начались жаркие дискуссии: как жить дальни и что делать? Слишком многие среди обычных людей полагали; с их силенками нечего и думать предпринять против ларов что-то мало-мальски серьезное (в чем были, уже сейчас можно сказать, полностью правы).

К тому же они как-то не подумали, что небольшой остров, пусть его и населяет всего-то сотня другая человек, не может существовать сам по себе, очень во многом зависит от снабжений извне — от провизии для сырья, из которого можно производить нужную технику. И неизвестно даже, что необходимее.

Так что очень быстро верх взяли, а там и забрали руководство те, кто видел единственный выход именно в подводном пиратстве: грабить корабли, добычу поценнее продавать на земле, покупая там и тайком перевозя на острова все необходимое. Синтезаторов у них не было — когда Хитрые Мастера рассорились с Империей и ушли вниз, их еще и у ларов не существовало. Рано пока было делать какие-то выводы, но под землей воцарилось что-то вроде диктатуры — с самыми решительными мерами по отношению к оппозиции и инакомыслящим. Диктаторы пока что замешались в толпу рядовых пленных, а их удалось допросить далеко не всех — но это был лишь вопрос времени.

И подводные лодки пошли в море. И была создана надежная сеть земных посредников, за шестьсот лет так и не обнаруженная восьмым департаментом — очень уж искусно была *вплетена* в обычную паутину контрабанды и кладоискательства. Одним словом, произошло то, чему немало аналогий и в истории Талара, и в истории Земли: кучка радикалов, поначалу движимая самыми благородными целями, в конце концов выродилась в примитивную (примитивную, несмотря на всю свою технику) разбойничью банду, да вдобавок периодически резала инакомыслящих. Так что Сварог не зря (да и Канцлер, наверное, тоже) ощущал легкую скуку и разочарование: не оказалось *жуткой* тайны — как и в самой истории Хитрых Мастеров. В конце концов (чего тоже можно было ожидать) появились индивидуумы, заинтересованные в первою очередь собственным процветанием, а не интересами колонии. Из тех, кто не видел смысла в затянувшемся на столетия морском разбое, от которого, в принципе, никакой выгоды: сиди под землей, как крот, без всяких видов на будущее… Вроде бы их нашлось не особенно много — но, привлеченные соблазнами большого мира (иные его повидали в качестве доверенных лиц, контролировавших земных сообщников), находились и те, что бежали на Харум, растворяясь там в безвестности. Причем прихватывали кое-какие чертежи и

мелкие устройства, которые можно выгодно продать тем же книжникам и ученым, что имели привычку покупать числавшееся запрещенным. Подобно Тагарону. Это имя пока что не прозвучало, но теперь Сварог не сомневался: именно такие вот беглецы и продали Тагарону секрет двигателя. Хитрые Мастера о них явно помнили — и, опять-таки по рассказам Тагарона, порой охотились рьяно…

Кое-какие секреты пиратов явно были и *их* секретами. «Одно утешает: *гнездо* они разнесли целиком», — подумал Сварог. Все до единого, кого успели допросить, клялись и божились, других таких нет, были только они. И подумал еще: когда все кончится и материалов накопится достаточно, нужно будет сориентировать свои спецслужбы на поиски и в *этом* направлении. Глупо думать, что они вскрыли *всю* сеть поставок туда и обратно. Так что работы хватит — но ему самому, слава богу, этим заниматься уже не придется — мало ли у него толковых подчиненных?

Выключив компьютер, аккуратно собрал в немаленькую стопу бумаги и подошел к стоявшему в углу шкафу — высокому, резному, в стиле «школы Доли Чолатара» щедро украшенному искусной резьбой и завитушками, На вид он выглядел настолько хрупким, что любой здоровенный драгун мог вынести дверцы одним добрым пинком. Вообще-то так оно и было бы, окажись шкаф *обычным.* Он и был обычным — вот только заключенным в мощное силовое поле, в точности повторявшее очертания антикварной мебели. Ни одна живая душа на земле не смогла бы его преодолеть — да и кое-какие заоблачные технологии не помогли бы…

Коснулся большим пальцем правой руки центрального медальона одной из украшавших крышку завитушек — ключом к невидимому замку служит не только отпечаток пальца, но и кое-какие биологические поля всего Сварогова организма. Спрятал туда бумаги, включил поле и вернулся за стол. Нажал кнопку под столешницей — теперь в приемной на столе секретаря, опять-таки пониже столешницы, загорелась синяя лампочка, означавшая, что его величество свободен от дел и доступен для посетителей. Мимоходом подумал с ухмылкой, что успел забить дворец изрядным количеством всевозможных электронных штучек — но Канцлер ему ни разу на это не попенял, хотя не мог не знать. Умный все-таки человек, прекрасно понимает разницу меж пустыми забавами и интересами дела — к тому же если все «неположенное» надежно укрыто от непосвященных… Даже за компьютер Интагара ни разу ни словечком не покритиковал…

Упомяни о черте — а он тут как тут… Правая створка высокой раззолоченной двери тихонько отошла, и в

образовавшейся щели показалась физиономия Интагара. Как и полудюжина других самых верных сподвижников из местных, министр тайной полиции, когда горела синяя лампочка, имел право входить без доклада, но, как и все прочие, считал необходимым проявлять некую деликатность. Так поступали все, за исключением Мары — но на нее слишком многие правила и запреты, как легко догадаться, не распространялись… Даже Яна держалась скромнее — ради сохранения инкогнито, и его орлы из девятого стола тоже. Правда, порой (когда горела даже не желтая лампочка, а красная, означавшая, что король принимает лишь в случае Белой тревоги, а пока что недоступен и для узкого круга сподвижников) и они подавали сигнал, заставлявший вспыхивать фиолетовый огонек на его портсигаре (выполнявшем чертову уйму функций). У всех были браслеты, на которых стоило лишь нажать соответствующий драгоценный камень (в том числе и у Родрика — дворяне здесь тоже носили браслеты).

— Входите, старина, — сказал Сварог с некоторой даже радостью (хороший случай отвлечься от двухчасового корпения над бумагами и компьютером). — Надеюсь, никакого заговора? Честно говоря, заработался, небольшой заговор меня бы отвлек.

— Никаких заговоров, государь, — что-то очень уж серьезно ответил Интагар, присаживаясь после жеста Сварога. — Все спокойно. Розыски по известному вам делу понемногу приобретают размах, мои коллеги в других странах, согласно вашему повелению, включаются в работу…

— Что же вид у вас чуточку унылый?

— Вы же знаете, государь, терпеть не могу непонятного. Особенно когда оно случается при таких вот обстоятельствах…

— Ну?.. — спросил Сварог.

Из-за широкого отворота Интагарова камзола появился конверт — не особенно большой, но пухловатый, с синей сургучной печатью, на первый взгляд, припечатанной каким-то простым подручным предметом вроде донышка стакана. Без всяких надписей. Интагар положил его на стол перед Сварогом сургучом вниз — и тут-то Сварог разглядел надпись. Точнее, рисунок: довольно мастерский изображенный черными чернилами глаз и над ним корона. Старинная эмблема высшей степени секретности — «только для глаз короля».

Чуть удивленно поднял брови: если и появлялись секреты *такого* рода, Интагар всегда передавал их устно — а среди его агентов не было людей, обладавших бы правом передавать королю донесения с *такой* эмблемой. Было вообще-то несколько, но, во-первых, к ведомству Интагара они не принадлежали (хотя нельзя ручаться, что Интагар кое о ком из них не знал — такая уж

персона), а во-вторых, подобные конверты всегда передавал статс-секретарь, и они каждый раз были запечатаны в другой, с самой невинной, но много означавшей для секретаря надписью…

— Интересно, — сказал Сварог, взвешивая конверт на руке, (это действительно было интересно, впервые на его памяти случалось). — И в чем тут непонятное? Я хочу сначала выслушать ваши пояснения… Кстати, вы не поддались соблазну раньше меня ознакомиться с содержимым? Вообще-то за самовольное вскрытие такого вот пакета полагается смертная казнь, но я слышал краем уха о былых министрах тайной полиции, *излишне* любопытных. Печать очень уж простая, ваши мастера без труда подделывают и посложнее…

Интагар решительно сказал:

— Возможно, будь на вашем месте *другой* король… Но с *вами* такое проделывать опасно. Еще спросите, не вскрывал ли я его — и конец…

— Вот за что я вас всегда ценил, Интагар, так это за редкостное здравомыслие. В том числе, — сказал Сварог, по-прежнему вертя конверт — не из самой лучшей бумаги, но все же сразу видно: в лавке куплен, не самодельный… Что не так с этим посланием?

— Дело даже не в послании, а в личности того, кто его для вас передал, — сказал Интагар, насупясь. — От этого человека я в жизни бы не ожидал, что однажды он передаст мне для вас письмо с *такой* эмблемой.

— Давайте по порядку, — сказал Сварог.

— Письмо мне буквально квадранс назад отдал Юл Качер и горячо, я бы даже сказал, возбужденно просил передать вашему величеству. Он парень уравновешенный, но сейчас явно волновался, я его редко таким видел… Разве что когда он на *тропе*…

— Давайте-ка поподробнее об этом самом Качере.

— Это мой человек, — сказал Интагар. — Три года служит. — Парень молодой, хоть и не юнец, из фригольдеров, но грамотный… Не глупый, сообразительный, взысканий и серьезных упущений по службе нет. Я его два года подержал в «топтунах», он хорошо справлялся, и я решил его чуточку повысить. Перевел в «коридорные». Вам ведь нет нужды напоминать, кто это такие?

— Я помню, — сказал Сварог.

Он и в самом деле прекрасно помнил. Дворцовые лакеи делятся на две категории: «столбики» стоят на месте (среди них тоже немало агентов Интагара), а «коридорные» прохаживаются по какому-то определенному коридору — чтобы в первую очередь

контролировать «столбиков» и присматривать за телохранителями, тоже замершими на своих местах, как статуи. Система эта придумана давным-давно — все исподтишка надзирают за всеми — и частенько приносит пользу. Особенно для королей, опасающихся внезапного покушения в дворцовых коридорах — а у Сварога такие опасения имелись давным-давно и с манией преследования общего ничего не имели, достаточно вспомнить Лавинию Лоранскую и ее милую манеру подсылать убийц — и она, как показывает жизненный опыт, не единственная, кто балуется такими развлечениями.

Интагар почти бесстрастно продолжал:

— Пост у него — Бирюзовый коридор. Ведущий от Мраморной лестницы к вашим личным покоям в этом крыле дворца.

Дальнейших пояснений не требовалось: большая часть проходящих по этому коридору — как раз его ближайшие сподвижники или сановники, вызванные по серьезному делу. Праздных гуляк тут почти не бывает — хотя коридор и не перекрыт постоянно для всех имеющих доступ во дворец — ну, разве что в особых случаях: самые важные совещания в узком кругу, обнаружение загадочного балкона, ведущего в чужой мир…

— Вот это и есть непонятное, — сказал Интагар. — Что он мог узнать на том посту, требующее *такой* эмблемы? Парень ответственный, ни за что бы не стал на службе заниматься дурацкими шуточками, да и не на службе тоже… Непонятно…

— Ну, нетрудно и узнать… — сказал Сварог.

С треском разломив печать, бросил на Интагара быстрый многозначительный взгляд. Тот поднялся, отошел подальше к стене, заложил руки за спину и притворился, что с видом записного искусствоведа разглядывает старинное батальное полотно, где была мастерски изображена конская сеча.

Сварог достал два листа желтоватой бумаги, густо исписанной с обеих сторон мелким, четким, почти канцелярским почерком. Первую сторону одного из листов пробежал бегло, перевернул. Вернулся к началу и прочитал письмо уже гораздо внимательнее. Интересные сюрпризы подбрасывает жизнь… Аккуратно сложив листы и сунув их в конверт, закурил, откинулся на спинку кресла. Никаких особенных мыслей и уж тем более комментариев у него попросту не было. Не знал, что тут сказать, и все тут…

И не знал, как это объяснить. Не хотелось делать поспешных выводов.

— Садитесь, Интагар, — сказал он задумчиво. Отошел к

сейфу и спрятал туда конверт.

Интагар живенько уселся, воззрился с немой надеждой.

— И не надейтесь, — сказал Сварог. — Ваш парень был совершенно прав. Это письмо касается только меня. Понятно?

— Конечно, государь. Но если там что-то опасное…

— Будь там что-то опасное, я бы непременно с вами поделился, — сказал Сварог. — Но в том-то и дело, что там нет ровным счетом ничего опасного. Всего-навсего один из тех секретов, которые знаю только я. Вы уже убедились, что попадаются и такие, пусть крайне редко. И вот что, Интагар… Я надеюсь, вы и на сей раз сумеете удержать любопытство при себе. Поэтому — пусть этот парень и дальше несет службу. И чтобы все у него было нормально, — он подпустил металла в голос: — Понятно вам?

— Понятно, государь, — смиренно сказал Интагар. — Когда это я нарушал ваши прямые приказы? В конце концов, излишним любопытством не страдаю…

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Позовите этого парня минут через пять и оставьте нас наедине…

За это время он успел проделать с компьютером нужные манипуляции и побыстрее убрал экран, чтобы не посвящать простого агента третьего разряда в те тайны, что ему по рангу знать безусловно не полагалось.

Когда «коридорный» вошел, низко поклонившись, Сварог какое-то время его рассматривал. Лицо, и в самом деле, довольно смышленое, робеет, конечно, но в меру, не трепещет (Сварог терпеть не мог подобострастия во всех, кто стоял ниже).

— Сначала скажите вот что, Качер, — сказал он вполне дружелюбно, чтобы не отпугнуть резкостью тона. — Когда вы стоите на посту… то есть ходите на посту, часом, не придаете своей физиономии гораздо более тупой, чем обычно, вид? Ну, смелее. Король настроен вполне благосклонно.

Агент решился:

— Не без этого, государь. Начальство наставляет, что лакей должен выглядеть чуточку придурковато. Потому что чересчур уж умных лакеев недолюбливают. Слишком шустрый — он и у дверей подслушать может, и мало ли что…

— Пожалуй что, резон… — чуть подумав, сказал Сварог. — А изобразите-ка мне *служебную* физиономию…

Качер в мгновение ока преобразился. Нельзя сказать, что он теперь выглядел совершеннейшим болваном — в конце концов, законченных дебилов по облику тоже не любят брать в лакеи, тем более дворцовые, но казался гораздо глупее, чем был на самом деле.

— Неплохо, — сказал Сварог. — Подойдите к столу и посмотрите. — Он выложил в ряд пять фотографий. — Узнаете кого-нибудь на этих картинках?

Качер смотрел недолго. Почти сразу же уверенно сказал:

— Да, и вот эти четверо. Пятая персона мне прекрасно известна, но исключительно по дворцу. Там этого человека не было.

— Не ошибаетесь? — исключительно для проверки спросил Сварог.

— Никоим образом, государь, — так же уверенно ответил Качер. — Я до дворца два года проходил в «топтунах», а там нужно иметь наметанный глаз и память на лица. Чтобы увидел мельком и не забыл — мало ли как оборачивается…

— Понятно, — сказал Сварог. — А теперь будьте-ка любезны ответить: что вы сами обо всем этом думаете? Только правду. Не можете не знать, что я безошибочно умею определять ложь.

Качер чуточку помялся. Решился наконец:

— Не знаю, что и думать, государь, обо всем этом. Явление это известное, главным образом среди крестьян, лет двести о нем толкуют. Я раньше не особенно верил, но вот своими глазами пришлось… Не знаю, что и думать.

Он не врал.

— Ну, а догадки у нас есть? — спросил Сварог. — Ваш министр говорит, что вы — хороший агент, обязательно должны были подумать с этой точки зрения…

— Не знаю, государь, — признался Качер с покаянным видом. — Ну, просто в голову ничего не лезет. Может, это ведьмы с колдунами? Больше вроде бы и некому. Среди крестьян именно такое суждение кружит издавна…

— Ладно, — сказал Сварог. — Есть у вас, Качер, какая-нибудь заветная мечта? Я не имею в виду что-то такое ослепительное и грандиозное. Что-то, как нельзя более подходящее для молодого агента третьего разряда? Мечта, которую король может исполнить, практически не напрягаясь? Ну, скажем, подняться до агента первого разряда?

Качер, практически не раздумывая, подался вперед:

— Ваше величество, мне бы в Гильдию! И, не сочтите за нахальство, именно в Бронзовую… Я бы… В неоплатном долгу…

— Интересно, — сказал Сварог. — А почему у вас именно такая мечта? Обычно люди просят повышение, медаль, всякие такие вещи… Вы мне оказали серьезную услугу, хотя и не имеете права знать, в чем она состоит. Просите что-нибудь соразмерно чину.

— Понимаете, государь… Есть одна девушка… Честное

слово, у нас взаимно… Только отец ее ни за что за меня не отдаст. Он из Бронзовой гильдии, пивовар, три Пивоварни держит в Латеране… Вы, наверное, не знаете тонкостей…

— Знаю, — сказал Сварог.

Он и, в самом деле, эти тонкости прекрасно знал. Даже три высших гильдии, в которым относится и Бронзовая, с большим скрипом отдают дочерей и женят сыновей на членах трех означенных гильдий. А уж тем более, когда речь идет о низших. А уж тем более когда речь идет о крестьянах, пусть и свободных фригольдерах… Тут и пытаться нечего. Особенно если вспомнить еще об одной немаловажной подробности: жених всегда остается в прежнем сословии или гильдии, а вот невеста всегда принимает гильдию или сословие мужа. Или, скажем, становится дворянкой: не так уж и мало дворян женятся на девушках из сословий или гильдий — либо из-за красоты девушки, либо из-за солидного приданого. Да что там далеко ходить — в прошлом году граф Обимонд из Равены женился на ослепительной красотке-фригольдерше. Богач изрядный, а что до происхождения, спесиво заявил: «Знатности у меня хватит на двоих». Случилось несколько дуэлей, но, после того, как граф убил двоих и тяжело ранил третьего, с новоявленной графиней как-то смирились и стали принимать в обществе. Пожалуй, вскоре можно будет его и при Латеранском дворе принять…

Вот только здесь не тот случай. Ни один успешный пивовар не согласится, чтобы его доченька стала фригольдершей, пусть даже фригольдер этот служит в тайной полиции — и, кстати, в небольшом чине…

— Ну что же… — сказал Сварог, открыл два ящика стола, достал из одного чистый листок бумаги, из другого — украшенный Малой королевской печатью. Сначала написал несколько слов на том, что с печатью. Протянул сыщику, смотревшему на него с детской прямо-таки надеждой. — Когда сменитесь с дежурства, отправляйтесь к моему казначею, он вам выдаст пятьсот ауреев золотом. Насчет гильдии решим завтра же, есть у меня некоторый авторитет в Министерстве сословий и гильдий, — он ухмыльнулся. — Сделаю-ка я вас, пожалуй, торговцем пивом. Денег хватит на хорошую пивную в приличном районе, вообще на обзаведение. Сами по занятости в пивной сидеть не сможете, но с вашим опытом службы в тайной полиции, думаю, подыщете дельного, невороватого приказчика. Чего доброго, пивом вашего тестя будете торговать вовсю… — он поднял ладонь: — Только без излишне льстивых и бурных выражений благодарности. Терпеть этого не могу. Понятно?

Прямо-таки завороженно агент протянул:

— Умру за вас, государь…

— Вот умирать не нужно, — серьезно сказал Сварог. — Вам еще жить да жить… — он написал на чистом листке всего два слова, встал, обошел стол и оказался вплотную к исполненному несказанной радости сыщику. Протянул ему листок: — Отдадите вашему министру, он там, в приемной, передайте на словах: пусть он мне соберет все, что найдется об этом… явлении. Особая спешка не нужна, но и тянуть не следует, — уперся собеседнику указательным пальцем в грудь, повыше золотого галуна на зеленой ливрее, сказал веско и с расстановкой: — Одно непременное условие, как только выйдете из моего кабинета и отдадите записку, немедленно забудьте обо всем — об этом… явлении, о вашем письме, о нашем разговоре. Напрочь. Навсегда. Ничего этого не было. Если все это выполните, вполне может оказаться, что это не последняя милость… Все поняли?

— Конечно, ваше величество! — воскликнул молодой человек, вытягиваясь прямо-таки по-солдатски. — Уже забыл!

— Прекрасно, — сказал Сварог. — Уберите с лица улыбку, она у вас, уж простите, чуточку идиотская, и ступайте да скажите министру, чтобы зашел ко мне.

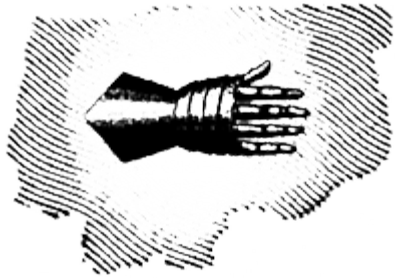
Оставшись в одиночестве, он сел за стол, покрутил головой, фыркнул. Мысли как-то не лезли в голову, и он решил подождать, когда хоть что-то прояснится…

— Вот что, Интагар, — сказал он, когда министр вошел, все еще недоуменно глядя в развернутую записку. — Ничему не удивляться, сами знаете, у нас бывают самые причудливые дела. И вот еще что! Я только что пожаловал этому молодому человеку членство в Бронзовой Гильдии и пятьсот золотых. Придумайте, как мотивировать столь щедрую для его положения награду…

Интагар раздумывал всего несколько секунд:

— Ну, это несложно, государь. Пустим слух, что он задержал ночью подозрительного типа с кинжалом, явного лоранца. Примеры были. Обставим все так, что никто и не засомневается, — и деловито осведомился: — *Пристегнуть* к этому пару-тройку субъектов из тех, по кому давно решетка плачет? Очередной маленький заговор…

— Вот этого не стоит. — Сказал Сварог. — Лишние разговоры пойдут, а это ни к чему, — он энергично встал. — Займитесь этим немедленно, у вас ведь полно специалистов во всех областях жизни… А я полетел туда, — он показал пальцем на потолок. — К ужину вернусь, пожалуй…



Глава II
ЗАЗЕРКАЛЬЕ БЕЗ АЛИСЫ

— Интересно, почему вы не сообщили мне сразу? — бесстрастно спросил Канцлер.

Сварог знал его давно. За бесстрастностью могли крыться самые разнообразные чувства и эмоции. А впрочем, хотя он сейчас и был в какой-то мере подчиненным Канцлера, тот обладал достаточным тактом, чтобы высказывать ему претензии или просто выражать неудовольствие в присутствии Яны.

И Сварог ответил чистую правду:

— Получилось бы короткое, сухое сообщение. Мы хотели подобрать достаточно материала. Вы ведь все равно поручили бы дело нам?

— Пожалуй, — сказал Канцлер. — Ну, и как обстоит с материалами?

Марлок был весь внимание. Они с Канцлером уже вдоволь насмотрелись с балкона на сияющий рекламами ночной город: сейчас здесь был день, а *там,* соответственно, ночь.

— Вот, — сказал Сварог и показал на футляр для здешних видеокассет, откуда торчал десяток «спичечных головок». — На девяти — все, что мы засняли, перехватывая здешние телеканалы. Десятая — наш анализ увиденного. Конечно, как вы понимаете, самый приблизительный, и выводы поверхностные, но это все, что мы могли пока сделать.

Канцлер с Марлоком посмотрели на футляр — и, без сомнения, моментально прикинули, что на просмотр всего понадобится немало часов. Как и ожидал Сварог, Канцлер сказал:

— Ну, в таком случае… Граф Элкон, вы занимались наблюдениями едва ли не в одиночку. Вот и изложите кратко основное.

— Сутки, как и у нас, состоят из двадцати шести часов, разве что длятся минут на десять короче. Месяцев не семь, как у нас, а девять. Интересно, что среди названий есть Элул и Северус, хотя в *их* календаре они стоят не на тех местах, что в нашем. В неделе у них тоже семь дней, но дней в неделе — шесть. Можно предполагать, опять-таки приблизительно, что их год короче нашего дней на десять-двенадцать…

Канцлер чуточку поморщился:

— Вряд ли с этого стоит начинать… Меня интересует совсем другое. Граф, вы наткнулись на что-нибудь, позволившее бы с уверенностью сказать — что там? Соседняя Страница, наше

доштормовое прошлое или, наоборот, будущее Талара?

— Вот тут придется рассказывать подробно…

— Вот и рассказывайте, — сказал Канцлер, чуть улыбнулся. — Думаю, никто из присутствующих не захочет покинуть комнату, испугавшись долгих объяснений? Нет? Вот и прекрасно.

— Насчет того, будущее ли это, я совершенно не берусь судить, — решительно сказал Элкон. — По причине полного отсутствия фактов, позволивших бы делать хоть какие-то выводы. Вариантов остается только два: Соседняя Страница или прошлое. Здесь, по крайней мере, есть какое-то поле для версий, гипотез и дискуссий. Лично я, пока не поступит больше информации, склоняюсь к варианту «прошлое», но только склоняюсь…

— Основания? — тут же спросил Канцлер.

— Планета, как и Талар до Шторма, именуется Котейр. Есть и более серьезные соображения… — и он коснулся кнопки и вывел на стену, на большой экран, застывшее изображение: перед большой картой полушарий сидел безукоризненно одетый человек, так, что его голова приходилась аккурат между ними, и карту можно было рассмотреть во всех деталях. Пояснил: — Телепрограмма называется «Хроники планеты», суть ясна без названия. — Вывел рядом еще одну карту полушарий. — А это — карта полушарий, которую наши люди нашли при осмотре базы Стагар. Согласитесь, сходство полнейшее. Даже названия те же: Альдария, Рикобан, Пандичитта… да все без исключения. Как видите, практически все архипелаги там состоят из одного-единственного острова; причем гораздо больших размеров, чем нынешние. При том, что половины нынешних наших архипелагов и островов нет вообще, на их месте — суша. Особенно Харум непохож на нынешний: Лоранского полуострова нет, на полуночи…

— Простите, граф, все это мы и сами видим, — чуточку сварливо прервал его Марлок. — Действительно, карты совпадают полностью. Но простите, вы только на *этом* основании считаете Ту Сторону прошлым?

Элкон чуть развел руками:

— Признаться, да… Но что поделать, если других оснований попросту нет?

— О Соседних страницах нам мало что известно, — сказал профессор с завзятостью любителя ученых дискуссий и диспутов. — Разве что… Иные книжники упорно твердили: Соседние Страницы крайне похожи на наш мир, но сплошь и рядом могут либо отставать во времени, либо опережать. Из чего они сделали такой вывод, неизвестно, но они тысячелетиями

считали именно так. Поэтому можно сделать и такой вывод: перед нами — Соседняя Страница, соответствующая доштормовым временам Талара. Не так ли, мой юный друг?

— Безусловно, — сказал Элкон, прямо-таки кротко и смиренно, как подобало самому младшему и по возрасту, и по положению. — У меня по скудости информации нет окончательных выводов, господин профессор. Одни рабочие версии.

Профессор буркнул что-то одобрительное. «Молодец, парень, — подумал Сварог. — Отлично держится. А вот Канилла на его месте могла и погорячиться, дерзостей наговорить…»

— А впрочем… — сказал профессор. — Иные Соседние Страницы, пожалуй что, могут отстоять от нас совсем ненадолго…

Они со Сварогом обменялись быстрыми понимающими взглядами. Из всех присутствующих только Яна не подозревала, что стоит за этой фразой. И Канцлеру, и Марлоку, и Элкону Сварог все же рассказал, как однажды, сам не понимая, как и почему это произошло, увидел под своим брагантом *другой* Келл Инир. А вот Яне — не смог. Духу до сих пор не хватает рассказывать ей, как он *там* стоял на коленях над ее закоченевшим телом, как обледеневшая прядь ее волос при легком прикосновении сломалась, словно сухая веточка. Духу не хватает, и все тут…

— Страны, порядок управления, политическая ситуация? — невозмутимо спросил Канцлер. — Уж в таких-то программах о таких вещах наверняка рассказывается подробно?

— Конечно, — сказал Элкон. — Стран здесь четыре: Альдария, Рикобан, Пандичитта и Дорлиорн — наш Харум. Других нет, что легко определить по цветам, в которые раскрашены континенты, — это ведь политическая карта. Кстати, город за окном называется Саваджо. Сейчас он на дне моря, примерно вот здесь, — он направил тоненький пронзительно синий лучик лазерной указки в точку примерно на полпути меж Харумом и Катайр Крофиндом. — Войны меж какими-либо державами нет — вот об этом можно говорить со всей уверенностью. Никакой напряженности не чувствуется. Какие-то трения в области экономики имеются, о них глухо упоминается, но войны безусловно нет, ни одной. Разве что… Диктор мельком упомянул: на юге Альдарии, вот здесь, — он показал указкой на довольно длинный и широкий полуостров, глубоко вдававшийся в море, — правительственные войска все еще ведут бои с сепаратистами. Многие события он комментирует, но это — не стал. Мало того, из его тона совершенно непонятно, выгодно это

Дорлиорну или наоборот. Совершенно нейтральным тоном упомянул.

— Ага! — энергично сказал профессор. — Значит, какие-то трения все же обязаны быть. *Серьезные* сепаратисты просто не могут существовать без иностранной помощи, иначе их быстро придушат. Вы обратили внимание: диктор говорил не «стычки», а «бои»?

Канцлер усмехнулся:

— А порой еще и бывает, что самым нейтральным тоном события комментируют именно те, кто в них замешаны… Продолжайте, граф.

— Порядок управления… — протянул Элкон. — Здесь трудно сказать что-то определенное. Монархий, во всяком случае, нет — существуй хоть один монарх, о нем обязательно упомянули бы. С другой стороны, иные имена иногда упоминаются с прибавлением дворянских титулов. Что никоим образом не говорит о существовании монархии: на Сильване, когда в Колини прочно утвердилась республика, дворян изрядно ущемили в правах, земель им оставили процентов пятнадцать, но сами титулы отменять не стали, наоборот, ими и сейчас Высшее Собрание порой жалует…

Марлок фыркнул:

— К большому неудовольствию как «старых» дворян, так и прочих сильванских держав, которые все до одной остаются монархиями.

Канцлер досадливо поморщился, не сдержавшись. Сварог не знал подробностей, но слышал краем уха, что с Колини у Канцлера связаны неприятные воспоминания. Вроде бы он во время тамошнего мятежа самым активным образом поддерживал монархию, но потерпел одно из немногих в своей жизни поражений. Очень уж активно на стороне мятежников выступала Лига Паруса, сильванский аналог Ганзы, и очень уж важную роль она играла в торговых отношениях меж Таларом и Сильваной. Так что в конце концов махнули рукой, отступились, и тамошнего посла принимают с тем же решпектом, что и послов Ганзы. Во всяком случае, примерно так болтали…

— Давайте не будем отвлекаться, господа, — сказал Канцлер. — Продолжайте, граф.

— Об образе правления судить трудно, — сказал Элкон. — Ясно только, что монархий там нет. А что до остального… Есть и президенты, и премьер-министры, и парламенты… но я помню и из истории, что порой званием президента или премьер-министра прикрывался откровенный диктатор, а парламенты при нем были столь же карманными, как, скажем, уитенагемот при Конгере

Ужасном…

Сварог сохранял на лице полнейшую невозмутимость. Если честно, и у него уитенагемоты и подобные им учреждения были чисто карманными (за исключением Глана и Ганзы). Но вот диктатором он себя никак не считал — король как король, бывали и хуже, и свирепее…

— В любом случае, нигде не просматривается и намека на *военную* диктатуру, — сказал Элкон. — Существуй она где-то, непременно проскользнули бы пусть беглые, но упоминания. Намеки, которые ничуть не хуже прямых определений… Подводя итоги — общество достаточно спокойное, стабильное — хотя вооруженные силы повсюду мощные. Что еще? Упоминалось об очередном совещании Лиги Четырех Миров и межпланетных полетах. Чем бы ни была Та Сторона, Лига существует и там.

— А названия трех остальных планет? — быстро спросил профессор.

— Те же самые, что и у нас, — ответил Элкон. — Все три. Сам по себе этот факт ровным счетом ничего нам не дает…

— Пожалуй, на этом можно и закончить, господа? — спросил Канцлер. — Ваше величество, вы позволите перейти к делам практическим?

— Конечно, — сказала Яна.

— Я практик и прагматик, — сказал Канцлер. — Меня совершенно не интересуют Древние Дороги (он заметил, что Марлок недовольно поджал губы). — Профессор, каждый судит со своей точки зрения, с точки зрения профессии. От Древних Дорог за все эти тысячи лет не было ни пользы, ни вреда, и потому они мне абсолютно неинтересны как практику, занятому делами государственного управления. По той же самой причине мне неинтересны и Заводи… вы опять морщитесь, профессор, а вот король Сварог — практик, меня понимает гораздо лучше. Вот видите… Достаточно и того, что я много лет выделяю энергию на исследования путей на Древние Дороги и в Заводи, хотя ни те, ни другие не могут похвастать и тенью успеха. Но сейчас… Сейчас качественно иная ситуация, господа. Если там — Соседняя Страница, ее безусловно стоит исследовать, в первую очередь оттого, что это сбережет ученым усилия и ресурсы. Если там — доштормовое прошлое, к нему нужно отнестись с еще большим вниманием. Граф… вы, случайно, не узнали, какой там год?

— Ну, это-то выяснилось очень быстро, — сказал Элкон. — Две тысячи сто сорок седьмой… правда, я не доискался пока, какой эры, от какой точки они ведут отсчет…

— Ну, это, в конце концов, и неважно… — махнул рукой Канцлер, продолжал тихо и серьезно. — Вы все прекрасно знаете:

точная дата Шторма и переселения наших предков за облака неизвестна. По разным версиям где-то в интервале меж две тысячи сто сорок девятым и две тысячи сто пятьдесят первым…

— Великие Небеса! — ахнул профессор Марлок. — Если это прошлое, они совсем близко!

— Вот именно, — невозмутимо сказал Канцлер. — Тут уж мы просто обязаны провести скрупулезные исследования. Я всегда старался допускать самые пессимистические версии…

— Считаете, что Шторм может и к нам прорваться через это чертово окно? — спросил Марлок.

— В качестве самой пессимистической версии — допускаю, — не моргнув глазом, ответил Канцлер. — Но даже если этого не случится, у нас есть наконец возможность изучить доштормовую ситуацию. У нас есть и время — будем считать, год с лишним.

— Немало… Благодарю вас, граф. Я услышал достаточно. Все остальное мы с профессором посмотрим потом. А пока давайте подумаем над практикой…

Он достал одну из своих любимых трубок, прямую, из сильванского вереска, стал привычно набивать ее табаком. Профессор извлек свою, темного дерева, с медными украшениями. Видя такое дело, закурил и Сварог. Он всецело соглашался с Канцлером и профессором, что курение содействует активной умственной деятельности, что бы там ни твердили приверженцы здорового образа жизни, которые не курят и не пьют, но все же рано или поздно помрут, разве что здоровенькими…

И тут… К его нешуточному удивлению, Яна достала из сумочки плоский золотой портсигар с ее вензелем, выложенным на крышке крупными сапфирами — совершенно под цвет ее глаз, — сунула в рот длинную коричневую сигарету с черным фильтром, прикурила от огонька на кончике пальца и умело выпустила дым, не поперхнувшись и не закашлявшись. Проделывала это явно не в первый раз…

«Так-так-так, супруга моя дорогая, — растерянно и сердито подумал Сварог. — Сколько еще у тебя тайн от мужа? А ведь казалось пару раз, что от нее табачком слегка попахивает. Значит, не казалось. Откуда что взялось, и гадать нечего — Канилла Дегро, конечно же, она единственная из ближнего круга Яны, кто дымит, как речной пароход. Наверняка Канилла, бесенок очаровательный, и подбила попробовать, а там…»

Никто из остальных трех не обращал внимания на сигарету меж тонких пальцев Яны. Вообще-то курение для женщин у ларов давно уже не под запретом — нарушением этикета считается разве что, когда женщины курят на людях, «в обществе», на балах,

пирах и тому подобных мероприятиях. Открыто, на людях курят лишь пожилые и старухи, причем первые начинают как можно позже — какая женщина согласится открыто признать себя пожилой? Так что в данном случае — никакого нарушения этикета…

И все же Сварог уперся в нее суровым взором. Яна ответила невиннейшим взглядом, чуть пожала плечами, словно бы даже чуточку недоумевая — ладно, потом поговорим…

Какое-то время все с удовольствием пускали дым. Один Элкон косился на них чуть страдальчески. В свое время, вернувшись из неудачного горротского похода и получив, как все остальные новоучрежденную медаль, он, чтобы выглядеть перед девицами вовсе уж бравым воякой, раздобыл трубку из тех, какие любили Вольные Топоры, и энергично принялся за дело. Но вскоре выяснилось, что курение ему решительно не дается — перхал, кашлял давился дымом, девицы уже начинали похихикивать — так что пришлось бросить. А у Яны, значит, получилось вслед за Каниллой — не особенно ошеломляющий сюрприз преподнесла милая женушка, но все же…

— Итак, господа? — преспокойно спросила Яна, еще не докурив. — Поговорим о практике?

— Можно мне? — с самым невинным видом спросил Сварог, как будто это и не они с Яной обговорили заранее план действий.

— Конечно, — сказал Канцлер.

— Практические шаги сами собой напрашиваются, — сказал Сварог. — Запускать туда нашу аппаратуру рискованно — мало ли какие будут последствия. Остаются *люди.* Разумеется, большую научно-исследовательскую группу туда посылать нельзя — вызовет нездоровый ажиотаж. Остается самый простой и эффективный выход: отправить туда человека два, замаскированных под местных. Язык тот же, различие в выговоре всегда можно списать на какой-нибудь провинциальный акцент — у нас на Таларе такое встречается сплошь и рядом, наверняка и там хватает местных говоров. В случае любых несуразностей они и будут себя выдавать за провинциалов из глуши, не знающих очевидных вещей, — кто этому удивится? Везде обстоит одинаково. Побродить два-три часа, присмотреться и прислушаться… В конце концов, это не пещера людоеда и не придавленный сапогом жесткой военной диктатуры город — беззаботное местечко развлечений и увеселений, где полно приезжих, и к ним давно привыкли…

— Я бы не сказал, что это такая уж глупая идея… — начал было профессор Марлок.

Канцлер его перебил:

— Я правильно понимаю, лорд Сварог, что вы скромно предлагаете свою кандидатуру?

— Ну, конечно, — сказал Сварог с самым невозмутимым видом. — Не жребий же бросать? И среди кого? Не сочтите за похвальбу, но я бывал в переделках и почище. А тут переделки вряд ли возможны, прямо-таки прогулка…

Канцлер, как и подобало человеку с его умом, решительностью и должностью, легкую растерянность преодолел уже через пару секунд:

— Но вы же сами рассказывали, как после опытов с крысой и щенком рискнули сами туда спуститься по веревочной лестнице. Отошли на несколько уардов, постояли пару минут. И обнаружили, что там совершенно не действует любая магия ларов…

— Ну да, — сказал Сварог. — Элкон просто забыл упомянуть, что там нет алейрона, а значит, вся магия бессильна… Ну, и что это меняет? Кого бы другого мы туда ни послали, он точно так же будет лишен нашей магии. А я побывал в переделках, и, что немаловажно, везуч…

Яна совершенно ангельским голоском добавила:

— А чтобы уберечь его там от любых возможных опасностей, есть я. *Просто* магия там присутствует, я ее *чуяла.* И дуновение Древнего Ветра чувствовала, оно там в сто раз сильнее, чем здесь — там наверняка гораздо больше людей им владеющих, чем у нас. А с Древним Ветром я, опять-таки не сочтите за похвальбу, неуязвима… значит, и его защитить смогу. Одежду и обувь по тамошней моде изготовить нетрудно — Элкон сделал столько записей толпы на ночных улицах…

Похоже, у невозмутимости Канцлера были свои пределы. Какое-то время он молчал, ошеломленно глядя то на Сварога, то на Яну. Потом воскликнул:

— Черт побери, да вы же сговорились! Заранее сговорились!

— Я всегда уважала вашу остроту ума, Канцлер, — сказала Яна. — Потому вы и остаетесь Канцлером… Ну да, сговорились заранее и успели многое обговорить. Разве это что-то меняет? Наоборот, это только на пользу делу — что мы многое успели заранее обговорить, — ее голос изменился, в нем звучал *венценосный* металл. — Вы, кстати, не забыли, что это я отдаю вам приказы, а не наоборот? Это наилучшее решение — идти туда нам двоим, — и добавила непререкаемым тоном: — Такова моя воля. И не нужно пугать меня вашей отставкой. Я ее попросту тут же приму, и вы вообще ни на что больше не сможете повлиять… Возражения не принимаются, дискуссия закончена. На Ту Сторону идет исследовательская… ну, скажем уж со здоровым цинизмом

— разведывательная группа. В составе нас двоих.

Канцлер молчал, сидел с тоскливо-отрешенным лицом. Сварог знал: они оба прекрасно понимают — времена ее юной взбалмошности давно прошли, но решимость, да что там, упрямство остались прежними, особенно когда речь идет о крайне серьезных делах. Так что у Канцлера не было ни единой козырной розы — ни в руках, ни в рукаве. И он должен был это прекрасно понимать.

Глядя куда-то мимо Сварога, он почти рявкнул:

— И вы туда же, господа мои?!

Сварог оглянулся. И профессор Марлок, и Элкон сидели с азартно-оживленными лицами детишек, которых вот-вот пустят на кондитерскую фабрику. Ну, разумеется… Он решительно сказал:

— Простите, господа, но мы пойдем вдвоем. Вы, профессор, уж простите, попросту не бывали в переделках. А вы, Элкон, будете необходимы здесь, как дежурный при аппаратуре.

— Да чем я буду здесь полезен? — едва ли не со стоном разочарования и обиды воскликнул Элкон.

— То есть как это — чем? — поднял брови Сварог. — На вас, *лейтенант,* — он подпустил в голос чуточку командирского металла, — лежит важнейшая задача — техническое обеспечение операции. Дело не исчерпывается прослушиванием радиопереговоров полицейских машин друг с другом и с их центром, — он кивнул на всевозможную аппаратуру, которой с первых дней прибавилось едва ли не втрое. — Какими эффектами сопровождается переход между двумя мирами, мы не знаем, но не исключено, что они последуют, и в этом случае ваша задача — прилежно все зафиксировать.

— Эффекты не исключены, — кивнул Марлок. — Когда вы у нас… *появились,* лорд Сварог, наблюдались и возмущение геомагнитного поля, и легкая гравитационная аномалия, и еще кое-что интересное.

— Слышали, Элкон? — спросил Сварог. — Задача у вас важнейшая, а вы себя ведете, как мальчишка… Ну что, вопрос исчерпан и дискуссии кончены?

— Так точно, командир, — ответил Элкон уже вполне уставным троном.

«Ничего, парень, повзрослеешь скоро окончательно, — подумал Сварог. — И я давно избавился от прежнего лихого мушкетерства, и Яна поумнела, больше не бросается очертя голову на очередную загадку-тайну, как ворона на блестящую безделушку…»

— О *легенде* вы подумали? — спросил Канцлер.

Сварог переглянулся с Яной и кивнул:

— Конечно. В случае чего мужем и женой себя объявлять не будем — потому что не разобрались еще, как выглядят здешние обручальные кольца, хотя они тут, безусловно, есть, о них упоминается и в художественных фильмах, и в юмористических передачах. Просто-напросто любовники, решившие весело провести время в Саваджо. Из провинции Токбалат. Вот она, можно сказать, край света. Элкон, покажите. Спасибо. Классический пример, каких и на Таларе в каждой стране хватает: везде есть какая-нибудь провинция, чьи жители служат постоянной мишенью для побасенок и анекдотов. Так и здесь. Мы просмотрели парочку юмористических передач. Токбалатцы считаются туго соображающими недотепами, живущими в патриархальной глуши, где очень мало передовых достижений цивилизации. Этакие пентюхи. Как мы поняли, есть большой цикл анекдотов типа «токбалатец в большом городе», «токбалатец впервые в жизни увидел телевизор» и тому подобное. В общем, есть на что списать наше незнание местных реалий. Пожмут плечами и ухмыльнутся: ну да, токбалатцы, конечно, что с них взять…

У него чуточку отлегло от сердца — судя по интонации Канцлера, он смирился с неизбежным, и на смену спорам-дискуссиям пришла нормальная работа: подробный разбор операции.

— Документы, — серьезно сказал профессор Марлок. — На *таком* уровне развития они просто обязаны существовать. Ваше величество, при всем уважении к вашему… дару я, логически рассуждая, не думаю, что вы можете мастерски скопировать то, чего никогда в жизни не держали в руках…

— Не смогу, — спокойно призналась Яна. — Ну и что? Вовсе не обязательно точно знать, как они выглядят. Если у кого-то вдруг и возникнет идея проверить наши документы, он тут же о ней забудет и оправится восвояси. Уж за *это* я ручаюсь.

— Элкон, приведите кое-какие подробности, — сказал Сварог.

— Я два вечера, часа по четыре, наблюдал исключительно за поведением здешней полиции, — сказал Элкон. — И ни разу не видел проверок документов. Вообще, местная полиция держится очень благодушно. Берут только тех, кто пьяным заснет на улице, а такие часто попадаются, затеет драку или еще как-то нарушит порядок. Ко всем прочим, в том числе и к пьяным компаниям, горланящим на улице песни, проявляют снисходительность. Это легко объясняется: Саваджо живет за счет туристов, а значит, не стоит их дергать по любому пустяку… Вообще-то на въезде в

город устроено нечто вроде контрольно-пропускного пункта (Канцлер с Марлоком моментально насторожились, но Элкон улыбнулся). Ничего опасного, господа, там не проверяют документы, наоборот. Там стоят такие ящики… Всякого приезжего просят приложить ладонь в определенном месте, посмотреть в какой-то глазок, потом выскакивает небольшая карточка, ее вручают приезжему, и он преспокойно уезжает.

— Понятно… — сказал Марлок. — Отпечатки пальцев и сетчатки глаз — она, как и отпечатки, уникальна…

— Да, очень похоже, — сказал Элкон. — Какой-то пропуск для приезжих — надо же их как-то регистрировать, если они что-то натворят и оставят отпечатки…

— Это-то как раз не загадка, — сказал Марлок. — У нас в подобные места стекаются всевозможные карманники с аферистами, а то и уголовный народец посерьезнее. Здесь наверняка обстоит точно так же, не может тут не быть преступности… Хорошо. Пока что обсуждение идет гладко, но лично я здесь усматриваю еще один серьезный подводный камень. Деньги. То же самое, что и с документами, не подержав их в руках, не изучив, скопировать невозможно. Вы снова кивнули, ваше величество… А ведь в *таком* месте вам понадобится солидная сумма. К тому же в подобных местах, рассчитанных на нескончаемый поток туристов, цены всегда безбожно задраны — и на Таларе до этого давно додумались, а уж там… Как вы эту проблему намерены решать, ваше величество, лорд Сварог?

— Ничего сложного, — пожала плечами Яна. — Легкий толчок — и человек останется в уверенности, что я дала ему деньги, а он их взял.

— Чревато, знаете ли… — с сомнением сказал профессор. — Если вы это проделаете в каком-нибудь многолюдном месте, сможете охватить той же иллюзией всех окружающих? Если их будет немало?

— Не смогу, — сказала Яна.

— Вот видите, — профессор не без легкого торжества нацелился в нее чубуком дымящейся трубки. — И что в этом случае увидят окружающие? Что девушка подает продавцу словно бы кусочек воздуха, а он *это* преспокойно берет… Последствия непредсказуемы. Я тоже видел объявления, убедительно просящие не пользоваться в игорных заведениях магией. Магия там есть, и наверняка области жизни, где ее запрещено применять, гораздо шире игорных заведений… А если у них там есть какой-то аналог вашей, лорд Сварог, Багряной Палаты? И за вами начнут охоту?

— Есть и другой вариант, — почти не раздумывая, ответила Яна с легкой улыбкой. — Если в достаточно укромном местечке попадется достаточно богатый человек, он сам отдаст мне все деньги и тут же обо всем забудет. Конечно, крайне предосудительное для императрицы поведение, но чего не сделаешь для успеха предприятия…

— Вот тут у меня есть полезные дополнения, — сказал Сварог. — Я кое о чем умолчал до поры до времени, решил приберечь, пока не начнется деловое обсуждение операции. Каюсь… Два часа назад я туда спускался по веревочной лесенке *второй* раз. Там, естественно, стояла ночь, была тишина. Вот я и рискнул. Обошел строение, выглянул из-за угла, быстро рассмотрел все, что нужно, и быстренько убрался восвояси. Так вот… С *этой* стороны к зданию примыкает обширный кусок живописной и дикой чащобы, а вот с другой — расцвет цивилизации. От магистрали сюда ведет довольно широкая дорога. Поодаль, уардах в трехстах, стоит трехэтажное задание, и у меня отчего-то сложилось впечатление, что это — стилизация под *тамошнюю* старину. Там гостиница.

— Почему вы так решили? — тут же спросил въедливый Марлок.

Сварог усмехнулся:

— Да потому, что там светилась вывеска: Гостиница «У баронского замка». Горела парочка окон, не больше. А вдоль всего третьего этажа идет широкая галерея со столиками. Оттуда должен открываться прекрасный вид на дикую природу — так что главное веселье там начинается определенно днем. Но это детали. Главное в другом: гостиница явно рассчитана на весьма и весьма небедный народ. Поблизости — огороженная стоянка с парой дюжин роскошных по здешним меркам автомобилей, иные с гербами или вензелями на дверцах. У входа торчат несколько такси — значит, место считается *хлебным.* Наверняка иные постояльцы посреди ночи решают податься в Саваджо — и платят соответственно. Таксисты, как и наши извозчики, народ чертовски практичный, не стали бы торчать там, где заработки плохие. К чему это я? У тамошних постояльцев должно быть при себе немало денежек…

Он чуточку приврал — исключительно для пользы дела, ну, и для того, чтобы и дальше сохранять в тайне от Канцлера кое-какие хелльстадские штучки. Сам он никуда не лазил. Просто-напросто пустил привезенного из Хелльстада в кармане Золотого Шмеля — и тот за какой-то квадранс заснял все, что Сварога интересовало, вернулся беспрепятственно, и никакого переполоха на Той Стороне не случилось…

— Это облегчает задачу, — сказала Яна обрадованно. — Пройдусь по парочке номеров, мне отдадут деньги и тут же обо всем забудут. Канцлер, я вас умоляю, не нужно так страдальчески морщиться. У вас есть свои предложения, как добыть деньги?

— Нет, — поджав губы, признался Канцлер.

— Ну, вот видите… Между прочим и между нами: дядюшка Элвар в Каталауне порой и не такие номера откалывает, причем не для пользы какого-то дела, а исключительно для развлечения…

— Я знаю, — хмуро сказал Канцлер.

— Вот видите… Не пора ли на этом закончить обсуждение?

— Еще одна деталь, — сказал Канцлер. — Коли уж вы все решили, и вас не отговорить, нужно думать об одном: как извлечь из вашего визита максимальную пользу. Я бы вам посоветовал поискать книжные магазины. Или накупить газет. Так можно много полезной информации получить… База «Стагар» нам не особенна и помогла…

Сварог прекрасно понимал, о чем он. Группы, работавшие на базе «Стагар», вывезли оттуда изрядное количество книг и документов. Вот только из-за специфики места информация подобралась однобокая. Документы касались исключительно текущих флотских дел (порой непонятных для экспертов). Книги… Масса справочников, руководств, даже энциклопедий — но все они опять-таки относились к флотским (а порой и к другим военным делам). Навигация, вооружение, морское дело. И все такое прочее. Справочники и исторические, чисто документальные книги были интересны лишь для узкого круга историков: трехтомная «История самых знаменитых битв на суше и на море», «История развития военного флота» — и несколько десятков трудов на схожие темы, не дававших ни малейшего представления о том, как протекала жизнь «на гражданке». С художественной литературой обстояло не лучше: сплошь бульварное чтиво, вроде того, что Сварог в свое время нашел в номере навигатора Горонеро.

— Я это обязательно учту, Канцлер, — сказал Сварог. — Нужно будет купить в первую очередь какой-нибудь подробный справочник для туристов — в подобном месте их не может не быть…

— И никакого оружия, — сказал Канцлер. — *Наше* там будет бесполезно по причине отсутствия апейрона. *Ваше,* с «Рагнарока», наверняка сработает, как в Горроте — но кто его знает, как тамошняя полиция относится к туристам с пистолетом под пиджаком…

Яна очаровательно улыбнулась:

— А зачем нам пошлые пистолеты? Я — и *есть* оружие… Полагаю, что можно считать совещание законченным? — она встала первой, и за ней, согласно этикету, поднялись все остальные. — Не будем терять времени. Мы с лордом Сварогом летим в девятый стол, там работают над *реквизитом*…

— Элкон, остаетесь на дежурстве, — сказал Сварог. — Прислать вам на смену кого-нибудь из ребят?

— Не стоит, — решительно сказал Элкон, явно намеревавшийся сидеть тут день и ночь, чтобы ничего не пропустить.

Сварог лишь пожал плечами, и они вчетвером вышли. Ратагайцы, как обычно дежурившие в коридоре, почтительно расступились перед Сварогом и Яной (давно и прекрасно им известной как подруга короля), а Канцлера с Марлоком (хотя оба уже пару раз здесь бывали) по всегдашней своей привычке проводили бдительно-подозрительными взглядами: ну, таковы уж дети степей, что с ними поделаешь…

Уже в браганте, высоко в небе, Сварог спросил:

— Значит, дымишь?

— Не я одна, — Яна без всякого раскаяния на лице пожала плечами. — Ты сам, кстати, дым пускаешь, как сказочный дракон. Попробовала и втянулась как-то. В конце концов, это просто так, а не земная курительная дурь…

— Ладно уж, дыми в открытую, — сказал Сварог.

Он вспомнил, что при уровне развития медицины ларов курильщикам, даже самым заядлым, нисколечко не грозят ни рак легких, ни прочие хвори, проистекающие от табака. Так что пусть ее это не самая вредная привычка, особенно если учесть, что сам он и в самом деле дымил, как трехглавый дракон…

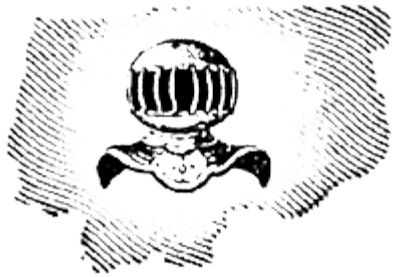
Не без любопытства покосившись на Яну, он спросил:

— Волнуешься хоть чуточку?

— Нисколечко, — тут же ответила она.

— Вот это зря, — сказал Сварог, — всегда надо хоть чуточку волноваться и опасаться. Люди порой как раз и гибнут оттого, что были *совершенно* уверены в себе и не боялись ровным счетом ничего. Ты это учти, пожалуйста.

— Я учту, — столь же серьезно пообещала Яна.



Глава III
ОНИ ПРИХОДЯТ

Женщина в любой ситуации остается в первую очередь женщиной, и ничего ты с этим не поделаешь. А потому Сварог, давно знакомый с этой нехитрой житейской истиной, молча терпел, пока Яна вертелась перед высоким зеркалом — гораздо дольше, чем требовала ситуация.

Одежда с Той Стороны ей шла — ну, ей все шло… Сиреневое платье из тонкого бархата, изрядно покороче даже тех, что носили на Таларе, и за облаками и внизу (так что моралист Интагар наверняка давно фыркал бы — платье вдобавок было сверху донизу на пуговицах, и нижняя расстегнута: Элкон давно подметил, что там все женщины помоложе так ходят). Короткие рукава фонарикам, вырез достаточно смелый, но не настолько, чтобы в Интагаре и на этот счет взыграл моралист, поясок затейливых бляшек золотистого цвета, сумочка на плече (косметика здешняя, но в *тамошних* упаковках — опять-таки следует поблагодарить телерекламу Той Стороны), синие туфли на не особенно высоком каблуке, волосы распущены по плечам (многие там так ходили). Скромная золотая цепочка, перстенек с некрупным сапфиром, серьги в тон перстню.

Наконец, налюбовавшись собой, она отошла, и Сварог бегло глянул на себя в зеркало: в общем, ничего примечательного, светлый костюм, фасоном и кроем не столь уж и разительно отличавшийся от тех, на покинутой Сварогом Земле — ну, лацканы с тремя вырезами, ну, брюки без «стрелок», словно панталоны диккенсовских времен. Галстук ничуть не кричащий. Изучая одежду, он отметил: *там* модны галстуки двух видов: либо полосатые, либо однотонные, в разнообразных геометрических фигурах (причем длина ширина полос и сочетания цветов отмечены величайшим разнообразием). Не особенно и раздумывая, Сварог быстренько выбрал светло-синий в белый горошек. Портсигары они с Яной тоже сработали по тем образцам, что предлагала телереклама, — выбрав попроще, серебряные, без особых украшений. Сварог подумал, что первым делом следует купить зажигалки — здешний вид их известен, но на каком принципе работают, непонятно, так что не стоит нести с собой имитации — правдоподобие должно быть соблюдено буквально во всем.

Конечно, Сварог видел *там* и женщин в вычурных, длиной до пола роскошных платьях, с затейливыми прическами, мужчин,

одетых совершенно иначе — в чем-то вроде длинных сюртуков с белоснежными манишками-жабо. Но это была тамошняя аристократия: одетые так люди не ходили по тротуарам, они всегда выходили у самых роскошных заведений из роскошных автомобилей с гербами или вензелями на дверцах, уж никак не наемных. А им с Яной как раз и предстояло затеряться в толпе народа попроще, что, заранее можно предсказать после долгих наблюдений, удастся без труда. В лучших традициях его любимых романов о разведчиках.

Под ложечкой у Сварога ненадолго ожило неописуемое словами ощущение, возникшее перед первым прыжком с парашютом. Но быстро пропало.

— Пошли? — как ни в чем не бывало сказала Яна.

Элкон погасил свет в комнате с приборами и не сказал ни слова — Сварог ему из суеверия строго-настрого запретил желать удачи, попросил вообще помалкивать.

Вышли на балкон. На Той Стороне все было, как обычно: ночь, вдалеке мельтешение огней Саваджо, Семел в зените, темная лента Ителa, прохладная тишина, четкие, черные тени ближайших кустов…

— Поехали? — спросил Сварог.

Яна взяла его за руку, и они медленно поднялись в воздух — над балконом, над перилами, опустились вниз, на небольшую прогалинку меж кустами, высокими, разлапистыми, колючими. Постояли тихонечко: Сварог прислушивался к своим ощущениям, Яна, наверняка, тоже.

Что до него, никаких особенных ощущений он не испытывал — разве что воздух казался чуточку *другим* (возможно, именно что казался). Да во всем теле ощущалось нечто странное, неописуемое словами: то ли некая пустота, то ли что-то наподобие легкого озноба — вот это уж, точно, была реакция лара, внезапно лишившегося всей своей магии. Не сказать, что ощущение особенно уж неприятное — но и к приятным его не отнесешь.

— Впечатления? — спросил он.

Яна спокойно пожала плечами:

— Ничего особенного. Дуновение Древнего Ветра и магии, оно тут повсюду. Поблизости — никакой опасности или угрозы для нас. Ничего особенного, даже прозаично как-то…

— Это даже и хорошо, — сказал Сварог. — Это просто прекрасно. А то попадались мне места отнюдь не прозаические, вовсе даже наоборот, забыть бы их напрочь, да не удается… Дай огоньку.

Яна (как она тут же прилежно доложила) все свои

способности сохранила полностью — ну конечно, от алейрона они нисколечко не зависели… Поднесла ему огонек на кончике пальца. Они, не торопясь, выкурили по сигарете, переглянулись и двинулись по давно присмотренной Сварогом тропинке, огибавшей замок. И вскоре оказались по другую его сторону.

Здание, действительно, больше всего походило на замок — хотя и сохранилось кое-что от прежнего его облика как части Латеранского дворца. А дальше все, как на снимках: трехэтажная гостиница, где горела всего парочка окон, огороженная стоянка роскошных машин (их осталось гораздо меньше, чем было на снимке, видимо, владельцы отправились в Саваджо развлекаться). Сварог видел отсюда: ярко освещенный небольшой холл, красиво отделанный деревом и полосами какого-то синего камня, весьма напоминавшего афганский лазурит (и снова: век бы не помнить!), полированная стойка, за ней стоит пожилой субъект в черном сюртуке (конечно же, ночной портье), за его спиной, как полагается, черная лакированная доска (там всего три-четыре ключа и десятка четыре пустых золотистых крючков). Модное заведение, надо полагать. Такси у входа уже не полдюжины, а всего два.

Он посмотрел влево. В замок ведет невысокая, широкая каменная лестница с каменными же перилами, внизу, по обе стороны — два неизвестных, возможно, мифологических зверя. Рядом с высокой стрельчатой и двустворчатой парадной дверью вывеска: «Памятник истории: замок барона Кленчера». И что-то насчет расписания посещений — но в эти мелочи он не стал вникать. Не в первый раз задумался: как совместить этот, несомненно, стародавний замок и Латеранский дворец? И вновь быстро оставил это занятие, совершенно бессмысленное из-за отсутствия какой бы то ни было информации к размышлению.

— Ну что, пошли? — негромко спросила Яна. — Где портье, там и касса. Назавтра он ничего не будет помнить. И такси целых три штуки, а до города всего-то лиги три. Все отлично складывается, — и она торопливо добавила: — Пока что…

— Подожди, — ответил Сварог. — Скажу по совести: мне ничуть не жаль этого старого хрыча, но действовать нужно иначе. Если ты *облегчишь* кассу, останется след. Подумай сама: утречком обнаруживают пустую кассу, а портье совершенно искренне клянется, что ничего не знает и ничего не помнит. Это не шум до небес, но все же — странность, след…

— Что ты предлагаешь?

Он кратенько объяснил.

— Тоже вполне толково, — сказала Яна. — К тому же в кассе может оказаться совсем мало денег — вдруг они вечером увозят

выручку в город?

— Ну тогда пошли, прелестная разбойница, — сказал Сварог.

Справа, не так уж далеко, простиралась вторая стоянка — гораздо больше первой, совершенно пустая: явно для туристических автобусов. «Обормоты, — подумал он без малейшего раздражения. — Ухитрились как-то устроить из части моего замка местную туристическую достопримечательность. Если все пройдет гладко, может, зайти в замок днем, посмотреть, как там внутри?»

Они вошли. Портье за стойкой моментально стал на полголовы выше. Ага, сообразил Сварог, ничего загадочного — у него там незаметная снаружи подставочка — стульчик, можно присесть, хотя со стороны кажется, что стоит.

На лице осанистого старикана моментально изобразилась самая приветливая и угодливая улыбка:

— Далер?.. — он бросил взгляд на левую руку Яны. — Далеретта?

Снова никакого ребуса — насмотрелись здешних фильмов. Вежливое обращение: замужняя женщина — далерия, незамужняя — далеретта. Судя по всему, обручальные кольца здесь носят на левой руке. Правда, в глазах портье (немало навидавшегося на своем месте) все же просматривалось некоторое удивление: ну да, не было шума подъезжающей машины и никто не внес за ними багаж. Но какая разница, если этому типу предстояло очень быстро стать живым манекеном?

Яна не собиралась медлить. Она всего-навсего подняла правую руку на уровень плеча, ладонью наружу — и со стариканом в мгновение ока произошла метаморфоза: в нем появилось что-то от манекена, а глаза стали пустыми и отрешенными.

— Кто из постояльцев самый богатый? — безмятежным, даже чуточку светским тоном спросила Яна.

— Конечно, далер Тендлей, — пустым голосом ответил портье. — Тот самый. «Судостроительные заводы Тендлея». Тридцать восьмой номер. Наш постоянный постоялец, и…

Яна бесцеремонно прервала:

— Как, по-вашему, может у него быть при себе большая сумма денег?

— Безусловно, — прилежно отрапортовал портье. — Господин далер Тендлей любит развлекаться три-четыре дня, на самый разный манер. А чеки в Саваджо не принимают ни у кого.

— Отлично, — сказала Яна. — Вы нас не видели и ничего не помните. Присядьте и отдыхайте.

Портье, как механическая кукла, опустился на свой потайной

стульчик, бессмысленно уставился в пространство. Сварог с Яной быстро поднялись по лестнице и без труда отыскали тридцать восьмой номер. Судя по длине стены, тянувшейся от двери номера до застекленной двери на галерею, это был здешний суперлюкс. Яна сделала не особенно и замысловатый жест — и слышно было, как замок открылся сам по себе.

Они, не теряя времени, вошли в прихожую, блиставшую самой пошлой роскошью, люстра горела, из-за одной из трех выходивших в прихожую дверей, чуть приоткрытой, слышались возня и женские смешки. Ее-то Яна бесцеремонно распахнула.

Ничего необычного, в общем. На огромной роскошной постели седоватый пожилой мужик и две красотки — блондинка и темноволосая. Далер Тендлей радовался жизни на всю катушку.

Все трое удивленно вскинули головы, увидели Яну — но ничего не успели сказать или сделать. Еще парочка жестов — и обе девицы опустились на постель, закрыли глаза, явно погрузившись в глубокий здоровый сон, — а Тендлей слез с постели и застыл возле нее стойким оловянным солдатиком.

— Халат накиньте приличия ради, — спокойно распорядилась Яна, и судостроительный магнат послушно влез в роскошный халат. — Где у вас деньги?

— В кабинете, в сейфе, — голос был такой же бессмысленный, как у портье.

— Пойдемте, — и, когда они оказались в просторном кабинете, последовала вполне ожидаемая команда: — Выньте из сейфа все деньги, какие там есть, положите на стол.

Он, конечно же, повиновался. Сварог присмотрелся к добыче — она была внушительная. Большинство пачек — в запечатанной банковской упаковке, хотя некоторое число купюр лежит россыпью. Монеты, похоже, серебряные.

— Займись, — сказала Сварогу Яна. — Я возьму немного в сумочку, но все туда не влезет…

Сварог сноровисто, словно с младых лет промышлял грабежам в отелях, принялся распределять добычу, сдирая банковские упаковки. Ага, повсюду: «столько-то ауреев», и у них в аурей… Светло-зеленые тысячные — в левый внутренний карман пиджака, сиреневые пятисотенные — в правый. Красные сотни и розовые полусотенные, соответственно, по наружным карманам пиджака. А это еще что? Тьфу ты…

До этого он только в анекдотах слышал о «пятнадцатидолларовой» и «девятирублевой» купюрах. Но сейчас обнаружил пачечку банкнот достоинством в пятнадцать ауреев — ну, в каждой избушке свои игрушки, возможно, есть какие-то расчеты, при которых удобно именно такими купюрами

расплачиваться. Ага, и монеты — один аурей, пять, семь, девять…

Превратив себя в ходячий сейф, он похлопал по карманам, глянул в зеркало: чуточку выпирало там и сям, но особенного внимания, пожалуй что, привлечь не должно. Если чеков здесь не принимают, немало народу должно таскать по карманам приличные суммы, какие не влезут ни в один бумажник…

— Идите в спальню к девушкам, — спокойно распорядилась Яна. — Спите до утра. Нас здесь никогда не было.

Магнат кивнул и едва ли не солдатским шлагом отправился в спальню.

— Послушай… — сказал Сварог. — А у тебя, часом, силы не убавится? Грельфи как-то говорила: иные заклинания если не полностью теряют силу, то ослабевают, если их использовать для разных нехороших дел. А мы тут натуральный грабеж устроили…

— Есть такая особенность и у Древнего Ветра, — ничуть не удивившись, ответила Яна. — *Подтаивает,* если его использовать для откровенно *злых* дел. Но мы же не ради собственной наживы, а для пользы дела. Так что обойдется.

— Ну, тебе виднее… — проворчал Сварог. — Пошли на такси?

Они вышли из номера, аккуратно притворив за собой дверь, и направились к лестнице. С маху остановились. С лестничной площадки появился и загородил им дорогу верзила с лицом, не особенно обремененным интеллектом. Явный охранник: синяя форма с полудюжиной золотых эмблем на груди и руках, берет с прямоугольной бляхой, где красивым шрифтом начертано название отеля, да и черная закрытая кобура на игрушечную не похожа…

— Кто такая? — спросил он, подозрительно уставясь на Яну.

— Девочка по вызову, — с лучезарной улыбкой ответила она. — От клиента иду. А это, соответственно, опекун.

«Сотню ему сунуть, что ли? — подумал Сварог. — Нет, не обойдется: вон как набычился, так и жжет буркалами…»

— А почему я не знаю? — спросил охранник вовсе уж неприязненно. — Как это вы мимо Торонта прошли, такие шустрые? За такие вещи полагается…

Закончить он не успел: уже знакомый Сварогу жест — и перед ними очередной живой манекен.

— Иди к себе и дрыхни до утра, — сказала Яна. — Нас здесь не было.

Верзила покорно развернулся на месте и стал спускаться по лестнице деревянным шагом. Ну конечно, Сварог с этой стороны жизни был прекрасно знаком по Талару: на постоялых дворах и гостиницах, особенно тех, что подороже, не любят случайных, с

улицы заглянувших девок, всегда есть «диспетчер», который за этим делом присматривает и стрижет процент. «Везде одно и то же, — грустно-философски подумал Сварог, — в какой мир ни попади…»

— Таксиста, я думаю, тоже стоит *унять?* — деловым тоном спросила Яна.

— Безусловно, — ответил Сварог, не раздумывая. — Чем меньше людей нас тут будет помнить, тем лучше…

Оказавшись на улице, он постучал согнутым указательным пальцем в окно ближайшей машины. Таксист моментально проснулся, выскочил, с поклоном распахнул перед ними заднюю дверцу — все это явно по собственному побуждению. Однако, когда они уселись, Яна вновь сделала жест — и, судя по неуловимо изменившейся спине таксиста, накрыло и его.

— В город, — распорядилась она.

Об именах они позаботились заранее. Сварог, не заморачиваясь, собирался назваться Тогиром Горонеро, вспомнив штандарт-навигатора — вряд ли имечко настолько уж редкое и уникальное, мало ли совпадений? С Яной пришлось посложнее, но лишь самую чуточку: имя ей подобрали, посмотрев отрывок одного из здешних телесериалов, — судя по тому, что так звалась простая продавщица, появившаяся в кадре едва на полминутки, имя распространенное. Фамилию свистнули опять-таки из телевизора — она принадлежала третьему помощнику режиссера и располагалась в титрах едва ли не в самом конце. Тогир Горонеро и Миэлла Карбай — простенько и со вкусом…

До Саваджо, как и следовало ожидать, добрались за каких-то пару минут — дорога, отличная шестирядка, была пуста, и водитель, крепенько подозревал Сварог, превысил дозволенную скорость — но это уже были его проблемы.

Ага! Меж двух крайних домов, больше похожих не на увеселительные заведения, а на какие-то казенные здания без вывесок, у каждой полосы остается довольно широкое пространство, везде стоят те самые блестящие ящики высотой человеку по грудь, и возле каждого торчит полицейский в салатного цвета форме и такой же фуражке, в светло-коричневых ремнях. Кобура у него на поясе все же имелась: ну, безусловно, тут не Эдем…

Он поднял руку небрежно-властным жестом, свойственным полицейским в любом из миров, и водитель аккуратно притормозил (на этот раз Яна, учитывая специфику происходящего, *отключать* его не стала, велела только помалкивать, не задавать вопросов — иначе как бы он, отключенный, машину вел?)

Полицейский подошел к задней дверце, склонился, козырнул и спросил вежливейше:

— У вас имеются карточки гостей или вы только что приехали?

— Только что, — сказал Сварог.

— В таком случае не затруднит ли вас выйти из машины для оформления карточек?

Ничего не поделаешь, пришлось вылезать. Полицейский сначала поинтересовался именем Яны, повторил его в широкий черный браслет на запястье, столь же безукоризненно вежливо попросил пройти к ящику и встать неподвижно на широкой зеленой полосе Ящик вдруг полыхнул, словно бы фотовспышкой. Потом Яна по просьбе стража порядка проделала ту же процедуру, что Сварог уже видел по телевизору: приложила ладонь к нарисованному красной краской контуру, заглянула в черную трубочку глазка. Полицейский нажал кнопку — и из прорези выскочила небольшая продолговатая карточка. Однако Яне ее полицейский не отдал, пригласил Сварога. Видевший все Сварог проделал процедуру сам, без инструктажа. Обе карточки полицейский протянул ему, добавил два сложенных вдвое листка бумаги, извлеченные из своего планшета, лихо откозырял:

— Желаю приятно провести у нас время, далер, далеретта. Если потеряете карточки или произойдет… другая случайность, немедленно обратитесь к ближайшему патрулю. Веселья и удачи.

Нетрудно было догадаться, что он имеет в виду под «другими случайностями» — карманников здесь наверняка хватает. А потому Сварог попросил Яну отслеживать ситуацию и, если кто-то полезет к нему в карман, легонько *стукнуть*.

Через два квартала они отпустили машину. Вита велела водителю вернуться назад к гостинице, подремывать в ожидании клиентов, а о них начисто забыть. Глянув на счетчик, Сварог хотел было бросить на сиденье рядом с водителем пару банкнот — таксер не виноват, что случайно подвернулся под руку и был использован в качестве живого инструмента. Но тут же решил, что в благородство играть не стоит. Когда водитель проснется и обнаружит неведомо откуда взявшиеся деньги — это тоже будет странность…

Они замешались в поток туристов на широком тротуаре, мощенном бледно-желтой и серой каменной плиткой, — и двинулись в ритме тех, кто никуда не спешил, а неторопливо прогуливался, глазея на окружающую свистопляску огней, красок и «живых картин». Правда, в отличие от многих, головами откровенно не вертели: во-первых, не стоит уподобляться очень уж замшелым провинциалам, неудобно как-то, а во-вторых, они

все это многоцветное великолепие не раз видели в импровизированной аппаратной Элкона и успели к нему попривыкнуть.

Гораздо больше Сварога интересовала полиция, точнее ее методы работы. Все оказалось так, как докладывал Элкон: полицейские машины, черные с желтым, как осы, с красной полосой по борту, на малой скорости проплывают вдоль тротуаров в немалом количестве, и парных патрулей хватает. Но проверки документов он не увидел ни разу. Однажды ловко и быстро сгребли персонажа, спьяну прикорнувшего на краю тротуара, под сенью развесистого клена, — а в другой раз столь же быстро и ловко прихватили двух других — эти как раз стояли, но держали друг друга за галстуки и, пошатываясь, матерились так, что сразу видно было: дело идет к доброй драке. А в остальном полиция демонстрировала полнейшее благодушие.

Никто не обращал на них внимания — ну, разве что на Яну (как не раз случалось и в иных местечках на Таларе) порой откровенно пялились ловеласы, чьи мысли читались без труда, — но Сварог давно относился к этому, как к неизбежному злу, благо приставать никто не пытался, вообще, он не заметил здесь уличных приставал.

В игорные дома они заходить не собирались. Не прельщали и многочисленные заведения с «веселыми танцами» (на Земле — стриптиз, на Таларе — тоголада, а здесь, как выяснилось — «веселые танцы». Была в этом своя сермяга: в самом деле, танцы какие угодно, только не печальные).

Пора было и *поработать* — вот только где и как? Те же мысли пришли в голову Яне; она негромко спросила:

— А когда делом займемся? Тебе решать, ты у нас командир, а я только оружие, пусть даже очаровательное и могучее…

— *Каким* делом? — спросил Сварог.

Яна чуть смущенно пожала плечами.

— Вот то-то… — сказал Сварог. — А посему у командира родилась очередная гениальная идея… Сядем где-нибудь в уличной кофейне — их тут туча, сама видишь — попьем кофейку и вместе подумаем, как жить дальше. Это мысль?

— Это мысль, — одобрительно кивнула Яна. — Знаешь, я бы с удовольствием еще и поела. Мы так и не успели пообедать, есть уже хочется…

— Да и мне тоже, — сказал Сварог. — Хорошо, высматриваем подходящую кофейню. Там все обсудим, а заодно посмотрим наконец, что за бумажки нам на въезде всучили.

Глава IV
БАЛЛАДА О ФРЕГАТЕ

Они уселись за столик в первой попавшейся кофейне, где столиков было занято с две трети. Здесь подавали и спиртное, а потому в кофейне стоял веселый гомон. Что им было только на руку: можно поговорить без помех, не рискуя, что кто-то невольно подслушает их разговоры — уж безусловно странные для этого города, вообще для этого мира…

Проворный официант принес кофе и блюдо с разнообразными маленькими пирожными, оказавшимися довольно вкусными. Яна с ходу одолела три, сказала:

— Нет, все же надо где-то поесть, пирожные только аппетит разжигают… Итак, командир? Какие-нибудь выводы уже есть?

— Конечно, — сказал Сварог. — Самый главный такой: сюда преспокойно можно засылать агентов, они не возбудят никаких подозрений. А что до прочего… Похоже, в *этом* городе нам просто негде раздобыть более-менее ценную информацию, не то местечко…

— Книжные магазины, как советовал Канцлер?

— Вот это — обязательно, — сказал Сварог. — После того, как поедим — сытому разведчику и работать веселее… И еще. Я тут несколько раз видел вывески компьютерных клубов.

— Ага, я тоже.

— Вот… Если у них есть компьютеры, при здешнем уровне развития техники вполне может существовать и компьютерная сеть в масштабах страны, а то и планеты. Вот только я так до сих пор толком и не научился вести мастерский поиск, да и ты, я помню, тоже. Тут нужен Элкон, уж он-то сумеет быстро выудить немало интересного. Парень будет в восторге… Да, вот что еще. На всякий случай… Как выглядят здешние деньги, мы уже прекрасно знаем. А вот паспорта или иные удостоверения личности, что-то такое здесь просто обязано быть…

— Никаких сложностей, — безмятежно сказала Яна. — Попрошу у кого-нибудь на улице, он отдаст как миленький и тут же нас забудет… Может, заодно еще и полицейское удостоверение?

— Пожалуй, — кивнул Сварог. — Да, нужно же, наконец, посмотреть, что нам всучили…

Отдал Яне ее карточку, присмотрелся к своей. Пластиковая, прямоугольная, размером с половину обычной почтовой открытки из покинутого Сварогом мира (на Таларе поздравительные

открытки тоже есть, но они гораздо больше).

Тогир Горонеро, провинция Токбалат, город Дельмер…

— Стоп, стоп! — сказал он. — А что это за Дельмер за такой?

— А я его из головы выдумала, — сказала Яна. — Он просил назвать и город — а вот о городе мы совершенно не подумали, когда готовились. Ничего, обойдется. Кто будет проверять? Тут столько туристов… И это, в конце концов, город развлечений, а не военная база или секретный научный центр…

— Логично… — сказал Сварог. — Молодец.

Так… Цветная фотография, аккуратный рядок из пяти отпечатков пальцев, строчка из букв вперемежку с цифрами. Что ж, здешняя полиция явно не так благодушна, какой кажется. По этому документику человека можно опознать безошибочно, соверши он преступление и оставь отпечатки пальцев. Загадочных букв и цифр — *две* строчки, похоже, чертов ящик, кроме радужки, срисовал еще какие-то уникальные параметры, только им с Яной присущие. Интересно, что бы это могло быть?

— Слушай, — сказал он, — сдается мне, этот чертов ящик все данные о приезжих старательно копит. И он сложнее, чем кажется… Что-то не тянет оставлять здесь такие данные о нас…

— Это тоже простенькая проблема, — заверила Яна. — Когда будем уезжать, я этому ящику изничтожу все нутро — и никто снаружи ничего не заметит.

Они отхлебнули еще кофе, закурили (женщины здесь, почти сразу подмечено, курили открыто, а зажигалки принес официант).

— И еще… — сказал Сварог и тут же замолчал.

Один из двух свободных столиков жалобно скрипнул — на него плюхнулась совершенно незнакомая дама, определенно подвыпившая. Жизнерадостно воскликнула:

— Молодые люди, не будете против, если я составлю вам компанию? Что-то не похоже, чтобы вам было весело…

— Извольте, далерия… — вежливо сказал Сварог.

— *Далеретта,* — с некоторой грустью, как показалось Сварогу, поправила она. — Далеретта Кабиния Датек, из столицы… столичная штучка, ха!

Тут уж ничего не оставалось, как назвать свои вымышленные имена и сказать, из какой они провинции.

— Ничего страшного, — сказала далеретта Кабиния, делая какие-то знаки официанту. — Я, в отличие от многих, ничуть не склонна считать вашу провинцию и ее жителей тем, что представляют юмористы. Я, надобно вам знать, сама из провинции, правда, из Лотшалка, это поближе к столице, но все равно глухая провинция. О нас тоже распускали много анекдотов и шуток — ну, эти напыщенные столичные снобы… — и добавила

мстительно: — Зато и мы о столичных жителях давным-давно сочинили массу шуток и анекдотов. У вас, наверное, тоже?

— Конечно, — сказал Сварог. (На Таларе обстояло примерно так же: столица и большие города вышучивали отдаленные провинции, а те не оставались в долгу).

И, коли уж пришлось к случаю, рассказал старый гартвейнский анекдот о том, как коренной житель Равены попал в деревню и впервые в жизни увидел корову. Кабиния хохотала искренне, совершенно по-крестьянски, без тени жеманного светского хихиканья. Сварог попытался определить, кто же она такая. Лет сорока с лишним, с крашеными под блондинку волосами, золота на ней навешано раз в пять больше, чем на Яне, и камни гораздо крупнее. Тем не менее оставалось неуловимое ощущение если не вульгарности, то некоторой простоты. Платье такого же фасона, как на Яне, но материя другая, такое впечатление, подороже — незнакомая золотистая ткань, переливающаяся при каждом движении. Сварогу она ужасно напоминала продавщицу из советского универмага, решившую в отпуске посетить местечко пошикарнее, где бывает «общество». Преуспевающая лавочница? Сорвала куш в лотерею? (Он уже знал, всевозможных лотерей, в том числе и моментальных, здесь поменьше, чем в Равене, но все же немало). Впрочем, с тем же успехом она могла оказаться и эксцентричной миллионершей, решившей «выбраться в народ», как порой они с Яной на Таларе. На Таларе тоже, кстати, немало пусть не миллионерш, но изрядно разбогатевших купчих, выбившихся в люди из провинции, но на всю жизнь сохранивших ту самую простоту манер, — одни старательно пытаются ее изжить, *просочиться* в свет, а вот другие, наоборот, даже бравируют прошлым. Возможно, очаровательная девочка из провинции ухитрилась выскочить замуж за богача — и такое случается. Толстухой ее, конечно, не назовешь, но некоторая, как бы поделикатнее, приятная полнота присутствует. В юности она явно была красоточкой, да и сейчас ничего — для кого-нибудь постарше Сварога, что греха таить, чуточку избалованного доступными и придворными красотками и проказницами из Королевского Балета…

Официант принес недопитую Кабинией чашку кофе — и черную бутылку с яркой этикеткой. Поставил перед каждым чашечки из красного с белыми прожилками стекла.

— Не откажетесь со мной выпить за приятное знакомство? — спросила Кабиния, не дожидаясь их согласия, наполнила чашки напитком светло-кофейного цвета. — Еще не пробовали? В таком случае стоит попробовать. Здешний знаменитый кофейный ликер, только здесь и производят, почти не вывозят.

Выпили. Ликер Сварогу и в самом деле понравился — прихватить, что ли, с собой домой парочку бутылок? Он осторожно спросил:

— Приехали поиграть, далеретта Кабиния?

— Вот уж нет! — энергично возразила она. — Я, кстати, второго мужа вытурила за то, что играл… ну, точнее, за то, что играть решительно не умел, но играл с утра до ночи. Сама я не играю и вам не советую. Есть такая пословица, хе-хе! Игорный дом — единственный вид разбоя, когда жертва сама приносит разбойникам денежки. Конечно, определенный процент должен идти на выигрыш, есть даже закон… но это касается в основном игральных автоматов — а вот за столами, где карты, кости, шарики и все прочее, с непременным участием крупье… Вот там вас в два счета обчистят до нитки. Потом, правда, благородно подарят бесплатные билеты домой, циники… В общем, не вздумайте, ребята, болтаться по игорным домам.

— Мы и не собирались, — сказал Сварог. — Вот только часа два, как приехали, совершенно не представляем, как развлечься с меньшей опасностью для кошелька…

— Да тут масса хороших мест! — сказала Кабиния. — Всевозможные представления, классом выше, чем примитивные «веселые танцы», цирк, театры, концерты. Говорят даже, что приехала Тарина Тареми (Сварог насторожился). Всякие аттракционы да много чего еще. Тут, за углом, есть автомат, продает путеводители, купите, не пожалеете. А знаете что? — похоже, ее внезапно осенило: — Давайте побродим по таким местам втроем, я вам многое покажу, я-то тут в третий раз, уже неделю, начала скучать, главным образом оттого, что нет приятной кампании. Подкатывались пару раз шустрые молодчики, но по виду и ухваткам — типичные жиголо, которых интересует только мой бумажник… А вы, мне кажется, вполне приличные молодые люди… Жениться собираетесь?

— Довольно скоро, — сказал Сварог.

— И правильно. По-моему, вы друг другу подходите, — она фривольно подмигнула. — И наверняка успели точно в этом убедиться? Ну, не смущайтесь, дело житейское… — она грустно опустила уголки рта. — Мне бы тоже не помешал новый муж, какие мои годы… Но чертовски трудно бывает распознать охотников за денежками, я женщина неглупая, но вот в *этом* плане иногда бываю страшно доверчивой… У вас в городе, кстати, нет ли подходящего холостяка? Солидного, обстоятельного, понимающего жизнь? И чтобы вредных страстишек было не особенно много. Я на этом свете пожила, точно вам скажу: мужчин вовсе без мелких страстишек и легких

пороков не бывает, главное, чтобы было в меру…

— Вот так, сразу, мне сказать трудно, — сказал Сварог. — Но подумать можно…

— Можно даже, чтобы он был постарше — но не особенно, — она вновь подмигнула: — Я еще не в тех годах, когда замуж выходят, чтобы разговоры разговаривать… Ну как? Сбиваемся в веселую кампанию? Сегодня у меня парочка важных встреч, не до развлечений, а вот завтра я совершенно свободна…

— Охотно принимаем, — сказал Сварог.

— Вот мои визитные карточки, одна из отеля, вторая, на всякий случай, столичная…

На гостиничной был указан номер и телефон, а на столичной только телефон — пожалуй, и в самом деле неглупа, первым встречным адреса не дает, да и телефон, скорее всего, швейцара или горничной. Отчего-то вполне верилось, что в столице у нее могут быть и швейцар, и горничная, и прочая прислуга…

— Вот кстати, — сказал Сварог, — не подскажете, где здесь поблизости можно хорошо поесть? В каком-нибудь не пошло-роскошном, но и не затрапезном ресторане?

Она ненадолго задумалась, прищелкнула пухлыми пальцами, унизанными увесистыми кольцами:

— Й-юп! Совсем просто. Вы морскую кухню любите?

Сварог с Яной переглянулись и кивнули — так оно и в самом деле было.

— Я тоже, — сообщила Кабиния. — Свернете… — она вдруг уставилась через плечо Сварога, поморщилась, словно откусила от целого лимона. — Вот черт, везде найдут…

Сварог неторопливо оглянулся. Неподалеку стоял солидного вида пожилой мужчина в черном в серую полоску сюртуке и серых брюках, похожий то ли на адвоката, то ли на врача. И тут же — двое молодчиков попроще, молодые, одетые прилично, но тянувшие не более чем на охранников. Один держал распахнутой дверцу роскошной темно-серой машины (с тем же вензелем на дверце, что красовался на столичной визитной карточке). Солидный чуть страдальчески улыбнулся, слегка развел руками.

— Мой секретарь, — сказала Кабиния. — Давно служит, человек толковый, приворовывает исключительно по мелочам, что хорошему секретарю простительно — но порой такой зануда… Придется ехать. Ах, да… Подождут минутку. Значит, так: свернете за угол, вон туда, пройдете квартал. В начале следующего увидите фонтан, а напротив него, на другой стороне улицы ресторан «Жемчужница». В это время там наверняка есть свободные столики, но если нет, приплатите, и вам поставят дополнительный. То, что нужно — ни пошлой роскоши, не

затрапезности, а морская кухня отличная. Кстати, по дороге увидите автомат, продающий путеводители. Удачи! Позвоните мне завтра непременно, где-нибудь к обеду, без церемоний.

Сварог заверил, что позвонит. Кабиния отнюдь не величественной походкой прошла к машине, привычно уселась, рядом устроился секретарь, молодчики сели к шоферу — и роскошная машина плавно отъехала от тротуара.

Они переглянулись и, улыбаясь, покачали головами.

— Шквал, — сказал Сварог. — Марена… Пожалуй, и в самом деле — эксцентричная миллионерша из простых. Ну, да завтра нас здесь уже не будет, но карточки я сохраню. Неплохой столичный контакт, а? Думается мне, если к ней в столице явится столь же приличная молодая парочка, передаст привет от нас и намекнет, что есть на примете подходящий жених, — она их примет со всем радушием… Пошли искать ресторан? Нет, погоди, грех такому добру пропадать…

Он наполнил чарки (и запомнил название ликера).

— Ребята!

Они повернулись к проезжей части. Там стояла та роскошная темно-серая машина, и Кабиния, перегнувшись через коленки секретаря, выглядывала в окно с опущенным донизу стеклом.

— Совсем забыла! — весело воскликнула она. — Непременно загляните в «Лотерея-Грация»! Очень интересное местечко, — и грустно покривила губы. — Я там была пять раз, но никогда не выигрывала, увы… До завтра!

Отстранилась, стекло плавно поднялось, и машина почти бесшумно укатила.

— Зайдем напоследок, когда закончим с делами? — спросила Яна. — Благо и дел немного…

— Зайдем, пожалуй, — сказал Сварог. — Это явно не вульгарный игорный дом, она же по ним не ходит…

Они допили ликер и встали. Сварог рассчитался за кофе и пирожные (официант сообщил, что за ликер уже заплатила «та дама»). Они свернули за угол. Квартал (конечно же, набитый увеселительными заведениями) оказался довольно длинным, чуть ли не в пол-лиги. Уже на полпути они стали обладателями паспорта и полицейского удостоверения — владельцы беспрекословно с ними расстались по первому слову Яны и удалились, моментально забыв о происшедшем. Сварог фыркнул:

— Вита, тебя бы любая разбойничья шайка с руками оторвала.

— Делать мне больше нечего, — смешливо отозвалась Яна. — Во-он видишь?

Точно, он — высокий и пузатый ящик, сверху донизу

раскрашенный разноцветными полосами, со светящейся надписью «Путеводители». Они купили себе по штучке. За каждый автомат содрал по две сотни, но экономить и считать грошики им пока что не приходилось.

В конце концов они и впрямь увидели фонтан — красивый, дюжин из двух высоких струй, подсвеченных разноцветными прожекторами (туристы на его фоне оживленно фотографировались), а на другой стороне улицы — немаленькое здание в виде красновато-белой морской раковины, с сине-зеленой вывеской: Ресторан «Жемчужница».

Они перешли улицу на желтый сигнал светофора (у здешних светофоров было другое сочетание цветов: красный-синий-желтый). Швейцар, как и следовало ожидать, оказался сущим пиратом: широченные черные клеша понизу украшены серебряными «мертвыми головами», красно-желтая тельняшка в прорехах, огромная серьга в ухе, черная повязка на левом глазу, за поясом немаленькая коллекция коротких абордажных сабель и пистолетов. Распахнув дверь, он обрадовал, что свободные столики имеются. Чуть подумав, Сварог сунул ему не находившую прежде применения монету в девять ауреев (до того везде за любую мелочь брали только бумажками) — и, судя по довольной роже, даже самую малость переборщил.

Достаточно обширный зал с прозрачным полом, под которым лениво плавали красивые рыбки — золотистые, радужных расцветок, синие и красные. Под потолком — огромное, уардов в пять, чучело кальмара (непонятно только, настоящий сушеный или синтетика, модели парусных кораблей в стеклянных ящиках, рыбацкие сети на стенах, парочка якорей, картины соответствующего содержания, в углу даже морская пушка-каронада на крохотных колесиках (может, и настоящая, старинная). Одним словом, морская экзотика перехлестывала через край. Вместо столиков половинки бочек с большими вырезами для ног, что делало их похожими на огромные табуретки. Нарочито грубо сколоченные стулья.

Здесь тоже стоял веселый шумный гомон, но заведение и в самом деле выглядело вполне приличным. Они уселись за свободный столик, тут же появилась официантка, тоже наряженная морячком, — вот только клеши изобиловали ажурными вставками, больше похожими на рыбачью сеть с крупными ячеями, а тельняшка из какой-то тончайшей ткани была в обтяжку и украшена прорехами, расположенными более завлекательно, чем у швейцара. Обсудив и приняв заказ, она сообщила, что ждать придется около получаса (но зато все будет с пылу с жару), а пока что принесла «настоящий матросский чай»

едва ли не дегтярного цвета, «настоящие матросские» бисквиты и сахар, грубо наколотый кусками. Ну, в конце концов, они никуда не спешили…

— Интересно, — сказала Яна, — морская одежда совершенно такая же, как на Таларе и Сильване. Только на Таларе тельняшки бело-желтые, а на Сильване — сине-желтые.

— А там, откуда я пришел — бело-синие, — сказал Сварог. — И брюки совершенно такие же. Это не совпадение — просто во всех мирах понемногу своим умом додумались до самого оптимального варианта. Мне как-то объяснял адмирал Амонд… Понимаешь, если с кораблем что-то случится и окажешься в воде, такие брюки легче побыстрее сбросить. А тельняшки хорошо видны на фоне парусов, особенно в сумерках или ночью, удобно следить за работой парусной команды.

— Как прозаично… — с легким разочарованием сказала Яна.

— Зато полезно, — сказал Сварог. — Посмотришь трофеи?

Яна внимательно перелистала паспорт, бордовую книжечку с вычурным золотым гербом и надписью «Республика Дорлиорн», раскрыла полицейское удостоверение, кивнула:

— Порядок, при необходимости сделаю такие, что от настоящих не отличишь… — отхлебнула чаю, поморщилась, отставила глиняную кружку: — Нет, крепковато. Лучше бисквит съем, он свежим выглядит…

Сварог, наоборот, отпил треть — не чифир, просто крепко заварен, не раз пивать такой приходилось. Спохватился:

— Мы же еще те листки не посмотрели…

Подал Яне один, развернул свой. Текст был короткий.

> «Уважаемые гости нашего замечательного города! Мы готовы сделать все, чтобы вы приятно и безопасно провели здесь время, но вынуждены уточнить: нарушений закона и порядка здесь не терпят.
>
> Тюремное заключение от года до двадцати пяти лет — за любое нарушение закона, в зависимости от степени тяжести.
>
> Штраф в пятьсот ауреев и высылка — за спанье в пьяном виде на улице.
>
> Штраф от пятисот до трех тысяч ауреев и высылка — за попытки драк и драки, в зависимости от обстоятельств.
>
> Высылка — за несоблюдение принятых в том или ином увеселительном заведении правил.
>
> Вниманию господ: штраф в пятьсот ауреев за приставания к дамам.

Вниманию дам: штраф семьсот ауреев и высылка за непристойное уличное поведение.

При отсутствии у виновного денег — арест от трех до четырнадцати дней.

ВНИМАНИЕ! ЗА ЛЮБЫМИ ПОПЫТКАМИ ИСПОЛЬЗОВАТЬ МАГИЮ В ПРЕСТУПНЫХ ЛИБО ДРУГИХ НЕПОДОБАЮЩИХ ЦЕЛЯХ ПОСТОЯННО СЛЕДИТ ОГНЕННЫЙ ШАТЕР!!!»

— Ага… — сказала Яна, — значит, все же *есть* у них своя Багряная Палата.

— А ты не чувствуешь… ничего такого? — спросил Сварог. — *Надзора,* или как это назвать?

— Ничуть, — улыбнулась Яна. — Я же магией тут не занимаюсь. А вот интересно, что это за непристойное уличное поведение для дам? Я сама видела, когда мы ехали: какая-то дамочка голышом купалась в бассейне фонтана, а полиция преспокойно проходила мимо.

Подумав, Сварог сказал:

— Сдается мне, это не против голых дамочек в бассейнах, а против сторонних проституток. Залетных одиночек. Я, кстати, на улицах ни одной не видел. Все явно организованно проходит, исключительно в заведениях. На Таларе похожее сплошь и рядом, я столько полицейских докладов прочитал… Тебе легче: у тебя там, за облаками, ни преступности, ни проституции, ни грабежей на дорогах.

— Зато других сложностей хватает, — сказала Яна чуть хмуро, — которых у тебя нет. У каждого своя головная боль…

— Тоже верно, — согласился Сварог.

Имевшаяся здесь культурная программа особо уж высоким искусством не блистала. Посреди зала стоял круглый подиум из желтых досок, а на нем — столб толщиной в руку, этак в два человеческих роста, то ли отлитый из цветного стекла, то ли сделанный из прочной синтетики, украшенный рельефными изображениями русалок (в точности так их рисуют на Таларе) и каких-то цветов, очевидно, морских. Вокруг шеста изящно выгибалась длинноволосая брюнетка, успевшая избавиться от одежды полностью.

Присмотревшись к ней, Яна с легкой проказливой улыбкой сказала:

— Да я бы смогла не хуже. У меня способностей больше.

— А кто это тебе сказал? — с интересом спросил Сварог.

Яна улыбнулась еще лукавее:

— Помнишь бал в Латеранском дворце на Календы Севeруса?

Еще бы ему не помнить. В Календы Северуса, предновогодние дни, торжества особенно пышные — от крестьянских праздников до королевских балов и Келл Инира. Яна любила танцевать, и танцевала весьма неплохо, но на том балу она особенно расплясалась, так что даже сломала каблук, и пришлось срочно посылать лакеев за новой парой туфелек. Вообще-то была там своя ложечка дегтя — Яна в десять раз лучше всех прочих танцевала лассаду и брен оттого, что лары оба эти танца пожаловали земному дворянству лишь три недели назад. Очередная шубейка с барского плеча, ничего, в общем, не стоит, но земному дворянству маслом по сердцу…

— Ну вот… — сказала Яна. — После танцев ко мне деликатно подкатился твой главный балетмейстер и уговаривал пройти у него полный курс. Отпустил массу комплиментов: мол, у меня есть врожденное чувство ритма, необходимое изящество движений и что-то еще, и что-то еще… Заверял, что вполне могу рассчитывать на парочку главных партий. Я, провинциальная простушка, поинтересовалась, опустив ресницы: а не придется ли и тоголаду танцевать? Он сказал: а почему бы и нет, если зритель будет один-единственный? — Она по-кошачьи прищурилась: — И часто твой балет тоголаду танцует при одном-единственном зрителе?

Сварог чуточку смутился, хотя постарался этого не показать — что греха таить, бывало… И сказал чистую правду:

— Давненько уж не случалось. Я ведь обещал угомониться…

— Ну, хорошо, поверю…

— И что дальше?

— Да ничего особенного. Просто очень долго уговаривал, — Яна прыснула. — Знаешь, я сначала подумала, что у него вполне определенные планы, но оказалось, все гораздо благороднее: он таким вот образом хочет помочь «провинциальной дурешке» попрочнее закрепиться при дворе. Поскольку, — она вновь прищурилась: — по его словам, король Сварог при всех своих достоинствах и свершениях обладает еще некоторой ветреностью касательно женского пола… И нужно постараться его удержать. Только, я тебя прошу, ничего ему не делай, обещаешь? Он же не в постель меня тащил — искренне хотел помочь глупой девчонке устроиться в жизни наилучшим образом… Обещаешь?

— Обещаю, — сказал Сварог.

Он и без обещаний ничего бы маркизу Эскилину не сделал — ценил как сугубого профессионала: один из лучших балетмейстеров Снольдера и Ронеро, мэтр и фанатик своего ремесла, еще до Сварога получил парочку орденов и три Серебряных Арфы — знак отличия Сословия Свободных Искусств.

Любовница из балерин у него есть — но давняя и постоянная. А вот прежнего директора-распорядителя Королевского Балета пришлось в свое время с треском выставить: балерины хором жаловались, что от него проходу нет, несогласных стращает, что снимет с главных партий или вообще выставит…

Брюнетку сменила гораздо короче стриженная блондинка, еще не начавшая понемногу избавляться от одежды. С тем же лукавым выражением глядя на подиум, Яна сказала дразнящим шепотом:

— Ну, вот представь: я на ее месте. И весь интерес приключения в том, что никто понятия не имеет, кто я такая… Только не говори, что ты отворачивался бы целомудренно, все равно не поверю… И никто не подозревал бы, кто я такая… Потому приключение и было бы страшно интересное, ничего общего не имеющее с развратом…

— Это как посмотреть… — проворчал Сварог.

— Ну что ты надулся? Ведь не отворачивался бы… Я тебе выдам одну фамильную тайну, если обещаешь никому не рассказывать Когда императрица Агнеш жила месяц на Бараглайском холме, дважды танцевала тоголаду в кабачках для художников. Ее заводило как раз то, что никто не подозревал, кто она такая.

— Что-то я не помню, чтобы барон Клегг об этом писал, — сказал Сварог. — А я как раз одолел наконец «Там, под облаками».

Яна махнула рукой:

— Барон об очень многом знал из третьих уст… Когда Агнеш *наигралась* и остепенилась, примерно за год до замужества сама написала книгу «Моя жизнь на Бараглайском холме».

— Дашь почитать?

— Никогда! — отрезала Яна. — Рукопись в единственном экземпляре в моем личном архиве. А я должна заботиться о чести фамилии — она там написала слишком о многом, подробно и откровенно, в стиле куртуазных романов той эпохи, высокой моралью сплошь и рядом пренебрегавшей. Видишь ли, для тебя императрица Агнеш чисто исторический персонаж, а для меня — родная бабушка, хотя я ее никогда и не видела… Уверена, такие мемуары своей бабушки ты бы тоже держал за семью замками.

— Пожалуй, — согласился Сварог. — Вот оно, значит, откуда — бабушкины гены… Я и про твою тягу к «интересным приключениям», и тот случай, когда ты на маскераде вырядилась портовой шлюхой…

— Ну, на маскераде было совсем другое, — серьезно сказала Яна. — Нужно же было тебя наконец завлечь, у меня терпение

иссякло…

Разговор о высоком искусстве прервала официантка, появившаяся с двумя большими подносами. Кабиния нисколько не соврала, все оказалось на высшем уровне: пузатенькие глиняные горшочки с супом из омаров, приправленным кусочками осьминожьих щупалец и тающими во рту водорослями, копченые и жареные ракушки на маленьких деревянных шпажках, тушенная под соусом морская живность, непонятно какая, но вкусная, салаты, вареные маленькие крабики в мягких панцирях, которых вместе с панцирями можно было есть, — и еще немало всякого. Нарочито грубо сделанная оловянная чарка с ромом для Сварога, такая же, но с темным вином — для Яны.

В какой-то момент окончательно стало ясно: необходимо сделать перерыв, но потом все же эту вкусноту доесть. Яна курила, вдумчиво листая путеводитель. Сварог тоже курил, прихлебывая ром, ничуть не уступавший таларским «Семи якорям».

Он поднял голову, услышав со стороны подиума перебор струн. Там появились парень и девушка: настраивавший чем-то похожий на виолон инструмент парень явно был одет по *здешней* старинной моде, в берете с пышным пером и нашитыми жемчужинками. Красивая длинноволосая блондинка на фоне здешних официанток выглядела просто-таки монахиней: строгая белая блузка с кружевным воротничком, черная юбка до пола.

Сварог сразу вспомнил один из своих любимых детективов: действие там происходило в притоне со стриптизом, но один-единственный раз появлялась вот так же строго одетая девушка и пела что-то серьезное. Посетители могли быть довольны собой: они как бы и чуточку приобщались к высокому искусству, а не просто на голых девок глазели…

Яна старательно изучала развернутую, вклеенную в путеводитель карту. Раздались первые уверенные аккорды, девушка запела негромко, приятным голосом с легкой хрипотцой в стиле Тарины Тареми:

— Погиб ли тот фрегат,
Седой волной разбитый,
Иль, может быть, пират
Пустил его ко дну.
Но капитана ждет
Красотка Маргелита —
А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул…

Сварог легонько коснулся руки Яны:

— Послушай внимательно, я тебя прошу.

Она сделала гримаску, но путеводитель отложила и стала старательно слушать, опершись локтем на днище бочки и положив кулачок на ладонь.

— Ах, как же страшно жить
В неведенье нелепом,
Песок со дна швырять
В зеленую волну.
Зачем вы зеркала
Прикрыли черным крепом —
А вдруг не утонул,
А вдруг не утонул…

Яна порой чуточку недоуменно косилась на Сварога — а он, зная, как прекрасно она смогла его изучить, постарался выглядеть как можно более невозмутимым. Но уверенность росла…

— А вдруг он жив-здоров,
Вдруг рано ставить свечи,
А вдруг он в Толайон
За ромом завернул,
А вдруг случился штиль,
Иль просто ветер встречный,
Ну вдруг не утонул,
Ну вдруг не утонул…

И вот, когда беда
Покажет глаз совиный,
И безнадежный мрак
Затянет все вокруг,
Когда приспустят флаг
В порту до половины,
Останется одно
Последнее «а вдруг»…

Теперь, дослушав до конца, он не сомневался. Парень с девушкой раскланялись. Аплодисменты раздались откровенно жиденькие — впрочем, стриптизершам вообще почти не хлопали. Все-таки заведение не то — народец сюда пришел вкусно поесть, а не заморачиваться искусством любого рода. Впрочем, от

некоторых столиков к подиуму все же двинулись официантки с кредитками в руках — как подметил Сварог, мелкими. Он жестом подозвал тут же подошедшую официантку, на ощупь достал из правого внутреннего кармана сиреневую пятисотенную, подал девушке:

— Отнесите молодым людям. И обязательно спросите, старая это песня или новая.

Она проворно выполнила просьбу. Вернувшись, прилежно доложила:

— Молодой человек сказал, что эту балладу он написал только месяц назад…

Сварог отослал ее жестом. Молодая пара какое-то время глядела на него с нешуточной надеждой: так, будто он мог оказаться антрепренером и предложить им нечто лучшее, нежели заполнять паузы между «веселыми танцами». Но он отвел глаза, а на подиуме уже появилась очередная блондинка — и молодая пара с некоторой грустью удалилась за кулисы.

— Что с тобой такое? — поинтересовалась Яна (Сварог с радостью отметил, что в ее голосе не было ничего, кроме легкого удивления). — Баллада как баллада, не лучше и не хуже множества других… Или девчонка понравилась?

— Будешь говорить пошлости — и в самом деле отправлю на подиум, — сказал Сварог насколько мог беззаботнее.

— А на слове поймаю? — прищурилась Яна.

— Да ладно, проехали…

— Проехали, — согласилась Яна, так ничего и не понявшая. — Пока ты песенки слушал, я серьезным делом занималась. Вот, смотри. Полный список магазинов, все по алфавиту. Книжных — девять, все под одним названием: «Печатное слово». Видимо, одна фирма-монополист. — Она подсунула Сварогу карту. — Вот здесь — мы. Вот здесь ближайший книжный. Довольно далеко, чтобы тащиться пешком, но разве у нас денег мало? Я слышала, вон тот хлыщ за соседним стоиком только что просил официантку вызвать ему по телефону такси…

— Ну, и мы так сделаем, — сказал Сварог, оглядел стол. — Только раньше я твердо намерен разделаться с остатками всего этого великолепия — кое-чего не видывал ни на Таларе, ни в Келл Инире…

— Вот совпадение, я тоже!

Сварог придвинул расписную глиняную мисочку с чем-то вроде темных кругленьких грибов в кисло-сладком соусе, взялся за серебряную ложечку. Ел, и в голове у него назойливо звучало:

— Погиб ли тот фрегат,
Седой волной разбитый,
Иль, может быть, пират
Пустил его ко дну…

Он знал одно: что ошибиться не мог…

Когда с морскими яствами было покончено до крошечки, Яна откинулась на спинку неуклюжего, но добротного стула, сказала весело:

— Так и тянет похлопать себя по пузу, как у крестьян в Каталауне принято… Покурим напоследок — и в книжный?

— Конечно, — сказал Сварог.

Его уже охватила новая идея. Магии ларов он здесь лишился, но *память* оставалась при нем. И в памяти быстро всплыл номер телефона. Он поднял ладонь, поманил официантку, когда она подошла, спросил:

— У вас здесь где-нибудь есть телефон?

На миг в ее глуповатых красивых глазках явственно мелькнула насмешка над несомненным провинциалом, но тут же исчезла, вытесненная более приземленной мыслью: надеждой на хорошие чаевые. Она со всей учтивостью ответила:

— Если вам нужен телефон, далер, я сейчас принесу…

— Принесите, — кивнул Сварог.

Вскоре она появилась, неся небольшой квадратный поднос с телефоном — синим, изящных очертаний, с короткой антенной. Поставила перед Сварогом, наблюдая с хорошо скрытым любопытством: а вдруг провинциал, не знающий, что телефоны бывают и без проводов, еще и звонить не умеет? Будет о чем вечером рассказать подружкам…

Сварог ее разочаровал: преспокойно поднес трубку к уху и указательным пальцем левой руки настучал по клавишам восемь цифр. Не было ни длинных гудков, ни коротких — серия мелодичных чириканий, — вот и догадайся тут, означает ли это, что номер занят, или просто никто не берет трубку?

Оставалось одно — упрямо держать трубку возле уха, хотя это, конечно, не могло продолжаться до бесконечности. После примерно десяти чириканий послышался гудок другого тона, и спокойный мужской голос произнес:

— Слушаю.

— Я могу услышать штандарт-навигатора Горонеро? — спросил Сварог с колотящимся сердцем.

— Я у телефона, — столь же спокойно ответил собеседник.

Сварог повесил трубку — а что он мог сказать? «Послушай

Анеллу, идиот!»? Но даже если он и прав, письма Анелла еще не написала… и вдруг штандарт-навигатор в свое время все же *послушал?*

Жестом отослал официантку с телефоном. Поднял голову. Залпом допил ром — в стакане его еще оставалось не менее трети. Яна смотрела на него покруглевшими глазами.

— Подожди… — сказала она медленно. — Это что, тот Горонеро?

— И в том же звании, — сказал Сварог. — Ты умница, быстро соображаешь…

— И он ответил?

— Он ответил, — криво усмехнулся Сварог. — Вот только я решительно не представлял, о чем с ним говорить…

Яна думала недолго. Твердо сказала:

— Знаешь, это еще ничего не доказывает. *Здесь* может оказаться свой Горонеро.

— Вполне допускаю, — сказал Сварог. — И ни на чем не настаиваю, — подозвал жестом официантку: — Счет, пожалуйста, вы можете вызвать нам такси?

— Конечно, далер. Мне назвать адрес или вы в машине сделаете это сами?

Сварог повернулся к Яне, и она, заглянув в раскрытый путеводитель, моментально назвала адрес.

Ублаготворенная щедрыми (возможно, даже слишком щедрыми, он ведь совершенно не знал здешние размеры чаевых) чаевыми, «морячка» проводила их до двери. Пригласила заходить еще — искренне, сразу видно. Сварог пообещал, — он и, в самом деле, с удовольствием посетил бы это приятное местечко еще раз, но вот выдастся ли случай?

Еще девять ауреев швейцару — кутить так кутить, все равно здешние деньги девать некуда. У входа исправно дожидалось такси — как все местные, бело-красное, с тройным рядом золотистых кружочков от фар до задних фонарей. Таксист проворно выскочил распахнуть перед Яной дверцу — видимо, «Жемчужница» считалась хлебным местом и в расчете на хорошие чаевые следовало подсуетиться…

Глава V
ОКРЕСТНОСТИ В ПОЖАРЕ…

Когда машина отъехала от тротуара, Сварог перехватил в зеркальце заднего вида чуть удивленный взгляд водителя и подумал, что причины лежат на поверхности: то ли таксист не часто возил клиентов по *таким* адресам, то ли они с Яной, с точки зрения водителя, не походили на парочку, привыкшую ходить в книжные магазины.

Они переглянулись, и Яна с презрительной гримаской слегка пожала плечами. Сварог ее прекрасно понял: не стоит расходовать Древний Ветер по пустякам, хоть его и не убудет. Ничего подозрительного не произошло. Мало ли какие причуды бывают у клиентов. В конце концов, если кто-то держит здесь целых десять книжных магазинов, есть и посетители, и прибыль. Водила и без Древнего Ветра о них сам распрекрасно забудет уже назавтра…

«Печатное слово» оказалось небольшим стеклянным павильоном не так уж близко от центральных улиц. Таксиста они попросили подождать, согласившись заплатить запрошенные им деньги, — так проще, чем ловить потом другого, а денег, как уже подмечено, все равно девать некуда…

Слева оказался длинный ряд подставок в виде усеченных пирамид с газетами и книгами. Справа — длинная книжная полка на две стороны. Хорошенькая продавщица, встретившая их заученной улыбкой, так и осталась молча стоять за своим столиком с кассой — видимо, тут не принято было навязываться посетителю с советами.

Сварог начал с газет. И очень быстро разочаровался. Несмотря на калейдоскоп названий, они походили друг на друга, как горошины из одного стручка: толстые, многоцветные, с крупными заголовками и снимками на первой странице — ну конечно, местные сенсации. Некоторые были понятны донельзя: министр хапнул взятку, потерпел крушение авиалайнер, куча жертв, почтенный депутат парламента уличен в нездоровом влечении к мальчикам и тайном акционерстве в публичном доме «Прелестница», на шоссе столкнулись сразу восемнадцать машин, альдарийские сепаратисты три дня учили походно-полевой любви неосторожно заглянувшую к ним журналистку столичной телекомпании…

Но порой просто невозможно понять, в чем, собственно, дело. Вот, извольте: огромный заголовок: «Ссора забыта, Мелли и

Кауни снова вместе». И фотография: по колено в воде, обнявшись; стоят молодой мускулистый красавчик, брюнет в красных плавках и очаровашка-блондинка в скупом золотистом купальнике. Эстрадные звезды? Актеры? Он — знаменитый футболист, а она — не менее знаменитая дизайнерша? Поди, догадайся, когда непонятно даже, кто из них Мелли, а кто — Кауни…

И все же он отобрал пяток многоцветных толстушек. Мало ли что. Даже в таких газетах может попасться пара-тройка заметок о чем-то серьезном…

С журналами обстояло еще хуже. Забитые цветными фото полуголых и голых девочек, комиксы, журналы для собачников, кошатников, кактусоводов, россыпь всевозможной мистики, гороскопов и тому подобного. Ну, в точности как в Советском Союзе при угаре перестройки. Поразмыслив, он все же снял с подставки один журнал, здешний аналог «Плейбоя» — чисто в эстетических и разведывательных целях, не подумайте чего…

Стал методично обходить книжные полки. Его смутные опасения подтверждались: *ничего* мало-мальски серьезного. Романы любовные и эротические (разница лишь в том, что девицы на обложках вторых были одеты очень скупо, а героини первых часто щеголяли в несомненно старинных платьях), детективы, всевозможные приключения, фантастика, руководства, как покорить в три дня любую красотку, как заработать в неделю миллион, труды лекарей-шарлатанов, астрологов… снова руководства — как сорвать банк в лучшем игорном доме, как за месяц подняться от рассыльного до управляющего компанией…

Он прочесал уже целый ряд полок и половину обратного, но так и не обнаружил ничего хоть мало-мальски пригодного… Стоп! Не раздумывая, Сварог потянул с полки довольно толстую книгу в твердом переплете. На бело-розовой обложке, в овале — фотография красивой блондинки в ало-золотистом намеке на бикини. Мелия Ярдани. «Я восемь лет была секретаршей Горотана Брога». Оставшиеся полки Сварог осмотрел очень тщательно, но, к сожалению, больше ничего подобного не обнаружил.

Когда они с Яной, обойдя весь магазин, встретились, Сварог поначалу чуть не смутился в ожидании ироничного взгляда — журнал был на виду. Однако именно Яна отчего-то с некоторым смущением отвела взгляд. Присмотревшись, Сварог ухмыльнулся про себя: в руках у нее была довольно толстая книга журнального формата в мягкой обложке с изображением красивой девицы в вычурном купальнике и надписью: «Моды. Лето-осень 2147 г.» В который раз подтверждается нехитрая истина: женщина всегда остается женщиной…

Расплатившись и сложив покупки в мягкий пластиковый

пакет с изображением «Печатного слова», они вышли на улицу и присели покурить на лавочку здесь же, у дверей. Таксист их заметил, но терпеливо ждал, не напоминая о себе.

— Журнал твой — это еще понятно, — сказала Яна. — Я и сама не удержалась, как видишь… Но записки этой несомненной шлюхи тебе зачем?

— А затем, что там, я уверен, лишь небольшая часть отведена описаниям ее эротических кувырканий с шефом, — сказал Сварог, достал книгу из пакета и раскрыл. — Посмотри аннотацию. Неплохие посты занимал этот самый Брог, а? И немало…

— Да, действительно…

— Теперь посмотрим оглавление. Каковы названия? «Подлинная история оружейной „сделки века“ с „Хомен Прай“», «За кулисами Соглашения о проливах» «Лига Четырех Миров: „Тайное и явное“», «Департамент финансов изнутри»… И еще много чего… Чует моя душа, отсюда немало интересного можно извлечь.

Яна посмотрела на него не без уважения:

— Умеешь ты работать…

— Ну, не я первый… — скромно сказал Сварог. — Просто слышал как-то от мэтра Анраха, что самый важный и ценный исторический источник из времен короля Гарепо Злосчастного — это, представь себе, не мемуары министров и дипломатов, а полуграмотные обширные записки мелкого дворцового канцеляриста, ведавшего то ли починкой дворцовых часов, то ли светильниками… Мелочь пузатая — но за сорок лет скучной службы насмотрелся и наслушался больше иных царедворцев… Ну, как будем жить дальше? Лично у меня впечатление, что разведывательная миссия закончилась. Результаты скромные, но для первого раза достаточно и таких. Возвращаемся?

— Ты знаешь… — сказала Яна, чуть смущенно улыбаясь, — мне почему-то не хочется уходить. Задержаться бы еще на пару часиков… Миссия миссией, но получилось, что мы с тобой весело и беззаботно отдохнули, чего с нами давно не было…

— Ну, лишних два часа погоды не делают, — сказал Сварог. — Да и насчет отдыха ты права… Объездим пару магазинов? Может, в ювелирный?

— Не стоит, — сказала Яна. — Видела я мимоходом витрины парочки ювелирных. Магазины дорогие, на главной улице — но драгоценности из твоих хелльстадских сундуков в сто раз изящнее и интереснее. Вот косметический салон я видела любопытный…

— В чем же дело? — пожал он плечами. — Платит судостроительный магнат, уж простит он нам… Значит, твой

салон, быстренько заскочим еще в пару моих магазинов — и исчезаем из города. Этот же субъект нас довезет до замка, там ты его отключишь, и мы пойдем домой… Что не так?

— Да знаешь… — нерешительно сказала Яна. — Помнишь, Кабиния хвалила какую-то «Лотерею-Грацию», по ее словам, очень интересное местечко…

— Намек понял, — сказал Сварог. — Добавляем эту «Грацию» в маршрут, только и всего. А то стыдно, в самом деле: в *таком* городе побывали, но ни в одно увеселительное заведение не заглянули — ресторан и магазины… Упущение. Исправим, пошли.

Таксист, вроде бы не смотревший в их сторону, проворно завел мотор и кинулся распахивать дверцу, едва они встали с лавочки.

Проехали всего квартал. Сварог распорядился:

— Притормозите!

Таксист послушно притерся к тротуару. Яна глянула вопросительно. Сварог кивком показал ей вправо. Там, над небольшой площадью, висели в воздухе, словно бы ничем не поддерживаемы огромные сине-красные буквы.

ТЕАТР ГАЛЕРАНИ! ТАРИНА ТАРЕМИ
С НОВОЙ ПРОГРАММОЙ «ПЕЧАЛЬНЫЕ РЫЦАРИ».
ТОЛЬКО ОДИН КОНЦЕРТ!!!
3:30

Сварог глянул на часы, которые давно уже успел перевести на местное время. Оставался час. Встретив его взгляд, едва ли не умоляющий, Яна кивнула:

— Как же мне быть против, зная твое к ней отношение…

— Театр Галерани — это далеко? — спросил Сварог таксиста.

— Даже если не гнать и не нарушать, квадранс или самую чуточку побольше…

— Поехали живенько!

Таксист послушно отъехал от тротуара, но тут же сказал нейтральным тоном:

— Мое дело маленькое — везти, куда велят… Только должен вас сразу предупредить, далер: наверняка билетов уже не осталось ни единого. Тарина Тареми, новая программа, театр Галерани…

— Сколько лет вы своим ремеслом занимаетесь? — сухо спросил Сварог.

— Восемь…

— Отлично, — сказал Сварог. — Значит, не вчера родились и знаете тут все и вся. Я тоже не вчера родился. Прекрасно знаю,

что порой билеты есть, даже когда их нет…

— Святая правда, — сказал таксист. — Бывает… Вот только, далер, я, уж простите, повторюсь: Тарина Тареми с новым концертом да вдобавок театр Галерани… Удовольствие не только не для тощего кошелька, но и для среднего…

Нисколько не растерявшись, Сварог спросил:

— Магией владеете?

— Храни Праматерь! — воскликнул таксист словно бы даже с некоторым испугом. — Ни с какого боку, и в роду никого не было…

Тогда Сварог спросил холодным, высокомерным, *барским* голосом:

— В таком случае, откуда вы можете знать толщину моего кошелька, любезный?

С таксистом мгновенно произошла некая метаморфоза — ну, Сварог, король со стажем, давно уже привык, что именно так действует на народец холуйского пошиба такой голос.

— Тысяча извинений, даур, — сказал таксист совершенно другим голосом. — Все сделаем в лучшем виде…

Что такое «даур», Сварог, разумеется, не знал, но это титулование было явно повыше «далера». Он небрежно спросил:

— Что, театр Галерани — такое уж респектабельное место?

В зеркальце он видел лицо водителя — на нем смешались почтение и удивление. Промашка, черт. Похоже, *даур* таких вопросов задавать не должен, сам прекрасно знает… Ладно, Яна о труженике баранки позаботится…

— Конечно, даур, — сказал таксист, не подозревавший, что ему вскоре придется начисто забыть и этот разговор, и пассажиров. — Впервые в наших местах?

— Вот именно, — сказал Сварог и снизошел до небрежного пояснения: — Так сложилось, что я много лет прослужил в посольствах на Сильване, там и привык отдыхать…

Пока водилу не *отключили,* его следовало уболтать.

— Понятно, даур, — сказал таксист с несомненным почтением. — Театр Галерани… Как же, достопримечательность, уж мне-то такие вещи знать положено, мало ли чем поинтересуются господа. Построили его лет сто пятьдесят назад, еще при последнем короле. Когда тут была не игорная столица, а тихий городок, где любили отдыхать господа аристократы, а то и сам король… Много с тех пор воды утекло, а театр Галерани по-прежнему не для всякого кошелька… Изволите любить песни Тарины Тареми? Я вот тоже. Замечательный голос, до печенок прохватывает… — и добавил с нескрываемым сожалением: — Жаль только, что она ни в какую не снимается для цветных

журналов, хотя деньжищи, ходит слух, сулили бешеные. Простите, дауретта, сболтнул, не подумавши… Сейчас…

Он вставил в узкую прорезь продолговатую черную коробочку, что-то нажал, подкрутил, и раздался голос Тарины Тареми (получит пару лишних ауреев, обормот — хорошо подобрал громкость, в самый раз).

— Все скрылось, отошло, и больше не начнется.
Роман и есть роман. В нем все как надлежит.
Кибитка вдаль бежит, пыль вьется, сердце бьется,
Дыхание твое дрожит, дрожит, дрожит…

Сварог, подавшись вперед, слушал внимательно: этой песни у него не было. Или он попросту до нее не добрался, далеко не всю коллекцию записей Фаларена изучил…

— И проку нет врагам обшаривать дорогу,
Им нас не отыскать средь тьмы и тишины.
Ведь мы теперь видны, пожалуй, только Богу,
А может, и ему — видны, но не нужны…

Когда песня закончилась, таксист проговорил с нескрываемой завистью:

— Импресарио у нее, конечно, тот еще жучила, вот бы с кем поменялся, не глядя, только ж не бывает таких чудес. Столько про него «бульварки» писали, и если даже правды только половина… Умеет человек жить… Вот и теперь… Правда, тут не он первый придумал, но все равно…

— А в чем секрет? — спросил Сварог.

— Обратили внимание, даур, что там было написано «Только один концерт»? Тут и фокус… Она и так-то всегда собирает полные залы, а уж с такой рекламой… Вот попомните мои слова: сейчас ребятки ее импресарио носятся по городу, как черти, слухи распускают, деньги репортерам «бульварок» суют… А через день окажется, что по мольбам почитателей Тарина даст еще концерта три-четыре, но уже где-нибудь в «Горном хрустале» или «Колоссе». «Хрусталь» вмещает две тысячи человек, а «Колосс» все три, да еще можно уйму приставных стульев под такое дело поставить… и, главное, обычные цены на билеты подзадрать так, чтобы и владельцы залов свое урвали, и импресарио откупил жирный процентик… да и самой Тарине достанется немало, хотя она, болтают, об этих махинациях ни сном ни духом. Ну вот, видите?

Прав был, знаток всего и вся. Здание театра, не такое уж и большое, как-то неуловимо отдавало не мастерской стилизацией под старину, подобно гостинице у замка, а *самой* стариной. Широкая лестница, ведущая к парадному входу, предваряемому полукруглой колоннадой, была отгорожена синим шнуром на золотистого цвета стойках, и там суетилась целая орава капельдинеров в синих с золотом ливреях. Время от времени после их пронзительных свистков немаленькая толпа, теснившаяся у шнура, послушно расступалась, и по образовавшемуся узкому проходу шли счастливчики с билетами наготове, перед которыми тут же размыкали шнур. Сварог заметил в толпе не только «обычных» людей, одетых так, как они с Яной, но здешних республиканских аристократов (аристократы всегда есть, и при монархии, и при республике) — элегантные сюртуки, иные в тонкую полоску кружевные манишки, дамы в вечерних платьях…

— Ну, любезный? — нетерпеливо спросил Сварог.

Таксист проворно выскочил из машины и рысцой припустил куда-то вправо: там протянулись рядком шесть полукруглых окошечек (закрытых) со светящимися буквами «Кассы». Впрочем, «Кассы» светились бледно-зеленым гнилушечьим светом, а повыше горела красным большая надпись: «ПРОСИМ ИЗВИНИТЬ, БИЛЕТОВ БОЛЬШЕ НЕТ». Там тоже стояла кучка людей, человек в двадцать, но державшихся спокойнее и увереннее, чем не попавшие в театр зрители: те, даже аристократы, беспокойно толкались, иные пытались пролезть в первые ряды, как будто это могло чем-то помочь.

Яна усмехнулась:

— Пожалуй, придется и мне твою любимую Тарину послушать всерьез. Канилла с Томи от нее с ума сходят не хуже тебя, да и Канцлер, по точным данным, пару раз был замечен за вдумчивым слушаньем ее концертов…

— Послушай, послушай, — сказал Сварог. — Она того стоит. Может, сейчас и сама убедишься.

— А ты уверен, что билеты будут?

— Эта изнанка жизни… — вздохнул Сварог. — Да вот видишь — уже шлепает…

Таксист той же рысцой семенил к машине, а следом, отставая на несколько шагов, гораздо более степенно двигался усатенький субъект в элегантном костюме. Он остановился шагах в пяти от машины, изящно опершись на фасонную черную трость с вычурным набалдашником золотистого цвета (может быть, и золотым), а водитель распахнул правую переднюю дверцу, просунулся в машину и почтительно зашептал:

— Все в порядке, даур, извольте сами с ним уладить…

Сварог неторопливо вылез, подошел. «Черный маклер» держался так же степенно, всем видом показывая, что билеты он продает отнюдь не в дешевое варьете на окраине.

— Что можете предложить, далер? — тем же барским голосом осведомился Сварог.

— Все, что пожелаете, даур, — ответствовал субъект. — Правда, не так уж много осталось билетов, но есть и партер, и ложи…

Он привычным движением вынул из внутреннего кармана черную пластинку размером с книгу, очень тонкую, покрытую золотистыми крапинками, Коснулся ее боковинки — и возникло цветное изображение: театр без крыши, зрительный зал, надо полагать, скопирован с максимальной точностью: подковообразный, ряды малинового цвета кресел в партере, ложи в несколько ярусов. Субъект медленно пластинку повернул перед Сварогом, чтобы тот мог рассмотреть ложи сбоку. Вежливо спросил:

— Я полагаю, даур, вы предпочтете ложу, вы ведь с дамой? Красные огоньки означают уже проданные места, синие — свободные…

«Отличная у них тут техника, — подумал Сварог. — И ее, как обычно, живенько приспособили для темных дел и темноватых делишек…» Он присмотрелся к синим огонькам. Один из них горел напротив ложи в первом ярусе, расположенной у самой сцены. На нее Сварог и показал пальцем.

— У вас тонкий вкус, даур, — уже с долей услужливости сказал маклер. — Это королевская ложа, последний король ее специально обустроил для себя и своей… симпатии. *Полная* стоимость ложи — двадцать пять тысяч ауреев. Вы же понимаете: Театр Галерани, королевская ложа, сама Тарина Тареми…

И уставился цепко, пытливо, не без некоторого любопытства: ну-ка, что ты за меломан будешь? Не теряя времени, Сварог запустил руку в левый внутренний карман, ногтем большого пальца отделил, прикинув, подходящее количество бумажек и, достав деньги, стал неторопливо отсчитывать тысячные. Двадцать пять. Оставалось еще две кредитки. Подумав, Сварог все с тем же небрежным барством протянул и их торгашу, процедив:

— Вы меня очень выручили, далер…

Вот теперь того *пробило* то же холуйство, что и таксиста. Он, чуть изменившись в лице, поклонился не так уж низко, сказал почтительно:

— Приятно видеть, даур, что на свете еще остались настоящие господа…

И протянул Сварогу два билета: плотная бумага, слева изображено здание театра, справа — такое впечатление, каким-то старинным шрифтом, — название, обрамленное изящными завитушками. Ниже — незнакомая корона и крупная надпись тем же шрифтом КОРОЛЕВСКАЯ ЛОЖА.

— Желаю вам и вашей даме приятного времяпровождения, — сказал маклер, приподнял шляпу уже гораздо выше, поклонился и степенно направился назад, к кучке несомненных собратьев по ремеслу. Сварог посмотрел на обратную сторону билетов. Ну да, так и есть, именно там цена билета была обозначена. Две тысячи ауреев. Ухмыльнулся: нехилый навар достался прохвосту. Правда, ему наверняка приходится делиться — театральные кассиры, а то и мелкое театральное начальство не могут не быть в доле, да и полицию забывать не след, вон они прохаживаются, по двое с двух сторон… Все равно, не сухой корочкой питается…

Философски вздохнул про себя: ничего нового, по данным тайной полиции, во всех его столичных и крупных городах, где имеются респектабельные театры, — совершенно то же самое. Сыскная полиция испокон веков на таких вот субчиков смотрит сквозь пальцы: в конце концов, не грабят и не кошельки режут, деньги им отдают добровольно, а посади их — быстренько новые набегут. Ну, и мзда от них капает регулярно…

Он фыркнул и направился к машине.

Таксист уехал, получив щедрую плату, причем не *обработанный* — к чему? Что такого удивительного или подозрительного в том, что очередной богач выкинул бешеные деньги, чтобы послушать Тарину Тареми? Несомненно, таксисту капнет от маклера процентик за выгодного клиента, хотя наверняка небольшой. Да и маклер ничегошеньки не заподозрит: Королевскую Ложу, сомнений нет, продавали и до этого бесчисленное множество раз…

К ним с Яной отнеслись с величайшим решпектом. Те капельдинеры, что торчали снаружи, с другой стороны толпы, едва завидев билеты, засвистали, как Соловьи-Разбойники, и тут же у подножия лестницы раздались ответные трели. Толпа привычно, хоть и нехотя расступилась, Сварог с Яной прошли сквозь длинный коридор откровенно завистливых взглядов, перед ними откинули кусок шнура, и они поднялись к распахнутым дверям парадного входа, где седобородый старикан (судя по обилию золотых нашивок и шнуров, капельдинерское начальство) по очереди прищемил уголки обоих билетов какими-то хитрыми никелированными щипцами. На билетах после этого не осталось ни малейшего следа, но старикан начал кланяться, как заведенный, потом достал свисток, издавший уже совершенно

другую трель. Подскочили еще двое «рядовых». Один деликатно забрал у Сварога пакет с книгами, вежливо заверив, что почтенному дауру он по окончании концерта будет возвращен прямо в ложе (никакого номерка не дал, видимо, такие тут порядки). И смылся. Второй, почтительно держась на шаг впереди, повел Сварога с Яной по коридору, куда выходили двери лож первого яруса. Многие были открыты, возле них курили и болтали великосветские дамы и господа. Сварог ожидал косых, высокомерных взглядов, но, к его некоторому удивлению, на них смотрели вполне благожелательно, как на своих. Причина, думается, ясна: подобные роскошные заведения, точнее, их посетители повидали немало эксцентричных миллионеров, каковые, всем известно, любят *чудесить* разнообразно и с размахом (Теперь Сварог уже понимал, что они с Яной, по здешним меркам, одеты довольно простенько). Когда-то в Равене, что далеко ходить, герцог Браул, богач и коллекционер драгоценностей, любил расхаживать по лучшим ювелирным лавкам в облике даже не гильдейского, а замурзанного фригольдера, в потрепанной одежке и дырявых сапогах (с набитыми золотом карманами). Поначалу швейцары его, естественно, гнали в шею — и тогда «фригольдер», довольно ухмыляясь, принимался пересыпать из горсти в горсть золото. После чего, понятно, был со всем почтением допускаем к прилавкам. В конце концов, его повсюду стали узнавать, но он еще несколько лет развлекался, переезжая то в Снольдер, то в Латерану, то в Балонг…

Действительно, последний здешний король умел радоваться жизни: два золоченых, обитых малиновым бархатом кресла у барьера ложи, еще два у изящного столика, в углу — огромный низкий диван, застеленный шитым золотыми нитями покрывалом. Одним словом, все что душеньке угодно. Жизнерадостный, должно быть, был малый. Интересно, что с ним случилось и каким образом монархия стала республикой?

Столик и сейчас был накрыт для двоих: Три бутылки вина, одна — неплохого здешнего келимаса (Сварог в одной из кофеен уже успел его попробовать — в научных целях, а как же), фрукты, пирожные, тонко нарезанные и красиво разложенные ветчина, сыр, копченая рыба, еще что-то… Перехватив взгляд Сварога, капельдинер конфиденциально сообщил на ухо: господин даур и после концерта может здесь оставаться, сколько ему угодно, хоть до утра, не первый случай и даже не сотый (при этом он дипломатично намекнул, что потребуется некоторое вознаграждение — и столь же дипломатично был заверен, что оно воспоследует). Подумав, Сварог сунул ему пятнадцать ауреев,

учитывая специфику места. Тот поблагодарил и улетучился.

— Все продумано, — фыркнула Яна. — Посмотри.

Он посмотрел. Ложа была декорирована тяжелыми шторами из того же бархата, разве что темно-синего, позволявшими надежно отгородиться от посторонних глаз.

Что его ничуть не удивило: он читал где-то, что подобные ложи были оборудованы в лучших европейских театрах галантного восемнадцатого века, а на Таларе и сейчас имеют место быть.

Стояли там и хрустальные пепельницы, лежали пачки дорогих сигарет — но Сварог и не думал подходить к столу: чересчур уж большой пошлостью было бы пить или курить на концерте Тарины Тареми. Тем более что до начала оставалось меньше квадранса.

Они с Яной уселись у барьера, разглядывая зал. Последний король на культуру денег определенно не жалел: позолота, лепнина, барельефы на потолке, изображавшие в основном крылатых красавиц в чем-то вроде коротких туник — быть может, здешних муз. Высокий тяжелый занавес, светло-синий, расшит серебряными искусными узорами. Спокойная такая роскошь, без дурной вычурности или дурновкусия, мастера у короля были неплохие… Две огромные хрустальные люстры, светильники на стенах, богатые ковры…

Точно в назначенное время погас верхний свет в ложе, тут же медленно стали гаснуть светильники и люстры. Еще до того, как настала совершеннейшая темнота, два луча скрестились перед занавесом. Потом в световом пятне появился осанистый господин с благородными сединами, в темно-синем сюртуке с белым цветкам в петлице.

Ему похлопали — недолго, вежливо, чисто церемониально. Чуть поклонившись, он сказал:

— Очень рад вас видеть, почтенные дамы и господа…

Микрофонов Сварог нигде не увидел, но отчетливо различал каждое слово. Правда, до сцены было рукой подать — первый ярус лож приподнят над ее уровнем уарда на два, но все равно Королевская вплотную к сцене.

— Позвольте вас поздравить, дамы и господа, — продолжал седовласый. — Вы первыми в мире услышите новый концерт неподражаемой Тарины Тареми «Печальные рыцари». Тарина совершит с ним большое турне по городам Юга, но начинает она с театра Галерани. Даже традиционный запев будет новым. Вы счастливцы, дамы и господа! — он картинно выбросил руку в сторону занавеса: — Тарина Тареми!

Вот тут аплодисменты обрушились шквалом. Сварог с Яной

не отставали, главным образом Сварог. Занавес дрогнул и медленно распахнулся. Сварог затаил дыхание.

Открывшуюся картину он, признаться, не ожидал увидеть: сцена представляла собой обширное поле, покрытое унылой серой грязью и редкими пучками столь же унылой бледно-зеленой травы, наискосок тянулась избитая копытами и тележными колесами, размякшая узкая дорога. Небо — низкое, неприветливое, хмурое. Ближе к ложам лежал невысокий серый валун в рыжеватых пятнах лишайников. Не особенно и приятный пейзаж, откровенно говоря. Из глубины сцены появилась женщина и неторопливо пошла к валуну. Подол ее роскошного, до земли, платья, будь это в жизни, очень быстро перепачкался бы грязью — неимоверно, но он оставался чистым. Голография, и отличная, догадался Сварог, давно знакомый с такими штучками по Келл Иниру.

Усевшись на валун в грациозной позе, она какое-то время молчала. Сварог ее жадно разглядывал — девушку с экрана телевизора в номере штандарт-навигатора Горонеро. Рукой до нее, конечно, не дотронуться, но все равно, она шагах в четырех, то ли кажется, то ли, и в самом деле, доносится запах ее духов; ненавязчивый, чуть горьковатый, почему-то *грустный.*

Ажурное алое платье кое-где расшито золотой нитью. Распущенные черные волосы схвачены надо лбом золотой цепочкой с большим каплевидным камнем светло-медового цвета. Прелестное ее личико, отрешенное и чуточку грустное, как запах ее духов. Тонкую талию охватывает пояс из чеканных золотых колечек.

По залу, словно легкий ветерок над заросшим высокой травой полем, *прошелестел* тихий удивленный вздох: слева на дороге показался медленно, почти шагом ехавший рыцарь в полном доспехе, с опущенным забралом, щитом с незнакомым гербом и копьем у стремени. Он вовсе не повесил голову, смотрел вперед, и лошадь не плелась, не казалась заморенной — но все равно осталось впечатление, что и всадник, и конь безмерно устали, а ехать им еще долго, и дорога нелегка…

Когда он скрылся за кулисами справа, Тарина, глядя в никуда прекрасными синими глазами, пропела тихо, задушевно:

— …Он тихо едет мимо стен
и кровель, слабо освещенных…
Как много есть неотомщенных,
а отомщенных нет совсем…

И умолкла. Снова шквал аплодисментов. Оборвав их

решительным взмахом ладони, Тарина не встала — вскочила, протянула вперед руку, словно решительно преграждая кому-то путь. Сцена мгновенно изменилась: земля теперь была не грязной, а покрытой пеплом, вдали, в глубине сцены, казалось, встает огонь и дым над горящими деревнями (Сварог видел такое на войне), повсюду вокруг девушки плясали ало-болотистые, багрово-черные отблески. Музыка зазвучала резкая, тревожная, с выделявшимся на ее фоне ритмичным грохотом барабана — будь это на Таларе, Сварог поклялся бы, что барабан военный. Далекий конский топот, звяканье кольчуг, тяжелая поступь усталой, бредущей не в ногу пехоты…

Голос Тарины ударил в сердце — глубокий, чуть хрипловатый завораживающий:

— Окрестности в пожаре,
покинуты дома.
Король наш, старый Парри
совсем сошел с ума…
На нивах опаленных
зерна не соберешь —
летят отряды конных,
вытаптывая рожь…
К чему страдать, трудиться —
все пущено на слом.
Не дай вам Бог родиться
при Паррике Шестом!

Сварог сгорбился, словно под невыносимой тяжестью — иногда на человека так действует *знание*. Но глаз от Тарины не отводил, теперь прекрасно видел, что ей лет двадцать пять, не больше, искусство гримеров тут в ни при чем, она и в самом деле молода — но какое, к черту, имели значение эти подробности? Дело совершенно в другом… Он слушал, чувствуя, как закаменело лицо.

— Чье над полками знамя?
За что ведется торг?
Кто править будет нами —
Чонкастер или Борг?
Какого бы вельможи
ни взяли короля,
для нас одно и то же —
и плаха, и петля.
Безрадостные лица,

зола и бурелом…
Не дай вам Бог родиться
при Паррике Шестом!

Теперь не осталось никаких загадок. Он все знал совершенно точно. И это было мучительно больно.

Глава VI
ОТЗВУК БЫЛЫХ ВЕКОВ

Занавес задернут, партер опустел, люстра погасла, горят только светильники на стенах.

Яна старательно задернула шторы, обернулась, довольная, веселая, с лукавыми глазами:

— Теперь я, кажется, понимаю, что вы все в ней нашли… В самом деле, сердце холодеет, особенно после *этого* концерта. А знаешь, я видела мимоходом, на той стороне едва ли не в каждой ложе шторы задернуты, — она перевела взгляд на диван, улыбнулась: — Нет, не стоит заходить так далеко. У нас, в конце концов, серьезная миссия, нам еще в пару магазинов и в эту самую «Лотерею-Грацию», посмотреть, что же там за развлечения такие… А вот выпить по бокалу и отдохнуть с полчасика, я думаю, можно… Что ты вдруг стал такой зажатый?

Сварог молча наливал себе светло-янтарного цвета келимас в винный бокал. Тоска на душе стояла непередаваемая.

А Яна ничего не замечала. Она уселась напротив, налила себе зеленовато-болотистого вина, присмотревшись, выбрала с блюда персик посочнее, сказала все так же весело:

— За успех предприятия, все знают, заранее пить не стоит — удачу спугнешь, если не хуже… Выпьем за Тарину? Вот она какая — живая…

Келимас Сварог выцедил, как воду, хотя вместительный винный бокал был налит едва ли не до краев. Как порой случалось, не забрало. Он плеснул себе еще, гораздо меньше, *закинул* в рот, сжевал прозрачный ломтик темно-красной рыбы. Закурил, угрюмо сутулясь.

Теперь только с лица Яны сбежала улыбка, она тихо спросила:

— Что случилось? Уж я-то тебя успела узнать… Я думала, ты будешь только радоваться, наконец, увидев ее, живую… Не беспокойся, я не такая дура, чтобы ревновать, прекрасно понимаю: тут совсем другое…

Сварог поднял глаза, медленно произнес, чувствуя, как лицо стянула гримаса то ли злости, то ли боли:

— Она не живая, Вита. Она давным-давно мертвая. Они все тут мертвые. Кроме нас с тобой. Это прошлое. Доштормовое прошлое. Теперь я абсолютно уверен.

Ожидал чего угодно — удивления, недоверия, даже насмешки. Однако недооценил Яну, хотя должен был хорошо ее

знать. Яна спросила спокойно, пытливо:

— Ты расскажешь подробно, в чем дело? Потому что я могу сказать одно: ничего не понимаю. Мы постоянно были вместе… Ну, разве что иногда кто-нибудь выходил в туалет. Видели и слышали одно и то же. Тебе просто *неоткуда* было взять точное знание.

— Вот тут ты крупно ошибаешься, Вита, — сказал Сварог, найдя в себе силы улыбнуться нормально. — Все дело в том, что ты — *небесная* императрица, а я — *земной* король. Два разных мира все-таки. По порядку? Что ж… О Соседних Страницах мы до сих пор не знаем ровным счетом ничего. Есть только версии ученых книжников, за неимением лучшего придется их придерживаться. Я, например, вполне разделяю точку зрения по которой, чем ближе к нам Страница, тем больше она похожа на наш мир (он, разумеется, промолчал, что имел случай сам в этом убедиться отнюдь не в теории). Ничего удивительного, если на ближайшей Соседней Странице живут *своя* Тарина Тареми, свой Горонеро. Вполне укладывается в теорию. Но вот когда начались *песни*…

— *Песни?* — прямо-таки ошеломленно воскликнула Яна.

Сварог бледно усмехнулся:

— Вот именно. Песни. Они самые. Началось с «Жемчужницы». Девушка слово в слово спела таларскую «Балладу о фрегате». На Таларе ее любят в основном моряки, так что в глубине суши балладу можно услышать гораздо реже. Я ее несколько раз слышал и в Джетараме, и в Фиарнолле, и в одном плавании. Даже имя героини то же самое — Маргелита. Правда, на Таларе вместо никому не известного Толайона поют «Джетарам», но это, по-моему, понятно: до Шторма Джетарам не был портом, располагался лигах в пятистах от моря. А где сейчас Толайон, поди догадайся. И зеркала в нашем варианте, понятно, завешивают не черным, а белым крепом — у нас давно траурным стал белый, а у них еще остается черный… Помнишь, ты удивлялась, когда я стал интересоваться песней?

— Конечно, помню. Пара часов прошла…

— Я попросил официантку выяснить у парня, что за баллада — новая или старинная? Он ответил, что написал ее только месяц назад. Вот тут-то я и призадумался… А потом мы оказались здесь, — он кивнул в сторону сцены. — Получилось не менее интересно… Мне приходилось у себя иметь дело с крестьянскими мятежами, поневоле пришлось потребовать обширный отчет: история, традиции, характерные особенности и все такое прочее… Мои люди палец о палец не ударили — оказалось, такие отчеты давно лежат в архивах. Так вот, «Баллада о короле

Паррике Шестом» — крестьянская *бунтарская* песня. Распевают ее исключительно во время бунтов — по всему Талару. Единственное отличие — на Таларе после каждого куплета добавляют припев: «Бросай соху, приятель, берись за арбалет!» С давних пор считается самой крамольнейшей песней и к распеванию в *спокойные* времена категорически запрещена. Приди кому-то в голову такая дурь ее затянуть просто так — зазвенят цепями и певец, и слушатели. Судя по отчетам, в кабаках пару раз ее затягивали сдуру, ничуть не собираясь бунтовать — но закон есть закон, а потому на каторгу шли все, включая кабатчиков… Самое интересное, что и Тарина, и наши крестьяне поют одинаково: «Чонкастер или Борг». Кстати, наши историки не знают такого короля — Паррика Шестого. И других Парриков не знают. И дворянских родов Чонкастер и Борг. Есть только старинная легенда: в «давние, давние» времена жил такой король Паррик Шестой, состарился, выжил из ума, а более-менее законных наследников не было. А Чонкастер и Борг по той же легенде — два знатнейших и богатейших рода. В каждом были люди с королевской кровью — потомки незаконных королевских отпрысков. Ну, дальше понятно: усмотрев удобный случай, они выдвинули каждый своего кандидата и принялись драться. У обоих были свои сторонники среди дворян, городов и мужиков. Да вдобавок подключились и роды помельче, тоже со своими кандидатами — на Таларе немало потомков королевских бастардов… Но главную роль играли все же Чонкастер и Борг. Неизвестно точно, сколько это продолжалось, но, уверяют, довольно долго. В конце концов новым королем стал и основал новую династию Борг. А может, и Чонкастер — я эту легенду читал мимоходом, давно, не знал, что она пригодится — да и какая, в сущности, разница, кто победил, даже если это не легенда, а правда? Тарина спела эту балладу впервые, она, как и «Баллада о фрегате», *новая.* С иголочки, можно сказать. Не знаю, верить ли тем, кто считает обе песни дотормовыми, так о многих говорят, иногда подтверждается, а иногда полной ясности так и не доискаться. Но вот в том, что им пара-тройка тысяч лет, никто не сомневается — есть куча старинных вирилэ,[1] где упоминается, точнее, приводится целиком «Баллада о фрегате». И много внушающих доверие старинных исторических хроник, где упоминается «Баллада о Паррике Шестом». Так что возникает вопрос: каким образом обе баллады из здешней *современности* могли попасть в наше далекое *прошлое?* Ответ, по-моему, один-единственный: только в том случае могли попасть, если здесь именно что прошлое, а не отставшая от нас на несколько тысячелетий Соседняя Страница. Вот и все у меня. Что скажешь?

Яна долго молчала с бледным, серьезным лицом. Потом сказала:

— И все-таки полной уверенности нет. Почему бы все же не Соседняя Страница, а отставшая от нас во времени на несколько тысячелетий? Тот же вопрос, я уверена, зададут и Канцлер, и профессор Марлок. И что ты им ответишь?

Сварог вдруг понял, что она сумела его твердую уверенность поколебать. В самом деле, *точного* ответа нет. Точнее, нет *железных* доказательств.

— Можно привлечь Оклера с его Морской Бригадой, — не сдавался он. — Примерное местонахождение Саваджо известно с точностью до пары десятков лиг. Если база «Стагар» *легла* на дно так спокойно, что даже стекла в окнах целыми остались, почему того же самого не могло произойти с Саваджо? Если Оклер его найдет…

— …то все равно не будет точного доказательства, — мягко сказала Яна. — Может быть, это будет *наше* Саваджо. А песни… Их в соответствии с ходом времени «перепридумали» потом, здесь… Нет доказательств…

— Есть! — воскликнул Сварог, вскинувшись с кресла от избытка эмоций. — Вита, есть способ!

— Какой?

— Следи за моей мыслью, — сказал Сварог, не в силах убрать с лица широкую, быть может, глуповатую улыбку. — Мы забрасываем сюда людей. Они подыскивают местечко, о котором можно с уверенностью сказать, что и здесь, и в наше время тут не произошло никаких природных катаклизмов: горы не вздыбились, море не залило, в общем, ничего подобного, как была равнина, так и осталась. Насколько я помню из хроник, после Шторма на Таларе даже кое-где города уцелели, хотя потом их разобрали на свои нужды — или они сами превратились в руины… В том месте — а для гарантии лучше в нескольких — они закапывают определенные предметы. Лучше всего, мне с ходу в голову пришло, — обыкновеннейшие глиняные горшки. Можно битые. Обожженная глина может пролежать в земле тысячелетия. Когда они возвращаются, мы немедленно проводим раскопки в тех местах. Если ничего не находим — здесь все же Соседняя Страница. Но вот если находим, никаких неясностей не остается…

— Ты у меня гений, — сказала Яна, глядя на него с неподдельным восхищением.

— Накатывает иногда, — скромно сказал Сварог. — Как, по-твоему, это будет достаточно убедительный эксперимент и для Канцлера, и для Марлока?

— Пожалуй, — ненадолго задумавшись, кивнула Яна. — Вот только… Ты об одном не подумал. Если это прошлое, здесь через неполных два года грянет Шторм. Если Соседняя Страница… быть может, тоже. А меж двумя мирами есть окно…

Она замолчала, нервно потянулась к бутылке. Горлышко звякнуло о край бокала один раз, но тем не менее… У Сварога по спине прополз поганый холодок. Он живо представил, как в окно, снося хрупкое стекло, врывается нечто непредставимое, как рушится дворец, как землю сотрясают жуткие корчи наподобие тех, что он видел на дискете принца Элвара, как рассыпается тучей каменной пыли, гибнет красавица Латерана, а за ней, очень возможно…

— Это ведь вполне возможно? — каким-то незнакомым голосом спросила Яна.

— Возможно, — хрипло сказал Сварог. — Но у нас есть в запасе почти два года. И вся научно-техническая мощь Империи. Сдается мне, в *этом* случае даже вольнодумный Магистериум не останется в стороне… Горрот тоже казался неодолимой угрозой — но ведь справились? — он постарался улыбнуться как можно естественнее и теплее. — Не опускай руки, милая, прорвемся…

— А кто опускает? — вскинула подбородок Яна, ставшая почти прежней. — Ну, а что нам делать здесь? Теперь? Сломя голову мчаться к Канцлеру нет смысла — несколько часов роли не играют и ничего не решают…

— Вот именно, — сказал Сварог. — Кинься мы сейчас опрометью к замку, это походило бы на паническое, где-то даже позорное бегство. А для такого нет никаких причин. Ни один командир в такой ситуации подобного не допустит. Посему командир приказывает: идем по-прежнему маршруту. Нервишки успокоим малость, а то еще что-нибудь полезное в хозяйстве выудим…

— Есть, командир, — сказала Яна без тени неудовольствия. — Все правильно…

Сварог налил себе еще. Яна подошла, присела на широкий мягкий подлокотник вычурного золоченого кресла (быть может, оставшегося от последнего короля, для королей мастера работают на века). Погладила ладонями его виски, макушку, затылок, неожиданно стала негромко, задушевно напевать:

— И волки спят,
и медведи спят,
и тигр уснул,
и уснула рысь,
страхи все в лесу,

к нам и не придут…

Его голову стало обволакивать какое-то странное тепло, сознание самую чуточку замутилось. Высвободившись, он сердито воскликнул:

— Это еще что такое?

— Да ничего особенного, — сказала Яна. — Каталаунская баюкалка-утешалочка, махонькое колдовство деревенских старух. Я там, переняла кое-что…

— Но оно ведь действует, — сказал Сварог чуть растерянно. — А на меня магия не должна действовать…

— *Вредная,* — уточнила Яна таким тоном, словно показала ему язык. — Зато полезная… Старухи этой баюкалкой детям помогают засыпать, если тем не спится, испугавшихся утешают… Ничего тут нет вредного.

— А, ну да, — проворчал Сварог. — Примечания мелким шрифтом, в который раз… С чего это ты взялась меня *утешать?*

— Уж прости, но душа у тебя была не на месте, — серьезно сказала Яна. — Я тоже поначалу чуть запаниковала, а потом прикинула все трезво… Логика у тебя, сразу видно, получается типично мужская, насквозь материалистическая. Технион, научная мощь империи, приборы и устройства… Глупости. Ты уж мне, пожалуйста, поверь: при необходимости я поставлю Древним Ветром такую стенку, что никакой Шторм не прошибет. Не знаю пока всего, трудно дается *полное* понимание, но всерьез подозреваю, что Шторм — это нечто *извне.* А Древний Ветер — это Матушка-Земля, она может и раны получить, и пострадать серьезно, но не погибнет…

— Твоими бы устами… — проворчал Сварог, не без удивления обнаруживший, что ему и в самом деле изрядно полегчало, улетучилась особенно уж щемящая тоска и тревога.

— Это не мои уста, — серьезно сказала Яна. — Это Матушка-Земля. Ну ладно, не будем терять времени, — она принялась листать путеводитель, и это занятие несколько затянулось. — Ах, вот оно в чем дело… «Лотерея-Грация» значится под рубрикой «Аттракционы» — и, между прочим, их по городу целых двадцать восемь — популярное заведение, надо полагать… Ну, звони лакею?

Сварог вызвал звонком капельдинера, тот проворно явился с их невеликим багажом, почтительно проводил к выходу, в два счета поймал такси, за что, конечно, был вознагражден.

Оказалось еще, что представления в «Лотерее-Грации» даются каждый час — коротенько что-то для солидного зрелища, ну да

кто их знает, и за час можно немало завлекательного показать.

К одной из «Граций» они подъехали примерно через час, запасшись сувенирами: у Яны был роскошный косметический набор, целый плоский чемоданчик, обтянутый натуральной кожей, с тисненной золотом эмблемой фирмы (как помнил Сварог по здешней телерекламе, одной из самых престижных — ну, и цену заломили соответствующую). У него самого — черный чемоданчик из пластика, тонкого, но прочного — внутри в гнездах покоились пять бутылок кофейного ликера. Как справедливо заметили древние латиняне, каждому свое (когда-то Сварог помнил, как это будет по-латыни, но потом, как многое, так и не пригодившееся десантному майору и уж тем более таларскому королю, забыл совершенно).

Оказалось, это небольшое куполообразное здание, кремового цвета, покрытое веселенькими узорами из светло-синей керамической плитки. Никаких касс — войдя в парадную дверь, Сварог с Яной оказались в хвосте не столь уж длинной очереди — к чему бывшему советскому человеку было не привыкать, а вот таларский король почувствовал раздражение, но быстро его погасил: что тут поделать, в чужой монастырь со своим уставом не ходят.

Кассирша, белокурая куколка, сидела не за окошечком, а за изящным деревянным столиком, занимавшим половину прохода, возле которого чинно стояли у стеночки два добрых молодца в желтых с синей вышивкой ливреях, больше похожие на вышибал или охранников. Над головой кассирши висела большая вывеска, где синим по розовому сообщалось: «Извините, администрация оставляет за собой право отбора посетителей».

И в самом деле, Сварог быстро подметил: посетителей тут *сортировали.* По какому-то непонятному принципу: те «двое из ларца, одинаковых с лица» не пропустили вполне приличную компанию из трех выпивших лишь самую чуточку туристов, одетых вполне стильно. Сначала кассирша отказалась продавать им билеты, а когда они принялись качать права, выдвинулись оба жлоба, вежливо, но непреклонно что-то растолковав, указывая на вывеску, и компания, ругаясь под нос, удалилась. Зато двух мужчин с двумя довольно вульгарными красотками пропустили без малейшего скрипа, хотя все четверо пьяны были изрядно.

Впрочем, Сварога с Яной пропустили беспрепятственно: куколка, заученно им улыбнувшись, подала два квадратика розовой бумаги, где посреди кудрявых завитушек и букетиков цветов стояли крупные цифры «16», сообщила, что это — номер их стола. И содрала за билет всего-то по сотне ауреев, что по здешним меркам, определил уже малость пообтесавшийся здесь

Сварог, цена вполне божеская.

Они оказались в круглом зале с довольно интересными декорациями: десятка три столиков тройным полумесяцем окружали светло-желтый подиум со знакомым уже по «Жемчужнице» столбом — но не сине-зеленым, как там, а золотистым. Небольшой помост от подиума ведет к нешироким кулисам. Слева — громадные песочные часы меж двух стоек, справа — большой, выше человеческого роста, круг на подставке, разделенный на разноцветные секторы-клинышки с цифрами в широкой части, а на стене над ним — обращенная вниз короткая золотистая стрелка. Походило на обычное заведение «веселых танцев», но к чему тут вся остальная машинерия? Колесо и в самом деле вызывало смутные ассоциации с некой лотереей. Но Сварога заинтересовало даже не оно, а высокое зеркало, протянувшееся над часами, подиумом, кругом. Вроде бы оно тут и ни к чему, если подумать… Сварог показал на него глазами Яне. Она с рассеянным видом коснулась двумя пальцами левой щеки, тут же сообщила:

— Там ложи. Человек десять. Одни мужчины.

Слева что-то легонько проскрежетало — там над столиками раздвинулась казавшаяся монолитной стена, и за ней обнаружился оркестр из дюжины музыкантов, что служило признаком некоторой респектабельности: заведение с «живым» оркестром повыше классом, чем такое же с музыкальным центром.

Свет в зале стал медленно гаснуть, осталось лишь несколько фонариков по углам, так что воцарился полумрак. Зато подиум ярко осветился. Под короткую бравурную увертюру из-за кулис проворно выскочил невысокий толстячок, протрусил на подиум и раскланялся на три стороны. Одет он был определенно по-клоунски, брюки в крупную бело-синюю клетку, пиджак в широких вертикальных красно-желтых полосах, вместо галстука или манишки — пышный зеленый бант. Да и лицо — *резиновое* лицо старого клоуна.

Оркестр *сбацал* нечто напоминавшее туш. Публика сдержанно зааплодировала — видимо, завсегдатаев тут не было, и народ не торопился щедро выплескивать эмоции, еще не зная, что им за их денежки преподнесут.

— Дамы и господа! — воскликнул толстячок, откровенно гримасничая. — Рад вас приветствовать в нашем заведении, где все посвящено двум самым важным в этом мире вещам: красоте и удаче!

Вдоль рядов шустро прорысили официанты, ставя перед каждым посетителем большой пузатый бокал с чем-то

золотистым, искрившимся пузырьками. Сварог пригубил — походило на шампанское, и неплохое.

Толстячок, чуть приплясывая, продолжал:

— Дамы и господа! Не буду вас мучить долгими разговорами, да и моя персона, увы, увы, на *этом* подиуме не доставит никакого удовольствия, что я, как человек самокритичный, прекрасно понимаю. А посему, не теряя времени, перейдем к лотерее!

Оркестр взорвался веселой мелодией, похожей на быструю плясовую. Клоун проворно спрыгнул с подиума, коротким прыжком наподобие балетного оказался у колеса, и, ухватившись за него обеими руками, с большой сноровкой раскрутил как следует, отскочил, встал рядом, картинно скрестив руки на груди.

Колесо завертелось так, что разноцветные клинышки слились в один туманный круг. Медленнее… медленнее… совсем медленно. Остановилось окончательно. Точнехонько напротив стрелки оказался зеленый сектор с цифрой 16. Оркестр вновь исполнил нечто вроде туша.

— И вновь сплелись воедино и красота, и удача! — жизнерадостно завопил клоун. — Шестнадцатый номер! Очаровательная даулетта из-за шестнадцатого столика — и квадранс веселого танца! Поприветствуем и подбодрим, дамы и господа!

Раздались гораздо более оживленные аплодисменты. «Вот так влипли, — ошеломленно-сердито подумал Сварог. — И что теперь прикажете делать? Ну да, все получает объяснение: подиум, песочные часы…»

Он посмотрел на Яну — она выглядела совершенно спокойной, глаза в полумраке поблескивали чуть загадочно. Клоун, в три прыжка оказавшийся у их столика, сказал тихонько:

— Вы, конечно, можете отказаться, даулетта, но тогда вам, согласно правилам, придется немедленно покинуть город вместе с вашим спутником…

Сварог и в полумраке рассмотрел, что глаза у него отнюдь не веселые — цепкие, неприятные. Это не белый клоун и не рыжий клоун — нечто третье, никогда Сварогу в цирке не встречавшееся ни за Земле, ни на Таларе. Словно вместо глаз веселой клоунской маске воткнули два острых осколка битой бутылки…

Он так и не успел принять какое-то решение: Яна наклонилась к нему через неширокий столик и шалым, решительным шепотов спросила:

— Один-единственный раз в жизни… Позволишь?

Неожиданно для себя он кивнул — не исключено, оттого, что так и не смог понять, что же выражают ее глаза. Уж никак не

стремление к вульгарной, развратной забаве, здесь что-то другое, сложнее…

Он остался сидеть, прихлебывая шампанское. Яна шла к подиуму, клоун что-то спросил на ходу, она ответила. Оба поднялись на подиум, и клоун закричал:

— Дамы и господа, очаровательная далетта Миэлла!

Грохнули аплодисменты, заиграл оркестр. Спрыгнув с подиума мимо коротенькой, в три ступеньки, лесенки, клоун сказал что-то, неслышное за музыкой. Яна сбросила туфельки, клоун их проворно подхватил и потащил за ширму, словно хомяк в норку, вернувшись, нажал что-то на одной из стоек, и двойной пузырь песочных часов крутнулся на девяносто градусов, тонюсенькая струйка ярко-желтых песчинок потекла вниз, ударили литавры, Яна, ослепительно улыбаясь, расстегнула вторую пуговицу платья.

Она танцевала грациозно, как всегда, без тени смущения, сверкая улыбкой, посылая в зал игривые взгляды — пополам классической тоголады и импровизации. Золотые волосы летали над плечами, и во всем этом, вот удивительно, не было ни капли вульгарного, пошлого, так что Сварог поневоле залюбовался. Оркестр сначала, это чувствовалось, пытался ее *вести,* но очень быстро стал подлаживаться под ее танец. Какое-то время она откровенно дразнила зал, делая вид, что вот-вот сбросит расстегнутое сверху донизу платье — и сбросила в самый неожиданный момент под всплеск аплодисментов. Поймав платье на лету, клоун и его уволок за ширму.

Сварог смотрел. Самое удивительное, он не чувствовал злости, не сердился ничуть. Какие-то сложные чувства клубились в душе. Может быть, она хотела таким вот образом навсегда *отбросить* некое напоминание о давнем, неприглядном прошлом, освободиться от какого-то гнета на душе. Очень может быть. Но и доля отнюдь не невинной забавы тоже присутствовала — Сварог видел это по ее глазам и улыбке.

Клоун третий раз сбегал за ширму — и еще один раз, последний. Яна танцевала вокруг столба, держась так, словно была здесь одна-одинешенька. Сварог подумал: в конце концов, если он прав, тут все до единого — мертвые, исключая их с Яной, их нет на свете несколько тысячелетий… И вдруг ощутил нешуточный прилив типично мужской гордости: пялтесь, пялтесь, корявые, хоть глаза проглядите — но девушка только моя, так что пускайте слюнки, сколько вам угодно…

Последние песчинки просыпались вниз, оркестр врезал во всю ивановскую и замолк. Яна, обеими руками отбросив волосы за спину, непринужденно раскланялась — лишь щеки чуточку

порозовели — и грациозной походкой удалилась за ширму. Зал исходил овацией.

Из открывшейся неприметной дверцы появилось человек семь, элегантно одетых субъектов и, когда Яна, уже полностью одетая, вышла из-за ширмы, — кинулись, обступили, что-то принялись наперебой втолковывать, совали визитные карточки. Сварог ухмыльнулся, допивая шампанское, — кажется, понимал, в чем там дело.

Яна все карточки приняла — но в ответ на обращенные к ней темпераментные реплики всякий раз с улыбкой качала головой. В конце концов вся кодла отхлынула с разочарованным видом.

Клоун деликатно подхватил Яну под локоток, но повел не к столику, а вновь на подиум. Вскинул руки, прося тишины. Когда она воцарилась, торжественно возгласил:

— Обладательница нашего коронного приза — далетта Миэлла!

Оркестр грянул туш, зрители захлопали. Клоун достал что-то из кармана, Яна, догадавшись, склонила голову — и клоун и надел ей на шею цепочку с овальной подвеской. Галантно подав руку, проводил до столика. Светильники медленно разгорались.

— Лотерея закончена, дамы и господа! — кричал с подиума клоун. — Всего вам наилучшего, и пусть кому-то из дам повезет в другой раз!

Яна, успевшая за ширмой причесаться, смотрела на него с примечательной смесью смущения и вызова. Сварог не собирался ей пенять — значит, так ей было надо. Присмотрелся к «коронному призу»: не такая уж и тонкая цепочка золотого цвета, на ней подвешена крупная раковина, очень похожая на каури. Тронув ее кончиками пальцев, Яна сообщила тихонько, чуть удивленно:

— Ты знаешь, настоящее золото, не такой уж низкой пробы…

— Солидная фирма, — усмехнулся Сварог.

— А почему — раковина?

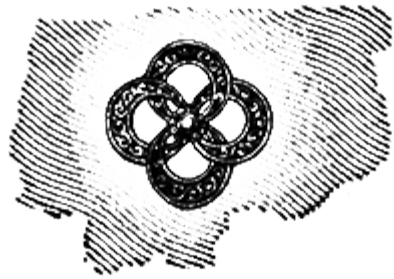
— Ну, так тут, видимо, принято, — пожал он плечами.

Она то ли не читала, то ли подзабыла старинные куртуазные романы, иначе вспомнила бы, что там символизирует раковина.

И уж, конечно, не бывала в притонах, где девиц определенной профессии опознавали как раз по браслетам, увешанным ракушками. Сварог спокойно сказал, вставая:

— Пошли? Уже почти никого не осталось…

Яна поднялась вслед за ним.



Глава VII
В ТИХОМ ОМУТЕ

Оказавшись на улице, Сварог осмотрелся и сказал:

— Пошли-ка вон туда. Уютное местечко, чтобы покурить на дорожку…

Там, слева, ездили взад-вперед машины, но не было ни единого здания — кленовая аллея, где деревья перемежались с причудливо подстриженными кустами и красивыми скамейками. Прохожих почти и не было.

Яна шагала рядом, первое время поглядывала на него чуть настороженно, но вскоре перестала, убедившись, что комментариев и уж тем более легкой выволочки не последует. Они уселись, положив рядом багаж, которым как-то незаметно успели обрасти. Сварог поднес ей огонек зажигалки, сам затянулся со вкусом и сказал:

— Осталось поймать такси и ехать к замку… «Ящик» порушить не забудь. Ну что, самое время подвести итоги? Или ты сказать что-то хочешь?

— Меня там, на подиуме, с двух сторон снимали видеокамеры. Я их *заткнула.*

— Ничего удивительного, все укладывается в стройную картину, — усмехнулся Сварог.

— То есть?

— Выручка у них, если прикинуть, несерьезная, — сказал Сварог. — Даже если учесть, сколько таких заведений и работают они, как сообщает путеводитель, восемнадцать часов в день. По сравнению с игорными домами, хорошими ресторанами и «веселыми танцами» — равно как и сетью борделей, я уверен — сущие пустяки. Значит, тут есть *другой* интерес. Видеозапись танца можно растиражировать и продавать любителям, а отдельные кадры — в виде фото в соответствующие газеты. Вот тут уже совсем другие деньги. Эти типы, как я понимаю, тебя на работу усиленно приглашали?

— Ну да, — весело сказала Яна. — И приличные деньги сулили. Я все визитные карточки сохранила, как-никак тоже трофей, нас любые мелочи должны интересовать…

— Правильно мыслите, рядовой, — сказал Сварог. — Покажи-ка. Так, так, так… Ну да. Три заведения «веселых танцев», три несомненных борделя, похоже, из дорогих… ого! Еще и киностудия «Альмиона» — тоже никаких неясностей. Наверняка не все избранницы удачи оказываются такими благонравными,

как ты. Идеальное место, чтобы присматривать кадры. Теперь-то я понял, в чем их принцип отбора заключался: они попросту не пускали сюда компании без женщин, на кой им такие? И старушенцию какую-то бодренькую завернули… Отбирают красоток, что тут непонятного…

— Как же тогда Кабиния сюда попадала? Целых четыре раза?

— Ну, вероятнее всего, в компании, где были молодые красотки, — сказал Сварог. — А вот никакой «удачи» наверняка и нет. Голову могу прозакладывать: с колесом — чистейшей воды жульничество. Быстренько высматривают самую красивую и останавливают колесо на номере ее столика. На Таларе в иных игорных притонах есть подобные «крутилки», разве что настольные — и там давно насобачились с хитрыми *приспособлениями,* останавливающими стрелку на нужной цифре. А уж здесь-то, где техника повыше… — он посмотрел на цепочку. — Как я понимаю, прибыль идет достаточно жирная, чтобы раскошелиться на настоящее золото — должно окупаться…

— Если хочешь, я ее выброшу, — быстро сказала Яна.

— Да зачем? — пожал плечами Сварог. — Оставь на память. — И широко улыбнулся. — А знаешь, вдруг обнаружилось, что у тебя есть куча профессий, которыми в случае чего можно честно заработать на хлеб без всякого грабежа судостроительных магнатов…

— Да ну тебя! — отмахнулась Яна и спросила вкрадчиво: — А ты ведь не отворачивался? Ясно, что нет…

— Ну, у меня же развито эстетическое чувство…

Яна придвинулась, шепнула на ухо:

— Хочешь, как-нибудь станцую для тебя одного? Одна моя подруга часто танцует для своего… друга. Обоим нравится.

— Имен я у тебя не спрашиваю, — усмехнулся Сварог. — Сам их прекрасно знаю.

Ну конечно, Канилла, кому же еще? Абсолютно в ее стиле.

— Хочешь…

— Хочу, — сказал Сварог. — Что ж душой-то кривить? Ладно, давай о деле. По-моему, операция закончилась удачно. Сделали все, что могли в данных обстоятельствах. Кое-какой плацдарм обеспечили. Еще немного поработать — и можно засылать через Саваджо агентов по стране. Крутить операции посерьезнее. Согласна?

— Абсолютно, командир. Вдобавок…

Она вдруг замолчала, лицо стало чуточку обеспокоенным.

— Что? — встревоженно спросил Сварог.

— Опасность слева, — негромко сказала Яна. — Не особенно и серьезная, пустяк, в общем, но она приближается…

Сварог посмотрел в ту сторону. Слева подплывал длинный роскошный автомобиль, сверкавший темно-вишневым лаком.

— Это?

— Ага.

— Люди или нечто другое?

— Люди, — сказала Яна. — Четверо. Пустяки.

— Если что, гаси их без команды. Пора убираться.

— Есть, командир…

Сварог привычно подобрался, без особых эмоций — бывали в переплетах и похуже…

Машина плавно затормозила напротив лавочки, распахнулись две дверцы, вылезли трое и неторопливо направились к ним. Рослые, крепкие, элегантно одетые ребятки — и *дурная* роскошь определенно присутствует: массивные золотые браслеты и часы, перстни с камнями (какие в родном мире Сварога звали «цыганскими»), в галстучных заколках — безусловно не стекляшки, но камни опять-таки вульгарно крупные. Дурновкусие высокого полета. Что интересно, костюмы, рубашки и галстуки у всех разные, а вот шляпы, все три, совершенно одинаковые: черные с белыми лентами вокруг тульи, поля поуже, чем предписывает здешняя мода… Кого еще черт принес?

Тот, что вылез с сиденья рядом с водителем, остановился перед Сварогом:

— Далер, можно вас на пару слов?

Характерная такая физиономия: наглая, уверенная в себе, украшенная коротким шрамом на скуле. Здешние «ночные портняжки», а? Ну, это даже и несерьезно… Водитель остался за рулем — тоже не сложность…

Сварог спокойно встал и отошел следом за незнакомцем на пару шагов. Встал так, чтобы краешком глаза наблюдать за Яной — один из стоявших над ней что-то тихо говорил, судя по ее лицу, не самые приятные вещи.

— Ну? — просил Сварог.

Он был совершенно спокоен: магии у него не осталось никакой, но никуда не делись ухватки десантного майора из прошлой жизни, отточенные уже здесь тренировками при первой возможности. Так что — не противник. Да и Яна рядом…

— Парень, как у тебя со здравым смыслом? — спросил незнакомец.

— Да вроде не жалуюсь, — сказал Сварог. — Имеется ровно столько, сколько нужно для жизни.

— Вот и ладненько. Чего тогда калиткой хлопать взад-вперед, давай сразу к делу. Понимаешь, хозяин только что был в

«Грации». Очень ему понравилось, как твоя девочка танцует…

— Что за хозяин такой?

Незнакомец небрежно, картинно отвел полу пиджака. Ну да, скучно даже… Под мышкой у него висела коричневая кобура, откуда торчала внушительная рукоять черного пистолета.

— Но ты понял, турист?

— Понял, думается мне, — сказал Сварог.

— Умница… Это *наш* город, усек? Или не веришь?

— Отчего же, — сказал Сварог.

— Ну, ты и вовсе башковитый… Короче, хозяин хочет, чтобы твоя девочка съездила к нему потанцевать и все такое. Отказывать хозяину не принято, иначе что это за хозяин? Однако имей в виду: хозяин строгий, но справедливый, — он извлек пухлый бумажник и выразительно похлопал им по ладони. — Сколько тебе отстегнуть? Тут у меня много… Что притих? Прикидываешь, сколько тебе надо для полного счастья, или ерепениться будешь?

— Я еще не решил, — сказал Сварог.

— Решай побыстрее. А то хозяин у нас справедливый, но строгий. У нас тут порой туристы пропадают, как не было… Ты откуда? — он ловко выдернул из нагрудного пиджака кармана Сварога «карточку гостя». — А, вот ты откуда… Еще лучше. Провинциалов из такой глухомани ищут и вовсе вяленько, точнее говоря, совсем не ищут, если намекнуть кому следует…

— А ваш хозяин, случайно, не просил, чтобы ему Тарина Тареми спела? — спросил Сварог с невинным видом.

— Ты не умничай! — прикрикнул «ночной портной». — Что-то ты слишком умный для Токбалата…

Сварог видел, что собеседника удалось уязвить: здешний «хозяин», очень может быть, и не прочь бы пригласить Тарину Тареми «спеть и все такое», — но у нее должен быть столичный продюсер столь высокого полета, что провинциальных «хозяев» в бараний рог скрутит, не особенно и напрягаясь. И охрана у нее должна быть серьезная…

— Короче, слушай расклад, — сказал бандит. — Хозяин не зверь и честно платит, когда это надо. Сейчас я тебе отслюню, сколько скажешь, потом отвезу в приятное местечко, где будешь развлекаться, как душе угодно за счет заведения. Туда и девочку твою подвезут, куда она денется. Тоже с деньгами в сумочке. Ну, решай в темпе. Обручальных перстеньков я у вас что-то не вижу. А если у вас романтическая любовь или что-то вроде, ты так и скажи, я тебе еще добавлю. Хозяин как раз не любит явных шлюх… Ну?

Краешком глаза Сварог видел, что Яна уже стоит, и один из

«черных шляп», взяв ее за локоть, не грубо, но настойчив подталкивает к распахнутой дверце машины, а второй поигрывает блестящим стилетом, прикрыв его полой пиджака.

— Ну?

— Кота за хвост тяну, — ответил Сварог в рифму.

И ударил — коротко, жестоко, в полную силу. Добавил с левой. С удивленным оханьем и стоном бандит рухнул, как сноп. Сварог нанес ему короткий удар ногой — уже из чистой вредности, там и так все было в порядке.

Развернулся к Яне. Но и там все было в порядке: оба верзилы механическим шагом заводных игрушек прошли к скамейке, уселись бок о бок и, откинув головы на выгнутую спинку, закрыли глаза. От машины той же деревянной походкой к ним шел водитель. Ушибленный Сварогом вдруг задергался, словно его поднимали на невидимых веревках, и, не открывая глаз, явно все еще пребывая в бессознательном состоянии, кое-как утвердился на ногах, вовсе уж дерганой, вихляющейся походкой добрался до скамейки, где и успокоился рядом с дружками.

Сварог быстро огляделся. Машин проезжало мало, а прохожих не было вовсе. Они двое и мирно спящая на скамейке четверка — картина, конечно, не из обычных, но и не столь уж поразительная, чтобы заставить кого-то забеспокоиться и звонить в полицию. Вообще, где бы ни происходило дело, в чужие сцены из ночной жизни благоразумные люди стараются не вмешиваться, особенно в насквозь непонятные. Ну, а если проедет полиция… Вряд ли наглец преувеличивал: у таких вот «хозяев» и в полиции все схвачено. И все равно, самое время убираться…

— Ну, ты как? — спросил он.

Яна с улыбкой пожала плечами:

— Ерунда. Все равно, что тебе кошку ногой пнуть. Поехали отсюда?

— Поехали, — сказал Сварог. — Вещички сложи на заднее сиденье.

Он приоткрыл водительскую дверцу, заглянул: ага, ключ зажигания на месте. Подумав, вернулся к скамейке, снял шляпу со своего незадачливого собеседника и без малейшей брезгливости надел — это, несомненно, нечто вроде мундира у военных, дополнительный штрих к картине, да и номера наверняка «с фокусом», знаем мы эти штучки…

Яна уже уложила вещи и сидела в машине. Сев за руль, Сварог наклонился и открыл бардачок. Там лежал еще один солидный черный пистолет. Без колебаний Сварог распахнул дверцу и закинул его под машину — а на кой он нужен? Включил зажигание и под тихий мерный рокот мощного мотора двинулся с

места, свернул направо и поехал себе, не торопясь. Здешних правил движения он не знал, но вряд ли они так уж особенно отличались от тех, что остались на покинутой им Земле. За все время, что они здесь пробыли, он ни разу не видел, чтобы полицейские тормозили машины. Денег хватит на тысячу штрафов, к тому же — черная шляпа с белой лентой и, как уже думалось, не исключены номера с фокусом… Сойдет. Не такой уж и долгий путь предстоит. Вот только…

Увидев подходящее местечко — такую же тихую аллею с причудливо подстриженными кустами и скамейками, только липовую, — он аккуратно притер машину к тротуару и выключил мотор.

— Что? — спокойно спросила Яна.

Сварог перегнулся к заднему сиденью, полез в пластиковую сумочку из книжного магазина:

— Посмотрю карту. Честно говоря, совершенно не представляю, где мы есть…

Вклеенная в путеводитель карта была не из бумаги, а из тончайшего крепкого пластика. Очень подробная карта: условными значками обозначены практически все указанные в путеводителе «достопримечательности». Что-что, а читать карты он умел…

— Так, значит… — бормотал он под нос. — Вот это — «Грация», та самая, под номером четырнадцать, это та самая аллея… Мы стало быть, вот здесь… Сюда, сюда, а дальше по прямой…

Аккуратно свернул карту и спрятал путеводитель в сумочку. Удовлетворенно сказал:

— Порядок. Поедем как по ниточке. Что ты так смотришь?

— Ты, правда, не сердишься? — спросила Яна, отведя глаза… — За… «Грацию»…

— Ничуть, — сказал Сварог. — Лишь бы ты не вздумала претворять в жизнь другие привычки бабушки Агнеш…

Реакция оказалась неожиданной: Яна подалась к нему, схватила за лацкан и возмущенно воскликнула:

— Никогда больше не смей такого говорить! Я твоя и только твоя!

Она так сверкала синими глазищами, что Сварог почувствовав себя виноватым. Удивительные все же существа женщины: поозорничают не по-детски, а потом как-то так незаметно оказывается, что ты сам и виноват…

— Не буду, — сказал Сварог. И, вспомнив о том конверте, подумал, что последнее слово все же останется за ним…

Отпустив его лацкан, Яна откинулась на спинку широкого

кожаного кресла, не отрывая от него головы, повернула к нему лицо. На губах играла легкая лукавая улыбка:

— Если еще раз такое услышу, если ты во мне засомневаешься… Сошлю на Сильвану.

— Твое право, — сказал Сварог. — Только, я тебя умоляю, непременно в Гурган. Говорят, там самые красивые девушки на Сильване.

— Вот потому и будет тебе не Гурган, а Баланайские острова.

— А что там? — с любопытством спросил Сварог.

— Жуткая дыра, — сказала Яна. — Я там из любопытства была один раз — посмотреть, как разделывают кита. Несколько убогих деревушек, рыбаки и китоловы — примитивный народец, жены-толстухи, дочки какие-то корявые… — и добавила язвительно: — Говорят, там самые некрасивые на Сильване девушки.

— Твое право, — повторил Сварог. — А тебе не приходило в голову что я, еще не попав на Сильвану, сумею тебе отомстить полной мерой? Так, что не умру от тоски и среди баланайских девушек?

— Это как? — с любопытством спросила Яна.

— Элементарно, — сказал Сварог. — Тебе, чтобы добраться до своей Большой печати, придется лететь в Келл Инир, а мои, в том числе и хелльстадская, в Латеранском дворце. Пока ты долетишь, будут готовы и припечатаны два указа. Одним я тебя лишу титула королевы Хелльстада, а вторым с тобой разведусь. И потеряешь ты корону и митру, которыми пугаешь придворную шушеру в Келл Инире…

Поддерживая игру, Яна самым серьезным тоном спросила:

— А это будет законно?

— Ну, вообще-то вряд ли, — подумав, сказал Сварог. — Точно прописанных законов у меня в Хелльстаде на сей счет нет. Но плохо ты знаешь моих орлов из тайной полиции. Они задним числом в два счета состряпают что-нибудь чертовски убедительное: ну, скажем, ты хотела продать Хелльстад какому-нибудь Вольному Манору, предварительно распродав поштучно глорхов снольдерским и лоранским зоопаркам… Уж они придумают.

Яна вздохнула с наигранной печалью:

— Мать-Земля, за каким низким интриганом я оказалась замужем…

— Ты первая начала, — сказал Сварог. — Сошлет она на Сильвану да вдобавок на Баланайские острова…

— Я больше не буду, — сказала Яна.

Улыбаясь, медленно закрыла глаза. Сварог потянулся к ней.

Недолгие взаимные угрозы закончились поцелуем. Авторы исторических хроник обычно не посвящены в такие детали…

Внезапно Сварог сразу почувствовал, что-то резко изменилось. Яна словно одеревенела в его объятиях, воздух будто сгустился вокруг, стал каким-то неприятным на вкус.

Сварог отодвинулся. Яна сидела на краешке сиденья, напряженная, прямая, как деревянный уард в лавке торговца сукном.

— Что? — тихонько спросил Сварог.

Она медленно повернула голову. Глаза были какие-то странные, на лицо наползала бледность.

— Нужно побыстрее уезжать, — сказал она каким-то жестяным голосом. — Меня кто-то ищет… или *что-то.* Я не могу объяснить словами, нет таких слов… Словно сверху упал сильный луч прожектора и шарит по окрестностям…

— Оно тебя нащупало? — быстро спросил Сварог.

— Пока нет. Но старательно ищет…

Не раздумывая, Сварог рванул машину с места и уверенно погнал к выезду из города. «Доигрались, — смятенно подумал он. — Сколько раз она пускала в ход Древний Ветер? Значит, здесь и такие вещи кто-то отслеживает, не зря же в правилах поведения для туристов упоминался некий Огненный Шатер. Может быть, это и не инквизиция в ее классическом виде — каковой, положа руку на сердце, и является Сварогова Багряная Палата. Все-таки общество довольно развитое, в новостях о деятельности какой бы то ни было церкви не упоминалось ни разу. Секретная военная лаборатория, старательно отлавливающая людей с магическими способностями и использующая их в своих целях? Коли уж на Таларе тайная полиция до такого давным-давно додумалась… Такая лаборатория, пожалуй, будет похуже инквизиции…»

Близилось к рассвету, ночная жизнь города утихала. Автомобилей на улицах осталось совсем мало, и Сварог то и дело превышал дозволенную скорость там, где не видел полицейских машин (не так уж трудно было в первый же час опознать соответствующие знаки — те же цифры, только не в белом круге с красной каймой, а черные в желтом треугольнике вершиной вниз, с черной же каймой, ничего сложного…)

Временами он поглядывал на Яну и с радостью видел, что на ее щеки понемногу возвращается румянец. Она уже сидела, свободно откинувшись на спинку.

— *Потеряло?* — спросил он.

Она кивнула:

— Потеряло. *Шарит* где-то в стороне, уже далеко позади.

Сбилось со следа.

— Тебе так и непонятно, что это такое?

— Непонятно, — сказала Яна. — Одно ясно: это не *другой* Древний Ветер, иначе выглядело бы… А это… Непонятно. Не похоже, что очень уж сильное, просто какое-то… неприятное.

— Учтем и его… — сказал Сварог. — Да, а та четверка? Когда проснутся утром, ничего не будут помнить?

— Не совсем, — сказала Яна с легкой улыбкой. — *Такое* выглядело бы подозрительно: у четырех человек вдруг отшибает память на несколько часов… Они просто будут помнить, что зверски напились в каком-то кабаке, болтались по другим, с кем-то дрались, машину где-то потеряли…

— Молодец, — сказал Сварог.

— Рада стараться, командир, — ответила Яна.

— Ага, вот уже и выезд, — сказал Сварог. — Про ящик помнишь?

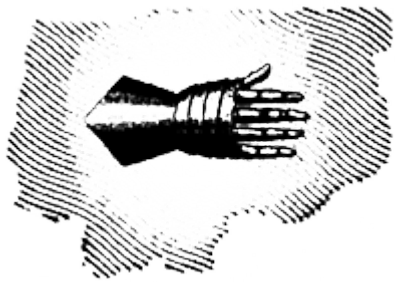
— Конечно.

На выезде, на всех трех полосах, тоже стояли пузатые ящики — ну да, таксист, когда разболтался обо всем на свете, упоминал: если приезжие уезжают за город, им ставят в карточку какой-то штамп, действительный в течение суток. Не обернешься вовремя — придется получать новую (что, в общем, не напряжно).

Сварог исправно сбавил скорость — он так и не уточнил у таксиста, тормозят ли на выезде местные машины, кто же знал что покидать город придется на «собственных» колесах?

Полицейский у ящика на их полосе сделал движение, словно собирался их тормознуть, но в последний момент неуклюже сделал вид, что прохаживается просто так — и отвернулся. Ну да, в свете уличных фонарей прекрасно можно было рассмотреть за лобовым стеклом черную шляпу с белой лентой на голове Сварога — а может, и насчет номеров он догадался правильно.

Оказавшись за городом, он притоптал газ. Оставались сущие пустяки.



Глава VIII
СТЕНА И НОЧНЫЕ КАВАЛЬКАДЫ

В гостинице уже не горело ни одно окно, а у крыльца не осталось ни одного такси. Портье за стойкой даже не посмотрел в их сторону — до сих пор действовало «напутствие» Яны, что до рассвета он их видеть не должен, а про ночной визит вообще забыл. Сварог поставил машину у крыльца, надел свою, извлеченную из пакета, шляпу, кинул черную на заднее сиденье. Подумав, бросил на пол перед пассажирским сиденьем рядом с водителем все полученные Яной визитные карточки — чтобы еще более запутать след. Очухавшись, незадачливые гангстеры начнут вовсю разыскивать свою машину — и наверняка никому об этом не рассказывая, чтобы не стать посмешищем для коллег по ремеслу (ага, те самые, которые нажрались настолько, что неведомо где потеряли роскошную тачку!). И наверняка довольно быстро найдут у гостиницы. И, как любой на их месте, в гостинице и начнут искать следы. Отсюда вытекает, что возможны интересные коллизии: в гостинице обитает народ денежный, столичный, влиятельный, вроде обкраденного судостроительного магната, и, если что не так, сможет местным налить сала за шкуру. И в одном можно быть точно уверенным: вся четверка получит нешуточный втык: вместо того, чтобы четко выполнить поручение, привезти заказанную красотку готовой к употреблению, ни с того ни с сего пустились пьянствовать по кабакам. Ну, вот о ком совершенно не болит душа, так это о них — да и о магнате скорбеть что-то не тянет: не последних денег лишился, для него это семечки…

Прихватив всю свою поклажу, так никем и не замеченные, они пустились в обратный путь знакомой тропинкой. Стало чуть-чуть светлее — небо уже из черного понемногу становилось серым, близился рассвет. Оба невольно ускоряли шаг — как всегда бывает, когда до *дома* остается всего ничего.

Вот и балкон. Взяв в правую руку левую ладонь Сварога, Яна нетерпеливо переступила на месте — и оба взмыли над землей, бесшумными ночными призраками полетели к балкону…

Трах!

Перед глазами у Сварога так и посыпались искры, показалось сначала, что он ослеп. Рядом легонько вскрикнула Яна, но его руки не выпустила — и он, полуоглушенный, чувствуя резкую боль в носу и что-то теплое, ползущее на верхнюю губу, уже понемногу обретя зрение, опустился рядом с ней на покрытую

влажной из-за утренней росы травой землю, откуда только что взлетал…

Присел на траву, мотая головой, пытаясь вернуть себя к реальности полностью. Вернул вроде бы. Хотел включить «ночное зрение», но вовремя вспомнил, что здесь и этого лишен. Однако глаза уже привыкли к полумраку, и он видел, что Яна стоит на коленях рядом с ним, держа у лица, напротив носа, ладонь. Его собственный нос болел неимоверно. Сварог осторожно его потрогал кончиками пальцев: ну да, распух, как слива. Вытер большим пальцем кровь, уже попавшую в рот, на подбородок.

— Как ты? — спросила Яна, отнимая руку от лица. Голос у нее был совершенно нормальный, а вот его собственный прозвучал довольно невнятно:

— Черт знает как… Нос разбил…

— Я тоже, — сказала Яна. — Словно треснулись лицами в невидимое прочнейшее стекло… или силовое поле. Я-то уже себе все залечила… Посиди спокойно. Сейчас все пройдет.

Ее узкая ладошка оказалась напротив его носа. Все лицо обволокло приятное тепло, кожу чуть-чуть покалывало, но не больно. Вскоре Яна отняла руку:

— Ну вот, все…

Он осторожненько попробовал нос, потом, осмелев, помял его сильнее. Нос был как прежний, опухоль прошла, кровь на лице осталась, но больше не текла.

— Препятствие. Невидимое, — сказала Яна. — Что же это такое?

— Представления не имею, — холодея от злости на собственное бессилие, сказал Сварог. — Один раз лазил сюда здешним днем, один — здешней ночью и всегда без всяких преград возвращался.

Он посмотрел на второй балкон, левее. *Дома* за ним располагался один из его кабинетов, а здесь, наверняка — одна из комнат замка-музея, так что и пробовать нечего… Кожу на затылке сводило от непонятности.

— Я попробую еще раз, Древним Ветром, — сказала Яна. — Ты посиди пока, я обязательно за тобой вернусь.

— Да уж, конечно, не бросишь… — проворчал Сварог.

И стал смотреть вверх. Яна поднялась в воздух, стала медленно приближаться с вытянутой рукой к невидимой преграде, и вдруг остановилась, замерла в воздухе так, что стало ясно: на эту самую преграду и наткнулась ладонью.

Какое-то время ничего не происходило: никаких световых или звуковых эффектов, Яна просто *стояла* в воздухе без всякой опоры, все так же упираясь ладонью вытянутой руки во что-то

невидимое, но явно непреодолимое. Продолжалось это довольно долго, в конце концов она подняла и вторую руку. Меж ладонями возникла неширокая полоса бледного зеленого сияния — и тут же погасла.

Яна опустила руки и вернулась к нему.

— Ничего не понимаю, — пожаловалась она, зябко поеживаясь (вряд ли из-за утренней прохлады). — Так не должно быть…

— Не хватает силы это проломить? — осторожно спросил Сварог.

— Если бы… Здесь что-то другое, совершенно непонятное. У меня даже слов нет… — она помолчала. — Совсем другое, совсем… Древний Ветер никуда не пропал, он остается во мне, до последней искорки, я же чувствую. Просто он *не действует.* А такого не должно быть…

Страха в ее голосе пока что не чувствовалось — но там явственно звучало *приближение* страха, что немногим лучше: если страх приближается, он непременно придет…

— Вита, успокойся, — как мог убедительнее сказал Сварог, обнимая ее за плечи и прижимая к себе.

— Да я спокойна… Просто так не должно быть…

— Ничего, — сказал Сварог, — никакой погони нет, ничего страшного не происходит. Будем думать, благо есть испытанное средство активизации умственной деятельности…

Он нашел валявшийся в стороне чемоданчик, открыл его, достал бутылку ликера (ни одна не разбилась, умеют делать тару), распечатал и отпил из горлышка не менее стакана. Когда он опустил руку, Яна забрала у него бутылку, поднесла горлышко к губам. К удивлению Сварога, она не пролила ни капли — правда отпила гораздо меньше. Впрочем, он тут же вспомнил: Яна годами охотилась в Каталауне, давно привыкла пить из фляги…

— Тебе не холодно? — спросил он. — Пиджак наброшу, если…

— Спасибо, не надо, — бледно улыбнулась Яна. — Если станет холодно, я сама сделаю так, что будет тепло… Может, тебе холодно? Я могу…

— Не надо, — сказал Сварог.

Он и в самом деле не ощущал утреннего холодка — наоборот, охватило некое подобие простудного жара. Ему по-прежнему удавалось не допускать в душу ни тоску, ни безнадежность, но они маячили где-то поблизости, не так уж и далеко. *Средства* проломить неведомо откуда взявшуюся преграду он не находил никакого. Мысли поневоле устремлялись в будущее. Нехитрый вопрос: что делать, если это — навсегда?

Ну, предположим, со способностями Яны они не пропадут и здесь неким образом пристроятся в каком-нибудь тихом уголке. Даже если Шторм все же грянет, вполне может оказаться, что Яне по силам обоих и от него защитить. Но посреди чего им придется прожить несколько сотен лет…

А главное, Империя останется без Яны, а его королевства — без него. Думать и прикидывать не хочется, что может начаться… Если в Империи Канцлер наверняка сможет найти какой-то выход и надежно стабилизировать обстановку, то на земле начнется такое, что не приведи Господь. Орава претендентов на опустевшие троны; воспрянут все его нынешние враги, кто нынче сидит тихо, как мышка, сознавая свою слабость оживет старая вражда меж державами, которую он *сгладил,* но за эти несколько лет, разумеется, не мог погасить совершенно. Странная Компания без командира, его юные сподвижники из девятого стола без него…

Он сердито отхлебнул из бутылки, словно надеялся, что это поможет найти выход, — конечно, не помогло нисколечко…

— У тебя есть какие-нибудь мысли? — спросила Яна. — У меня, честно тебе скажу, ни одной толковой…

В ее голосе Сварог с раздражением почувствовал жалобные нотки, слабенькие пока, но тем не менее…

— Знаешь, у меня есть привычка: в тяжелых случаях сидеть и ждать — авось рассосется… Иногда срабатывало. Главное — не паниковать и не терять голову…

— *Всегда* срабатывало? — спросила Яна почти спокойно.

— Ну, не всегда… — сказал он честно. — Подождем рассвета, не так уж и долго осталось. Во множестве случаев, связанных как раз со странным, с первыми лучами солнца многое меняется самым решительным образом…

— Да, я слышала… — сказала Яна, и по голосу чувствовалось, как яростно ей хочется ему верить.

Сварог тем временем думал: два прошлых раза он проникал сюда темной ночью и ночью же возвращался без малейших препятствий, Ну, мало ли что… Может, такой уж день сегодня, такой месяц, не то расположение звезд и положение Семела на небе… В конце концов, преспокойно можно снять номер в гостинице и каждую ночь пытаться снова и снова…

Бутылку они прикончили, однако Сварог не чувствовал себя хмельным да и Яна, сразу видно, тоже: ну да, бывают ситуации, когда пьешь — будто в песок льешь…

Он откупорил вторую: когда небо стадо синим, первые солнечные лучи мазнули по кронам деревьев и балкону, и Яна вновь взмыла в воздух — но вернулась, в очередной раз

наткнувшись на невидимую стену.

«Должен же быть выход?!» — воззвал Сварог неизвестно к кому. Сделал пару добрых глотков, распростерся на земле, раскинул руки, вжимаясь затылком во влажную росистую траву, непонятно чего ожидая и непонятно на что надеясь…

И вдруг вскочил: что-то смутное стало складываться в четкие образы, ясные мысли…

— Что? — вскинула глаза Яна, так и сидевшая на влажной траве (в ее позе уже, что печально, чувствовался первый прилив безнадежности).

Не отвечая, Сварог снял пиджак, чтобы не терять времени, извлекая из всех карманов деньги, аккуратно его свернул в некое подобие скатки, сунул поглубже под самый разлапистый куст. Пошарив по карманам брюк, отправил следом мелочь, здешнюю зажигалку, купленную здесь из любопытства пачку дорогих сигарет. Затолкал туда же чемоданчик с оставшимся ликером, сумку с книгами и журналами, чемоданчик с косметикой. Спросил Яну отрывисто:

— У тебя есть в сумочке что-нибудь *здешнее?*

Она щелкнула позолоченными застежками, заглянула:

— Зажигалка, сигареты… Все здешние бумажки, сдача из косметического салона…

Ничего еще не понимала, но в глазах у нее полыхала надежда.

— Давай сюда, — сказал Сварог и отправил все торопливо поданное следом. — Ах, да…

Снял у нее с шеи дурацкую цепочку с ракушкой, бросил туда же. Крепенько приложился к бутылке и сказал тем жестким голосом, каким опытный командир пресекает зародыш паники в подразделении:

— Давай руку. Попробуем…

Яна прямо-таки схватила его руку, они взмыли в воздух, выставив вперед свободные руки с поднятыми ладонями: Яна — левую, Сварог — правую. Взмыли в воздух… и проплыли меж двумя каменными филинами по сторонам балконных перил, не встретив никакой незримой преграды, опустились на балкон в двух шагах от плотно задернутой портьеры.

Удалось. Как частенько бывает в подобных случаях, Сварог не ощутил ни радости, ни облегчения — одну томительную усталость. Судя по лицу Яны, она испытывала нечто схожее. Нетерпеливо шагнув вперед, он отдернул портьеру с правой стороны, пропустил вперед Яну и вошел в уставленную аппаратурой комнату. Тщательно задернув портьеру, обернулся.

Элкон и Томи, так и оставшись сидеть за своими пультами,

смотрели на них во все глаза. Вообще-то, раз Томи сменила Элкона, он мог уйти отдыхать, но, конечно, не ушел…

Яна устало опустилась с ближайшее кресло, откинула голову на спинку.

— Ну, что вы так таращитесь, сподвижнички? — спросил Сварог с напускным весельем. — Гляди веселей! А, ну…

На верхней губе у Яны явственно виднелась засохшая кровь. Сделав пару шагов и глянув на себя в зеркало, Сварог убедился, что выглядит еще предосудительнее: у него кровь засохла и на усах, и на подбородке. Какие пустяки, если подумать…

— Отставить! — командным тоном прикрикнул он, когда Томи начала подниматься из-за пульта — ни кровинки в лице, глаза на пол-лица. — Сесть! Ничего страшного не произошло!

Подействовало, она опустилась в кресло. Элкон, молодчага, исправно молчал, ничуть не изменившись в лице, — все же прошел кое-какую жизненную школу, серьезнее, чем все остальные, дисциплинированно ждал, когда заговорит командир. «Вышколил я обормота», — с неким подобием отцовской гордости подумал Сварог.

Яна встала, подошла к нему, прильнула к груди, крепко обняв за шею.

— Как тебе пришло в голову? — прошептала она на ухо с нескрываемым восхищением.

— Вспомнил кое-какие старые предания *моего* мира, — так же шепотом, на ухо, ответил он. — Один мореход попал на некий зачарованный остров и прожил там какое-то время. Когда решил все же уплыть, ему не то что не позволили взять с собой ничего, даже мелкого пустячка — заставили тщательнейшим образом отряхнуть с сапог землю острова, до пылиночки… Значит, вот так… Возвращаться можно свободно, а вот взять оттуда ничего нельзя, никакой мелочи, иначе возникнет *стена*… Пожалуй, зря мы заранее запаниковали — этак и Шторм не прорвется…

— Дождь же попадает на балкон с той стороны…

— Дождь — явление природы, — сказал Сварог. — А Шторм, чует мое сердце, к явлениям природы никак не отнесешь… Пошли. Элкон, я сейчас вернусь…

Он вывел Яну в кабинет, где висели два длинных плаща с капюшонами: в них они и пришли сюда из Безымянной комнаты, чтобы ни одна живая душа не видела их диковинной для этого мира одежды. Сам накинул второй. Распахнул дверь в коридор. Барута и еще трое ратагайцев моментально вскочили с мягких скамеек.

— Госпожу сопроводить в мои покои, — распорядился Сварог. — Одному остаться здесь на карауле.

— Слушаю, гусударь, — поклонился Барута.

И сделал почтительный жест, пропуская Яну вперед. К ней (и к Маре тоже) он относился с нескрываемым почтением: пусть и не посвящен в некоторые тонкости, происходившее как нельзя лучше укладывалось в нехитрую жизненную философию степняка — перед ним Женщины Вождя, а следовательно, в отличие от всех прочих особ женского пола заслуживают величайшего почтения. То, что женщин две, нисколечко этой философии не противоречило, наоборот: в большей части Ратагайской Пушты (в каких бы богов ни верил тот или иной ее обитатель) до сих пор сохраняется старинный обычай иметь двух, а то и трех, если в состоянии достойно содержать, жен, и каждая считается законной. Обычай столь древний, что с ним, не в силах справиться, молчаливо смирились и служители всех без исключения богов, и снольдерские короли. Есть все же своя польза от некоторых старинных традиций…

Вернувшись в комнату, Сварог невольно улыбнулся, увидев выражение лица Элкона: парень сгорал от нетерпения, жаждал подробностей — но дисциплина брала верх. Томи не скрывала тех же чувств, но тоже стоически молчала.

Достав из воздуха бокал келимаса, Сварог его осушил одним глоткам, усмехнулся:

— Подробности будут, ребята, потом, когда я немного отдохну. Вообще-то ничего такого уж завлекательного не услышите… Элкон, что Канцлер?

— Велел немедленно доложить, когда вы вернетесь.

— Вот и выполняйте приказ, — сказал Сварог. — Передайте: мы вернулись целыми и невредимыми, собрав немного полезной информации…

Элкон уселся за один из столов, где небольшой компьютер был снабжен серебристой коробочкой шифратора. Проворно застучал по клавишам. Ответ появился на экране через пару минут, так что Сварог успел спокойно выкурить сигарету. Элкон, чуть поиграв клавишами, сказал:

— Канцлер спрашивает: есть ли что-то настолько важное, что не может ждать ни минуты, или доклад можно отложить до завтра? Он там занят чем-то очень серьезным…

— Передайте, что подойдет и до завтра, — сказал Сварог, не раздумывая. И, когда Элкон отправил шифровку, распорядился: — Погасите свет в комнате — там, на той стороне уже день, могут заметить — и ступайте-ка за мной…

Элкон последовал за ним с превеликой готовностью. Томи невольно сделала движение, собираясь встать, но Сварог на ходу погрозил ей пальцем, и она осталась на месте. Они вышли на

балкон со всеми предосторожностями, сначала старательно прислушавшись. Внизу — ни единой живой души. Стояла спокойная утренняя тишина, солнечные лучи крохотными радугами играли на последних каплях росы, видневшихся кое-где в паутине.

— Посмотрите влево, — сказал Сварог. — Видите, там под кустами нечто синее?

— Вижу, командир.

— Завтра с темнотой спуститесь туда, — сказал Сварог, усмехнувшись про себя безудержной радости, появившейся на лице Элкона, не сумевшего ее сдержать. — Возьмете с собой самый быстродействующий сканер, какой найдется в нашей конторе… а еще лучше, если с вами пойдет Родрик с таким же сканером, я потом распоряжусь. Там пакет, в нем лежит книга. Отсканируете ее целиком, с обложкой включительно, — он усмехнулся. — Там лежит еще журнал мод, на нем так и написано, отсканируйте и его и газеты. Третий журнал копировать не стоит. Соблюдать предельную осторожность, чтобы ни одна живая душа там вас не засекла. Группа прикрытия у вас будет. Все понятно?

— Так точно, командир! — радостно воскликнул Элкон.

— Тс! — Сварог приложил палец к губам. — Еще услышат внизу. Какая-нибудь ранняя или, наоборот, припозднившаяся влюбленная парочка, они сюда забредают… Вот что еще запомните накрепко; когда закончите, спрячьте все назад. Оттуда не брать ничего, ни единой мелочи. Ничего. Ясно?

— Так точно! — радостным шепотом рявкнул Элкон.

— Вот и отлично, — сказал Сварог. — А я пойду отдохну.

Накинув в кабинете плащ, не набрасывая капюшона, он неторопливо пошел по коридору в Безымянную комнату. Лишних свидетелей не имелось: в его личные покои в этом крыле дворца вел один-единственный коридор, который при необходимости (как сейчас) перекрывался охраной. Ну, а тем телохранителям, сыщикам и гвардейцам (не говоря уж о ратагайцах), что дежурили по это сторону «кордона», не полагалось удивляться никому и ничему. Ага, вот он, Юл Качер, новоиспеченный агент первого разряда и будущий зять солидного пивовара, прохаживается с таким видом, словно никакого короля и не видит — службу знает…

…Обстановка в малой спальне, примыкавшей к Безымянной комнате, была, честное слово, исполнена семейного уюта: Яна в атласном домашнем халатике, с заплетенной наполовину косой, лежала на застеленной постели, с блаженно-бездумным выражением лица смотрела в потолок. Сварог курил в кресле,

временами поглядывая на Яну. Она выглядела такой безмятежной, милой и домашней, что жаль было нарушать идиллию — но ничего не поделаешь, придется устроить легонькую моральную экзекуцию, чтобы не откладывать все на потом, а одним махом с ним покончить… Чтобы никаких неясностей не осталось. Он, правда, ломал голову, как перейти к делу.

Яна, сама того не ведая, облегчила ему задачу: бросив на него мимолетный взгляд, присмотрелась внимательнее, спросила:

— Ничего не случилось? У тебя лицо… В общем, оно таким бывает, когда что-нибудь случается…

Умница, успела неплохо его изучить. Ну что же…

— Отдохнула, я вижу? — сказал Сварог. — Вечер, конечно, на дворе, но спать ложиться еще рано, самое время поговорить о некоторых деталях морального облика моей молодой супруги.

Яна чуть приподняла брови:

— Ты же говорил, что не будешь сердиться…

— За «Грацию»? — сказал Сварог. — Я и не собираюсь. Речь пойдет совершенно о другом. Сейчас я тебе дам прочитать одну интересную бумагу…

Здесь, в спальне, стоял такой же сейф, как в паре его кабинетов: хрупкий на вид шкафчик, закрытый силовым полем. Сварог еще вчера принес рапорт Качера сюда. Достал конверт, извлек оба листа и протянул Яне:

— Читай внимательно…

Она стала читать — как и следовало ожидать, ничего не подозревая. В какой-то момент ее взгляд вдруг *споткнулся,* она вскинула на Сварога растерянные глаза, прочитала еще несколько строк и покраснела жарко, отчаянно, до кончиков ушей так, что обзавидовался бы любой светофор в Саваджо.

— Читай до конца, — безжалостно сказал Сварог. — Мужа надо слушаться…

Она дочитала, правда, сразу видно, бегло. И сидела на постели, поджав ноги, по-прежнему красная, старательно избегая встречаться с ним взглядом.

— Что же у нас есть? — спросил Сварог голосом прокурора (правда, не самого свирепого). — Лигах в восьмидесяти от Латераны, возле фригольдерской деревни Марлайн, означенный агент увидел ночью на лесной дороге странноватую кавалькаду: девять всадников, обнаженных юношей и девушек, проехавших рысью совершенно беззвучно. Четверых он опознал сразу — там написано почему. Он не знает, конечно, кто вы такие — вы ему известны под теми именами, что носите здесь, во дворце. Но глаз у парня, согласись, острый. А потом я показал ему фотографии

остальных четверых, он и их опознал сразу. Обрати внимание, он вовсе не утверждает, что вы — это вы, пишет просто: «Как две капли воды похожие на…» Толковый сыщик, не строит скороспелых версий и ничего не берется пока что утверждать со всей определенностью… — он помолчал, с легкой усмешкой глядя на пунцовое личико Яны, старательно избегавшей встречаться с ним взглядом. — Элкона там не было. Только в этот раз, или он с вами не ездит?

— Не ездит, — машинально ответила Яна, тихонько ойкнула. — Он это считает примитивным и пошлым развлечением…

— Умный парень, за это и ценю… — сказал Сварог.

— А откуда ты знаешь, что это не в первый раз? Ни один орбитал нас не видит, я так устроила…

— А я и не знал, — ухмыльнулся Сварог. — Сама сказала. Один из самых простых полицейских трюков… Стука копыт не было слышно из-за соответствующих заклинаний?

— Да.

— Может, тебе наколдовать тазик холодной водички и полотенце? Умоешься. А то от твоих щечек прикуривать можно…

— Я сама справлюсь…

— Ну, справляйся, — сказал Сварог. — А я пока тебе расскажу кое-что интересное, о чем ты, пожалуй, и не знаешь… Ты читала что-нибудь Гонтора Корча? Нет? Зря, я тебе как-нибудь дам, весьма интересно… Совсем недавно жил такой книжник — из тех, что увлечены не научными загадками, а всякими занятными случаями и курьезами, как мистического характера, так и самой обычной природы… Видишь ли, когда я прочитал рапорт, по обыкновению позвал Интагара, а он очень быстро меня переадресовал к мэтру Анраху — ну, а тот, не особенно и раздумывая, тут же вспомнил о Гонторе Корче. Совсем молодой, не было и сорока, написать успел немного. Была у него задумка создать трилогию. Первая часть лет пятнадцать как напечатана — «Ночные колеса». Вита, я буду словоохотлив, даже болтлив — такое случается после серьезного нервного напряжения вроде нашего недавнего… «Колеса» — интереснейшая книга, написанная по рассказам ночных извозчиков Равены: и смешные, и грустные житейские истории, загадочные случаи, с *обычным* миром не имеющие ничего общего… Третья, так и оставшаяся не написанной, книга «Ночные паруса», его и сгубила. Поехал в Фиарнолл собирать столь же интересные истории из жизни моряков — и пропал бесследно. Не нашли, как ни искали — как в свое время Гонзака. Видимо, как и Гонзак, наткнулся на что-то, чего не следовало касаться. Тайну Гонзака в свое время раскрыли,

может, и следы Корча отыщутся, — но в любом случае рукопись пропала, бумаг Гонзака и мы ведь так и не нашли… Вот… А вторая книга — вот она. — Сварог взял со стола и показал ей пухлый томик в черной обложке с белым контурным рисунком, представлявшим вереницу всадников. — «Ночные кавалькады». Название придумал не Корч, оно появилось лет двести назад, когда впервые объявились Кавалькады, кто их так назвал, неизвестно, но название прижилось. Гонтар Корч ими занимался два года со свойственными ему прилежанием и цепкостью: изучил историю вопроса, ездил по стране, беседовал со свидетелями, пытался вычислить, нет ли тут какой-нибудь регулярности — с иными привидениями так бывает, в том числе и здесь, во дворце: какие-то определенные дни, расположение звезд и планет, да мало ли… Ничего подобного он не усмотрел, но кое-какие закономерности вывел. Ночные Кавалькады потому так и названы, что появляются исключительно ночью, как правило, в глухих деревушках или маленьких провинциальных городках. От двух-трех человек до пары десятков. Это всегда обнаженные, молодые парни и девушки — правда, порой не такие уж и юные. Стука копыт никогда не слышно. Иногда они едут рысью по большой дороге, иногда, взяв аллюр побыстрее, проносятся через деревни и городки, пугая народ. Вреда не причиняли никогда и никому. Хотя, с какой стороны посмотреть… — он взял со столика лист пожелтевшей бумаги и пробубнил на манер прожженного канцеляриста: — «Означенный крестьянин Дареп Тулор, увидев означенную Ночную Кавалькаду и убегая от нее, в панике свалился в канаву и сломал правую ногу…»

— Мы не знали… — все так же не поднимая глаз, сказала Яна жалобно.

Сварог ухмыльнулся:

— Да ладно, это не о вас. Это рапорт сельского стражника, поданный лет сорок назад, а деревня — в Снольдере… Пойдем дальше. Поскольку за двести лет Ночные Кавалькады не причиняли никому вреда, в конце концов крестьянская молва стала считать их безобидными призраками — тем более что на них не действовало деревенское колдовство, против разнообразной нечистой силы иногда очень эффективное. Ну да, с чего бы ему действовать… Вот еще интересная деталь: обычно кони Ночной Кавалькады — в великолепной, прямо-таки роскошной сбруе — а вот ваша, как опять-таки отметил зоркоглазый сыщик, ехала на неоседланных лошадях, без уздечек… — Сварог с любопытством присмотрелся: — Ага… Виноватость все еще присутствует, но ты уже не такая красная, от

тебя уже не прикуришь… — Он фыркнул. — Ладно, я ничему особенно не удивляюсь, но вот Аурика, известная скромница… Ее-то как втянули?

Яна на миг подняла глаза:

— Она просто не смогла отстать от других, как прежде… Вообще, я все это придумала и Аури уговорила…

Сварог улыбнулся:

— Полицейский в таких случаях грохает кулаком по столу и орет: «Крутишь-вертишь, зараза!» А то и без лишних слов бьет в ухо. Но мы-то люди воспитанные, по крайней мере ты — меня, признаюсь, и не воспитывали особенно… Вита, врешь. Ручаться могу: во всех случаях, когда ты говоришь «я», звучать это должно несколько иначе: «Мы с Каниллой». Канилла Дегро во всех проказах вашей компании, начиная с детства, всегда была то одной из заводил наравне с тобой, то главной. Есть большущее досье о ваших проказах, если ты не знала. Мои специалисты его в свое время выдернули из не особенно секретного архива министерства двора, я пробежал ради любопытства.

Яна на миг вскинула глаза:

— Ну и что? Там нет ничего непристойного или плохого.

— Согласен, — сказал Сварог. — В общем, безобидные проказы, иные оригинально задуманы и с блеском проведены, тут опять-таки прослеживаются ваши с Каниллой старания… Но вот Ночные Кавалькады… Как, по-твоему, мне нравится, что моя жена скачет голышом по ночам, пугая мирных обывателей? Ну?

— Я думаю, не особенно, — покаянно призналась Яна, не поднимая глаз.

— Мягко сказано, — сказал Сварог.

Она на миг вскинула голову, глаза блеснули лукавством:

— Ну, конечно, отпираться бессмысленно… И все равно, голос у тебя *не такой* уж злой. Не похоже, что собираешься влепить мне подзатыльник.

— А неплохо было бы, — мечтательно сказал Сварог. — Ты бы приняла довольно смиренно, а?

— Пожалуй… Ты имеешь право сердиться…

— Вот именно, — сказал Сварог. — Но есть тут свои нюансы… Я бы, наверное, осерчал гораздо больше, окажись, что вы это первыми придумали, но после того, как я прочитал все, что только нашлось у Анраха и Интагара, осталось стойкое впечатление, что и раньше не было никаких привидений. Что это — старое развлечение ларов. Это вас в некоторой степени оправдывает, но не полностью. Посмотри мне, наконец, в глаза, не съем. Что, я прав?

Яна подняла голову:

— Прав… Эту забаву лет двести назад придумала императрица Агнеш, до замужества, конечно…

— Ну да, следовало ожидать, — сказал Сварог. — Твоя бабушка в молодости, уж прости, была большой проказницей… впрочем, насколько я знаю, бабушка Каниллы — тоже. Интересные гены вам обеим достались… Ну, дальше?

— С ее легкой руки это развлечение вошло в моду, — сказала Яна, на сей раз стараясь не отводить глаз. — И до сих пор остается в моде, главным образом среди молодежи и семейных пар помоложе, но иногда и люди постарше забавляются. Между прочим, барон Клегг, собравший немало пикантностей в «Там, под облаками», о своих собственных забавах скромно умолчал. А он, среди прочего, однажды ночью в компании трех обнаженных девиц проскакал не где-нибудь — по главной улице Сноля, пуская цветные огни и оставляя цветные дымы…

— Ну, он не выставлял себя моралистом… — сказал Сварог. — А вот интересно, почему в Глане практически ни разу не появлялись Ночные Кавалькады? Лорд Баглю ни о чем подобном и не слыхивал, говорил, было что-то такое очень, очень давно, но быстро пропало…

Яна улыбнулась почти весело:

— Потому что твои гланцы — народ своеобразный. У них быстро появилась своя забава — догнать галопом «призрака» и рубануть палашом по башке. Для лара это столь же опасно, как для обычного человека, вот и перестали туда ездить…

— Да уж, у меня в Глане не забалуешь… — сказал Сварог с законной гордостью за своих подданных. — И сколько раз вот так раскатывали?

— Три… — призналась Яна. — Заслужила три подзатыльника… Но ты ведь не станешь? Я же тебе не изменяла, ничего такого не сделала, просто не удержались, попробовали старинную забаву. Откровенность за откровенность, можно? Как вообще вышло, что этот твой сыщик нас углядел?

— Стечение обстоятельств, — сказал Сварог. — Он, ты сама читала, родом из той деревушки. Родители давно погибли при пожаре, и из родных осталась только тетушка, которую он очень любит и часто к ней в свои вольные недели ездит. Парень молодой, неженатый, вот и пошел ночью с местной красоточкой посмотреть на небесные созвездия и планеты. Благо леса там спокойные, ни зверья, ни разбойников. А тут вы… Девица сомлела, а он в городе пообтесался, да и полицейские рефлексы сработали…

— Тоже не моралист, — заключила Яна.

— А вашу теплую компанию в какой-то степени это

оправдывает? — прищурился Сварог.

— Ну, вообще-то нет… Нас другое оправдывает.

— Интересно, что? — с нешуточным любопытством поинтересовался Сварог.

Яна открыто посмотрела ему в глаза:

— Мы, можно смело сказать, больше ставили научные эксперименты, чем развлекались.

— Ох, какие интересные бывают научные эксперименты, я и не знал…

— Не язви, — сказала Яна. — Послушай лучше. Этот Гонтор Корч все правильно подметил: кони Ночных Кавалькад и в самом деле в роскошной сбруе, при седлах и уздечках. Мы сами в первый раз так выезжали, исключительно для развлечения. А потом мне знакомые молодожены, немногим меня старше, рассказали интересные вещи… Мы проверили, и все подтвердилось. Знаешь, что оказалось? Если скакать во весь опор на неоседланном, неподкованном коне по какой-нибудь широкой равнине, где не видно ни малейших следов человеческой деятельности, очень быстро приходят странные, необычные ощущения… Даже словами не передать. Представляется, что ты сливаться с чем-то непонятным, огромным, благожелательно к тебе настроенным, становишься его частицей, летишь по каким-то словно бы призрачным *другим* местам, порой над вершинами гор, над необозримым морем… И ни малейшего страха, наоборот, так покойно и приятно, что словами не опишешь…

Ее щеки вновь зарумянились, но на сей раз, похоже, не от стыда, взгляд затуманился, она продолжала завороженно:

— То взлетаешь в неимоверные выси, словно паришь над всей Вселенной, то несешься вниз, в какие-то глубины — и они вовсе не пугают… огонь и тьма, ветер и шквал… Все остальные тоже это чувствуют, только слабее…

Сварог слушал внимательно и очень серьезно. Потому что то, о чем она говорила, весьма походило на те ощущения, что он сам испытал в Глане, когда голым распростерся на вершине Холма, чтобы, как думал и он сам, и старые «хранительницы земли», выполнить рутинный обряд — и неожиданно *обнялся* с Матушкой-Землей по-настоящему…

— На *любой* равнине? — спросил он, когда Яна замолчала.

— Похоже, на любой, — сказала Яна. — Мы дважды пробовали на разных, а те мои знакомые трижды на разных. Всегда одно и то же, все описывают одинаково. Я так и не поняла, что это такое, но оно существует. Главное: чтобы на тебе не было и ниточки, а конь — не подкован. Ничего, сделанного человеческими руками. Вот возьми и сам попробуй!

— А ведь попробую… — сказал Сварог.

— Только ничего не говори им… в девятом столе. Им будет очень неудобно… Они тебя всерьез уважают…

— Неудобно? Кому как… — проворчал Сварог. — Думается мне, что Канилла великолепно изобразит мнимое раскаяние, и только… Ладно, не скажу… экспериментаторы.

Помолчав, Яна настороженно спросила:

— Запретишь?

Подумав, Сварог сказал:

— Пожалуй, нет. Продолжай вы простые развлечения в старинном стиле, запретил бы точно, но тут, и в самом деле, что-то интересное. Экспериментируйте уж. Я с вами, конечно, не поеду — все, кроме тебя, мои подчиненные, не стоит ронять авторитет командира. Но попробую…

Яна спрыгнула с постели, подбежала к нему и расцеловала. Сообщила:

— Ты у меня чудо!

— Только сейчас заметила? — усмехнулся Сварог. — По большому счету, я…

Он замолчал и повернул голову: на столе размеренно мигала синяя лампочка. Еще, конечно, не настала пора отхода ко сну, но статс-секретарь не стал бы его беспокоить так поздно без особой необходимости.

— Пойдешь? — спросила Яна, прекрасно знавшая, что означает мигание этой лампочки.

— Конечно, — сказал Сварог, вставая. — Королевская обязанность, сама понимаешь. Статс-секретарь у меня не из шутников…

«Только бы не случилось ничего скверного, — думал он, шагая к двери и на ходу застегивая камзол. — Такое спокойное и безмятежное настроение пришло, жаль, если его испортят очередной тягостной государственной необходимостью…»

Однако вернулся он, улыбаясь. Сказал весело:

— Там прилетела Мара, без всякого предупреждения — ну, это у нее в обычае. На ночь глядя, но все равно… Статс-секретарь говорит, она ничуть не выглядит встревоженной или озабоченной. Я ее приму? Уже распорядился быстренько собрать легкий ужин в Безымянной комнате.

— *Мы* ее примем, — сказала Яна. — Давно собираюсь с ней подружиться, и все как-то некогда…

«И, слава богу, — в который уж раз подумал Сварог. — Ничего в этом страшного нет, но только их тесной дружбы не хватало… Две твоих женщины, которые тебя неплохо знают и ничуть не ревнуют друг к дружке, будут устраивать девичьи

посиделки… Непривычная какая-то ситуация».

— Как ты думаешь, Мара не обидится на нарушение этикета, если я останусь в халатике?

Сварог фыркнул:

— Вот уж кому плевать на все и всяческие этикеты, так это Маре…

— Тогда пошли?

Мара и в самом деле не выглядела ни озабоченной, ни встревоженной. Сидела за столиком в Безымянной комнате, смакуя келимас «Старый дуб». Поприветствовав их, сказала печально:

— Везет вам. Что здесь, что в Хелльстаде — великолепные винные погреба. А у меня на Сегуре оказалось такое убожество — стыдно гостей приглашать. Я, конечно, пытаюсь положение исправить, но пока наладится…

— И молчала, — укорил Сварог, наливая немного и Яне, и себе. — Сказала бы раньше, я бы тебе давно помог.

— И я, — сказала Яна. — От всей души.

— Ну, уж нет, — решительно сказала Мара, прямо сверкнув синими глазами из-под рыжей челки. — Выступать в роли просительницы? Я как-никак королева, и после взятия Дике — не такая уж кукольная. Сама справлюсь. И вот тогда вас в гости приглашу.

Сварог уже видел, что она в отличном настроении. Но все же спросил:

— Ничего не случилось?

— Да что может случиться? — пожала плечами Мара. — Такая скука… Даже завоевать нечего. Вокруг, куда ни глянь — твои острова. А те необитаемые, что никому не принадлежат — маленькие и скучные, никакой славы не принесут. Захватить, что ли, Сегур? Исключительно для того, чтобы натянуть нос этой стервочке Лавинии?

«А ведь не такая уж взбалмошная идея, — подумал Сварог. — Лавиния и в самом деле будет в ярости, так просто не оставит — а у меня военные флоты давно скучают без хорошей драки… С другой стороны, с давних пор Стагар пользуется этакой мрачной славой, как опасное обиталище морских колдунов, которых там и в самом деле хватает… но она, в общем, ничем реальным не подтверждена, кроме старых поверий. В общем, стоит подумать…»

Яна засмеялась:

— Мне, как императрице, такие вещи слышать как бы и не пристало… Но я ничего не слышала.

Мара непринужденно сказала Сварогу:

— Чудесная женщина тебе досталась, а ты наверняка не ценишь, дубина…

— Он мне сегодня подзатыльник дать хотел, — пожаловалась Яна с лукавинкой в глазах.

— От него и не того можно ждать… — сказала Мара.

— За дело, — уточнил Сварог.

— Вздор, — уверенно сказала Мара. — Наверняка сам что-нибудь дурацкое придумал, — повернулась к Яне: — Моя старшая венценосная сестра, разве у вас ноготков нет? Держите его в строгости, а главное — вовремя хватайте за шиворот, когда он попытается ушмыгнуть очередной подвиг совершать — есть у него такая дурная привычка…

«Споются, чертовки, — не без грусти подумал Сварог, глядя, как они смешливо переглядываются. — И нигде от них не спрячешься, даже в Хелльстаде…»

— Послушайте, — сказала Мара, — у вас послезавтра нет никаких серьезных государственных дел?

— Вроде не намечается, — сказал Сварог.

— И у меня тоже, — сказала Яна.

— Это просто прекрасно, — энергично отреагировала Мара. — Ваши государственные дела не чета моим скромным, и потому вы, ручаться могу, забыли, что будет послезавтра? — оглядела их с улыбочкой… — Судя по лицам, забыли…

Яна чуть пожала плечами. Сварог сказал:

— Ну, напомни.

— Да у вас же послезавтра полгода со дня венчания! — выпалила Мара не без превосходства. — И забыли… Это ведь классическая «кружевная свадьба», ее отмечать полагается. Даже в самом что ни на есть крестьянском захолустье. Вот у меня и появилась идея… Никакого шумного застолья. Соберем только Странную Компанию — сто лет не сиживали по-свойски. Собрать их просто — я пошлю виману… Как вам идея?

Сварог с Яной переглянулись, и Сварог сказал:

— Действительно, сто лет не собирались…

— Ну, а я давно хотела посидеть со Странной Компанией, — призналась Яна.

— К тому же это будет не просто пьянка, а «кружевная свадьба», — значительно подняла палец Мара. — Значит, согласны? Вызови какого-нибудь лакея, у тебя наверняка есть звонок…

Усмехнувшись, Сварог тронул золотой шпенек на краю столика. В комнате моментально появился лакей со сложным золотым плетением на рукаве синей раззолоченной ливреи пониже левого плеча, означавшим, что он состоит не просто при

дворе, а при личных королевских покоях. Мара небрежно бросила:

— Позовите моего адъютанта. Он там, в коридоре, в сиреневом мундире, лейтенант.

Лакей вопросительно вперился на Сварога. Тот молча кивнул. Лакей улетучился, и вскоре появился подтянутый, в зеркально сверкающих сапогах офицер с лейтенантскими золотыми лавровыми листьями на мундире. Вытянулся в струнку, поедая глазами всех присутствующих.

Мара тоном строгого генерала распорядилась:

— План «Звезда» — к немедленному исполнению.

— Слушаюсь, моя королева! — рявкнул лейтенант, безукоризненно четко повернулся через левое плечо, приставил ногу и парадным шагом удалился в коридор.

— Ну вот, — сказала Мара, — сейчас полетит самолет собирать Странную Компанию… ну, то есть вимана в виде самолета, но кто отличит?

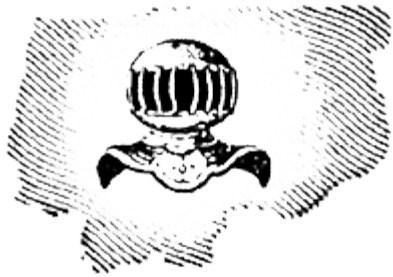
— Хорошо ты их вымуштровала, — покачал головой Сварог.

— Как толковой королеве и полагается, — сказала Мара. — Одна беда: влюбился в меня по уши, болван, стишки сочиняет, печальные баллады под Асверуса пробует кропать, однажды даже записку подбросил. Но я его предупредила: если еще раз попробует или будет пялиться влюбленно, или вздыхать, как больной бегемот, уши отрежу. Так-то он дельный и исполнительный, главное — в руках держать…

— А вы ведь отрежете, моя младшая сестра… — смеясь, сказал Яна. — Всерьез…

— Безусловно, — заверила Мара.

И с намеком покосилась на едва початую бутылку «Старого дуба».



Глава IX
КРУЖЕВНАЯ СВАДЬБА С СЮРПРИЗАМИ

Звенели струны сразу двух виолонов — в руках Шедариса и Леверлина. Сварог тоже мог сыграть, не вызывая у слушателей желания дать ему виолоном по голове, — но решил с этими двумя не соревноваться.

— Семеро нас было,
было нас немало.
Глупый нам однажды
отдали приказ,
одного не стало, будто не бывало —
и шестеро осталось нас…
Шестеро нас было,
было нас немало.
Дельный получили мы приказ.
Одного не стало, как и не бывало,
и пятеро осталось нас…
Пятеро нас было,
было нас немало.
Нам пришлось скрестить
мечи с дубьем.
Одного не стало, как вовсе не бывало,
вот мы и остались вчетвером…

Давно известно: одну и ту же песню, пусть и грустного содержания, можно петь и как печальную балладу, и как бравурный военный марш. Смотря по обстоятельствам. Сейчас не было ровным счетом никаких оснований для печали, наоборот, и музыканты играли *браво.* И пели браво.

Четверо нас было,
что не так уж мало.
За дурное дело
биться понесло.
Одного не стало, будто не бывало,
трое нас живыми только и ушло…
Трое нас осталось,
пожалуй, что и мало.

На святое дело
собрались в тот раз.
Одного не стало, словно не бывало,
и двое лишь осталось нас…

Это была старинная, одна из самых любимых песен Вольных Топоров. Все остальные старательно подтягивали Шедарису с Леверлином. Конечно, выходило у каждого по-своему. Мара и Тетка Чари петь умели, Сварог, в общем, тоже не ударил лицом в грязь. Бони с Паколетом, давно известно, медведь на ухо наступил, — но они старательно возмещали недостаток мастерства усердием и глоткой.

Двое нас осталось,
нас осталось мало.
Вышли против черта самого.
Одного не стало, как и не бывало,
остался я один всего…
Я один остался,
а мне и горя мало.
За кого рубился,
уж не помню сам.
И меня не стало, как вовсе не бывало,
лишь песенка осталась вам…

Одна Яна не подтягивала, сидела молча — что ее, по глазам видно, заставило самую чуточку взгрустнуть. У нее был хороший голос, и пела она неплохо, но слов «Семерых сорвиголов» не знала. Но все равно ей было весело, она сидела во главе стола, рядом со Сварогом, в роскошном и затейливом вишневого цвета платье, открывавшем точеные плечи, с золотистым кружевным бантом, приколотым справа. У Сварога пониже правого плеча тоже красовался такой — как и полагалось на «кружевной свадьбе».

Отзвучали последние аккорды, зазвенели золотые чарки с хелльстадским гербом Сварога. Он смотрел на бравых сподвижников, на душе было тепло и покойно — ничего не осталось от потрепанных, запыленных бродяг, когда-то пробиравшихся в совершенную неизвестность, к хелльстадской границе. Таларская королева, король из Вольных Маноров, граф, маркиз и дважды барон Паколет, все остальные — благородные титулованные дворяне, успешные, веселые. Все, в том числе и Сварог, в парадных мундирах гвардейской гран-алы, которой

командовал он сам, при имперских и таларских орденах.

И в голове неведомо с какого перепугу вдруг пронеслась мысль: видела бы его сейчас бывшая жена… Впервые за все годы, что прожил здесь, эта мысль навестила. Ни малейшего злорадства он не ощущал, лишь легкое удовлетворение. Возможно, он и чуть позлорадствовал бы — все мы люди, все человеки — останься он на Земле, разойдись с ней и, скажем, выбейся в полковники, получи полк. А так… *Слишком* высоко он поднялся, чтобы всерьез злорадствовать над дешевой шлюхой. Забыл не только ее лицо, но и имя — он многое забыл, немало помаленьку вымывалось из сознания, потому что возврата к нему не было, его миром на всю оставшуюся жизнь был один, этот…

Все ничуточки не изменились — мушкетеры встречались не двадцать лет спустя и даже не десять, всего-то полгода прошло с тех пор, как Странная Компания гуляла на свадьбе Сварога и Яны, и было что вспомнить. Никто не считает мелочей вроде взятия Дике (в котором участвовали только трое из шести), того, как Мара почистила Пограничье от разбойников, а потом вместе с Шедарисом едва ли не начисто извела в Ямурлаке тамошнюю нечисть. Кто бы такие мелочи считал, когда за спиной три серьезнейших и опаснейших дела, где все до одного могли потерять головы, — операция в Равене, закончившаяся уничтожением Глаз Сатаны, рейд в Море Мрака и Токеранг…

Бони с прежним крестьянским старанием округлял и приращивал доставшуюся ему землицу: был теперь властителем уже восьми Вольных Маноров и собирался обзавестись девятым. Самое последнее его приобретение граничило с королевством Шотер, тем самым, чей король на свадьбе у Сварога распихал по карманам немало золотой утвари. На сей раз дело было не в здоровых крестьянских рефлексах — Бони всерьез решил стать королем королей, пусть и Вольных Маноров. Его армия уже без особых боев продвигалась по означенному королевству — и король Тейл, как докладывала разведка Сварога, на свое будущее смотрел пессимистически и силы свои оценивал трезво: уже отправил за границу обоз с казной, сбережениями и драгоценностями и готовился со всем семейством и немногими согласившимся сопровождать его приближенными отправиться следом.

Паколет носил четыре дворянских титула по тем же причинам, что и Бони свои — к некоторому удивлению Сварога, он всерьез принялся воевать соседей, занял два соседних Манора и нацелился на третий. Конечно, полководец из него, как из Шедариса балерина, но он обзавелся парочкой нестарых и толковых отставных полковников (не без помощи Гарайлы) и

внушительным отрядом оставшихся не у дел Вольных Топоров (не без помощи Шедариса), так что дело шло гладко. Сварогу он с глазу на глаз признался откровенно: все от скуки, просто так сидеть на троне в Вольном Маноре — тоска смертная, тем более что балов он как-то не любит, охота его не привлекает, а фаворитками почти что и не увлекается. Так что война — все же какое-никакое развлечение.

Сварог всерьез подозревал: если так пойдет, парочка в конце концов, чего доброго, захватит и честно поделит пополам все до одного Вольные Маноры. Изгнанные со своих тронов прежние властители по сложившейся уже практике слали слезные жалобы Сварогу, как Высокому Покровителю Вольных Маноров. Всякий раз Сварог подмахивал давно заготовленный его канцеляристами стандартный текст: он весьма сожалеет, но старинное право ваганума никто не отменял. Отменить его может лишь Виглафский Ковенант, да и то, если соберет три четверти голосов. Новых жалоб, как правило, не поступало — все прекрасно знали расклад, сложившийся в Виглафском Ковенанте. Тем, кто в поисках правды добирался до Диамер-Сонирила, принц отвечал опять-таки стандартно: такими вопросами не занимается ни Канцелярия Земных Дел, ни сама императрица, они находятся в ведении исключительно Виглафского Ковенанта (в чем с точки зрения писаных параграфов был абсолютно прав). Так что Бони с Паколетом продолжали резвиться, один тешил исконную крестьянскую тягу к приращению землицы, второй боролся со скукой… Имелась, конечно, пара-тройка Маноров, где резвая парочка могла столкнуться с серьезным отпором, — но Сварог не сомневался, что они и с этим справятся, очень уж вошли во вкус и приобрели должную сноровку…

Тетка Чари и Шедарис купили приличный особняк в Латеране, да вдобавок Сварог им отписал имение из королевского домена. Чари из-за крестьянского происхождения, как и Бони, тянуло к земле. В законный брак они так и не вступили — Тетка была привержена церкви Руагату, а Шедарис — Симаргла, и ни один не соглашался проводить обряд по правилам другого. Но им, судя по всему, хорошо и так.

Леверлин давно помирился с отцом, переставшим считать его шалопаем после нескольких имперских орденов и близости ко двору Сварога. Леверлин, закончив полный курс, остался при Ремиденуме «кандидатом факультета» (нечто вроде советского аспиранта) — вот только никто, кроме Сварога и еще пары-тройки человек, не знал, что пишет он не магистерскую диссертацию, а с разрешения Сварога, получив все секретные бумаги, ищет подлинную биографию Асверуса. Книга, конечно, в

ближайшие лет двадцать напечатана для широкого читателя не будет, распространение получит лишь в узком кругу, и за облаками, и на Земле, но Леверлин вовсе не одержим честолюбием и не печалится оттого, что не станет известен как автор очередного сенсационного труда, срывающего покровы с тайн прошлого…

Мара… Ну, земная история ее жизни известна превеликому множеству народа, в том числе и непосвященного. Пользуясь суконным языком советских характеристик — перспективная, растущая королева. А ведь, пожалуй что, и Стагар возьмет, что в первую очередь в интересах самого Сварога…

Шарик в левом кармане его камзола запульсировал так, что это почувствовалось моментально. Никому ничего не объясняя, Сварог встал из-за стола и прошел к двери. За дверью стоял верный статс-секретарь, как обычно, невозмутимый. Подал свернутую трубочкой бумагу и вновь застыл в ожидании распоряжений. Прочитав расшифрованную депешу, Сварог поневоле ухмыльнулся, привычным жестом отпустил секретаря и вошел в комнату, в Рыцарский зал, который он специально выбрал для дружеской пирушки. Быть может, не самое подходящее место, чтобы отмечать юбилей свадьбы, но Сварогу этот зал нравился, Яне тоже, да и Странная Компания себя здесь чувствовала как рыба в воде: рыцарские доспехи в нишах, стены увешаны богатейшими коллекциями оружия разных времен с двух планет, выцветшими знаменами и вексиллумами (трофеи прежних королей, как ронерских, так и снольдерских). Сводчатый потолок, светильники в форме старинных факелов, массивный стол из черного дерева, сделанный нарочито грубовато, с простотой давних рыцарских эпох, такие же кресла — в общем, уютное местечко. Особенно когда за столом не придворные кавалеры и благородные жеманницы, а Странная Компания…

— Тишина! — гавкнул Сварог, и моментально воцарилась тишина. — Всем наполнить чарки, есть хороший тост!

Он не хотел, чтобы под ногами путались лакеи — какие бы они ни были надежные и перепроверенные, вечеринка, можно сказать, домашняя, и лишние уши ни к чему. Тем более кое-что из прозвучавшего уже здесь относилось к событиям, о которых большинство людей на Таларе и представления не имели. Поэтому с самого начала роль виночерпия стал исполнять Паколет. Вот и сейчас он проворно прошелся вокруг стола с большой оплетенной бутылью, наполняя чарки отличным таромайским вином, самую чуточку густоватым, темно-алым с черным отливом.

Все, в том числе и Яна, выжидательно воззрились на Сварога,

а он, взяв свою чарку, остался стоять. Сказал, улыбаясь во весь рот:

— Кто хочет, остается сидеть, но, думаю, все же следует встать. Выпьем за короля королей Вольных Маноров! — и сделал легонькое движение чаркой в сторону Бони.

Загрохотали отодвигаемые тяжелые стулья, встали все, даже Яна, зазвенели чарки, сталкиваясь. Послышались поздравления во всю глотку. Бони со скромным видом раскланивался.

Когда чарки осушили и все уселись, Сварог покачал над столом бумажной трубочкой:

— Только что пришла депеша… Час назад конница его величества без боя заняла столицу Шотера. Король давно бежал, бароны съезжаются выказать почтение новому властелину, хотя его там и нет пока. Бони, я вот одного не пойму… Тут уточняется: король, убегая, выгреб из дворца все ценное, что только умещалось в повозки, а вот корону со скипетром и все Королевские Печати оставил на прежнем месте… Странно это чуточку… А?

— Да ничего странного, — сказал Бони с хитроватым крестьянским видом. — Еще до того, как мои сорвиголовы поскакали через границу, я ему отправил письмо с гонцом. Сам писал, выучился, а как же, королю положено… В общем, я его предупредил: если только, когда будет удирать, прихватит регалии и королевские печати — под землей найду и самолично… — он сконфуженно осекся, покосился на Яну. — Короче, бяку заделаю…

— Дипломат ты у нас, — сказал Сварог под общий смех.

— Ремесло такое, — потупился Бони.

— И вижу я…

Он вновь ощутил вибрацию шарика, подумал с легкой досадой; ну что за вечер сегодня, непременно должно объявиться что-то срочное, не терпящее отлагательств…

— Сейчас вернусь, — сказал он и вышел в коридор.

На сей раз там стоял Интагар, прямо-таки сиявший от радости — хотя при его бульдожьей физиономии ему следовало бы улыбаться пореже. Он и сам это знал, улыбку обычно пускал в ход на допросах как дополнительное средство убеждения (и отлично действовало, между прочим), но и в обычной жизни не всегда мог сдержаться.

— Ну, что там? — спросил Сварог, уже догадываясь, что произошло нечто интересное (и радостное, несомненно, иначе Интагар держался бы совершенно иначе).

Выслушав короткий доклад, Сварог, как не раз бывало в подобных случаях, бурной радости не ощутил — этакую чуть

усталую. Так бывает, когда дело затягивается надолго и успеваешь к успешному финалу перегореть… А поиски шли больше года…

Чуть подумав, он спросил:

— Как он там, хворым не выглядит?

— Ничуть, государь, — сказал Интагар. — Живехонек-здоровехонек, хотя и напуган изрядно, что в его положении не удивительно. Вина просит чуть ли не на коленях…

— Ну, принесите ему, — сказал Сварог. — Бутылочку чего-нибудь полегче, мне он пьяный не нужен. Я приду через несколько часов, когда все закончится, — он кивнул на приотворенную дверь, из-за которой доносились веселый гомон, звон чарок и перебор виолона. — В кои-то веки удалось посидеть со старыми друзьями. Ждали больше года, так что еще несколько часов потерпим.

Интагар склонил голову:

— Слушаю, государь. Можно, я пока легонечко…

— Ну конечно, — сказал Сварог. — Убедите его с помощью вашей неподражаемой улыбки и ласкового обращения, что со мной следует быть полностью откровенным. Ведь крутит легонечко, а?

— Крутит легонечко… Чего-то явно боится.

— Вот и растолкуйте ему, что *здесь* надо бояться в первую очередь меня, а потом уж всего остального… Идите.

Он вернулся на свое место, и в самом деле не испытывая особенного нетерпения. Однако получилось так, что дожидаться окончания пирушки не пришлось: Яна прошептала на ухо:

— Я бы тут с превеликим удовольствием просидела до утра, раньше ведь не угомонятся?

— Уж это точно, — так же шепотом заверил Сварог.

— Только мне, думаю, лучше уйти, — прошептала Яна не без сожаления. — Я же чувствую, что изрядно их стесняю своим присутствием…

В точку угодила, умница. Не будь ее, давно бы перешли с вина на келимас, и шутки стали бы гораздо вольнее, и песни — фривольнее, и в выражениях можно не стесняться…

Сварог поднял ладонь, и настала тишина.

— Ее величество вынуждена нас покинуть, — сказал он, вставая и подавая Яне руку. — Неотложные государственные дела, сами понимаете, тут двое в королевских коронах да и остальные не дети… Я скоро вернусь.

Яна, обведя всех взглядом, сказала звонко:

— Вы замечательные люди, правда!

Загрохотали стулья — Странная Компания, щелкая

каблуками в лучшем гвардейском стиле, встала навытяжку. Да так и стояла, пока за Яной со Сварогом не закрылась дверь.

— Пошли, — сказал Сварог.

Яна чуть недоуменно пожала плечами:

— Зачем тебе меня провожать? Сама прекрасно дойду, спальня недалеко. Тебе ведь хочется повеселиться с ними всерьез…

— И тем не менее придется отлучиться, — сказал Сварог. — Думаю, и ты с превеликий охотой пойдешь со мной к Интагару. Только «личину» надень, чтобы не было лишних разговоров…

— Случилось что-то? — с любопытством спросила Яна.

— Да нет, в общем, — сказал Сварог. — Просто сцапали наконец брата Юло, как ни прятался по закоулкам…

Глаза Яны распахнулись, что называется, во всю ширь души:

— Того, кто знает, где четвертое Воплощение?

— *Якобы* знает, — уточнил Сварог (вдруг придется разочароваться?). — Идешь?

— Ну конечно!

Вечер был поздний, и придворных уже не было — в коридорах одни лакеи и караульные гвардейцы. Все равно они видели не Яну, а ничем не примечательного гвардейского лейтенанта Зеленых Егерей, незнакомого им, но не вызывавшего никаких недоуменных мыслей, — мало ли по какой надобности гвардеец таковой мог оказаться вечером в королевском дворце?

Охранявшие одну из комнат в отведенной Интагару части дворца сыщики в цивильном, увидев Сварога, вытянулись в струнку.

В небольшой, казенного вида комнате сидели двое: Интагар и как раз наливавший себе вина незнакомец: в потрепанной монашеской рясе, невысокий, плюгавенький, почти совершенно лысый, с незначительным, скучным лицом. Увидев его, Сварог даже почувствовал нечто вроде легкого разочарования: *этого* недомерка плюгавого больше года искали по всему Харуму и агенты восьмого департамента, и все тайные полиции Сварога, и все четыре Братства Единого, и даже братья-рыцари из военных орденов Симаргла, тоже не питавшие любви к Князю Тьмы, — тысячи людей сбивались с ног…

Монах отставил бутылку и уставился на Сварога с почтительным страхом. Сварог, оглядевшись, кивнул Яне на расшатанный канцелярский стул, сам уселся на другой. Достал из воздуха сигарету, прикурил, сказал ворчливо:

— Интагар, вы бы мебелишку обновили, что ли, а то сидишь и не знаешь, когда ножки подломятся… Мало я вам денег выделяю?

— Прослежу лично, — заверил Интагар. — Я не думал, что именно здесь…

— Ладно, — махнул рукой Сварог. — Давайте к делу. Как случилось, что этого субъекта больше года не могли найти? Должны быть веские причины…

— Они и сыскались, государь… — ответил Интагар. — И монахи из Братств, и наши люди, и все прочие искали брата *Юло*… А он уже не один год жил под другим именем… (монашек угодливо покивал). Видите ли… Все как-то забыли про орден братьев парротинов. Самый маленький и захудалый, всего-то три монастыря — в Ронеро, в Снольдере и на Катайр Крофинде. У них одних и принято каждые семь лет принимать новые имена — согласно абзацу в какой-то книге…

— Святой Пригенус, — шелестящим шепотом, явно желая угодить, подсказал монашек. — «О сущности духовной и телесной», глава…

— Это неважно, — сказал ему Сварог. — Продолжайте, Интагар.

— В общем, государь, парротины давным-давно считают, что каждые семь лет телесная сущность человека обновляется полностью — вот и меняют имена. Еретиками их, как мне объяснил брат Кормик из Братства Святого Роха, все же не считают, но относятся без особого расположения, распространения их взгляды не получили, вот и прозябают… Девять лет назад этот вот проказник, состоя в монастыре братьев-синоритов, стянул и пропил несколько серебряных сосудов из монастырской церкви (монашек в ужасе вжал голову в плечи). Ну, быстро выяснилось… Сосуды нашли у трактирщика, выкупили, хотели сначала лишить этого прохвоста сана, но решили не поднимать шума, чтобы не было ущерба для репутации ордена, — у монахов такое тоже случается, не только в обычной жизни… Выставили его за ворота, до конца жизни переведя в странствующие монахи, а все упоминания о нем из монастырских книг вычеркнули. Этот монастырь тоже проверяли, но не было ни строчки о брате Юло… Странствовать до смерти ему не хотелось, он и прибился к парротинам, — Интагар ухмыльнулся. — Во всех прочих орденах проверяют прошлое таких вот гостей, одни парротины, скудные числом, сплошь и рядом принимают кого попало. Через семь лет ему, как у них полагается, переменили имя, так что он уже два года живет как брат Ксантий, а монастырские книги у них запущены и толком не ведутся. Многие братья-парротины выпить не дураки, хотя и не докатываются до такого, как этот вот… Один из них попался нашему агенту в кабачке, помянул мельком об этой истории — наш тут же

доложил, и мы потянули ниточку…

— Что же это вы так, брат Ксантий? — усмехнулся Сварог. — Знаю я иных служителей божьих, что позволяют себе разные… вольности. Все мы — живые люди, даже святой Рох в молодости изрядно покуролесил, но чтобы церковную утварь пропивать…

— Еще лет двести назад на костер бы отправили, — злорадно сказал Интагар. — Мне монахи говорили…

Плюгавый монашек уставился на Сварога с нескрываемым ужасом, явно ожидая для себя самого худшего. Прошелестел, бледнея и потея:

— Ваше величество, черт попутал…

— Ну да, конечно, — кивнул Сварог. — В таких делах всегда черт виноват, а человек — нисколечко… Ну, успокойтесь, брат Ксантий, успокойтесь. Наказывать вас я не собираюсь. Это дело не светское, а церковное, моему суду не подлежит, коли уж вас столько лет назад отпустили с миром, так тому и быть… Налейте себе стакан, если хотите. Интагар, помогите ему, а то он и прольет все, и себя обольет… Да не тряситесь вы так, отец Ксантий, — сказал он мягко. — Наказывать вас никто не собирается, а вот вознаградить по-королевски могу. Выпили? Отлично. Если перестанете трястись как овечий хвост и будете отвечать на мои вопросы толково, велю еще бутылочку принести, да получше, чем этот пиркет для кухонных мужиков… Ну?

Он сам вынул из воздуха бокал с келимасом, сделал так, чтобы второй появился на столике перед Интагаром. Видел краем глаза, что и у Яны в руке появился стакан с вином. Усмехнулся.

— Ну вот, господа мои, как-то незаметно создалась самая непринужденная обстановка… — и сменил тон на более жесткий: — Вот что вы себе накрепко уясните, брат Ксантий… Отвечать на мои вопросы следует незамедлительно и обстоятельно. У меня, как и в любом королевском дворце, сыщутся и подземелья с золотыми, и пыточные. Ну, предположим, в *самом* дворце пыточных нет, но ехать до них недалеко. Да, имейте в виду: я умею безошибочно определять, когда мне врут.

— Я слышал…

— Вот и прекрасно, — сказал Сварог. — Вы когда-то хвастались в кабаке одному моему… знакомому, что знаете, где обитает Воплощение Воздуха, и что оно собой представляет. Даже какие-то карты ему рисовали на первом попавшемся клочке бумаги. Брехали ради угощения или это правда? Отвечайте!

После недолгой паузы монашек решился:

— Тут правда с брехней пополам, ваше величество…

— Подробнее, — сказал Сварог.

— Карту, что уж теперь, я и в самом деле рисовал ради

угощения, — признался монашек. — Ради подкрепления рассказа. Так оно убедительнее. Что оно такое, я знаю… то есть знаю, что говорили отец с дедушкой. Безумный Зодчий. У нас в семье это знание держалось с давних времен, я толком и не знаю, с каких — прапрапрадедушка или кто-то еще постарше… А вот *где*… Я и знаю, и, получается, не знаю…

Самое любопытное, что он нисколечко не врал. Сварог спокойно, без лишнего нажима спросил:

— И как это понимать — знаете, но не знаете? Странновато звучит…

— Да уж… Только так оно и есть.

— У вас в роду все были монахами? — спросил Сварог, чтобы его разговорить.

— Ваше величество, будь все монахами, как бы продолжался род?!

— Да, действительно, — сказал Сварог. — Тут я недодумал… Дальше. Поконкретнее.

— Все у нас в роду были печниками, Медная гильдия, я первым пошел в монахи… («Наверняка в поисках легкой жизни», — подумал Сварог, но перебивать не стал). И с давних пор, так уж исстари повелось, учились грамоте, читали книги, ученые тоже… Я был самый старший сын… Когда вошел в совершеннолетие, отец с дедушкой мне рассказали… И сделали… Извольте посмотреть ваше величество…

Он задрал до плеча просторный рукав потрепанной рясы. Сварог, не вставая (комната была ярко освещена, и разделяла их какая-то тройка уардов), наклонился вперед и присмотрелся к щуплой немытой руке. Там красно-бурой тушью была довольно искусно наколота татуировка: две недлинных строчки, какие-то символы перемежаются с числами. Где-то он подобное уже видел… Но где?

Монашек продолжал:

— И на другой руке тоже есть, и на обеих ногах… Дедушка был человек предусмотрительный, сказал: мало ли что, бывает люди и без рук, и без ног остаются, так уж, чтобы было надежнее… Это — указание на место, где обитает Безумный Зодчий, только я понятия не имею, что за указание и что за место — ни отец, ни дедушка сами не знали, их отцы и дедушки тоже…

— И что со всем этим следовало делать? Какие наставления вам дали?

— Ждать случая, когда появится подходящий человек, который в этом что-нибудь поймет. Все предки всю жизнь так и делали. Кое-кто из них пару раз показывал татуировки ученым книжникам, я тоже, только никто ничего не мог понять… Хотел

как-то пойти к вам, о вас ходили слухи, что вы причастны к смерти двух Воплощений… Но не решился… Прижился как-то в глуши, и уютно там было… Дедушка с отцом говорили, что особо распространяться об этом не следует — могут прознать и заявиться эти не к ночи будь помянуты, и в лучшем случае, унести надписи вместе со шкурой, а в худшем… — он передернулся. — Ну не подвижник я, ваше величество, чего уж там, мне бы тихонечко дожить где-нибудь в уголке… Да и насчет вашей милости — только слухи…

Действительно. Только слухи. Канцлер по каким-то своим соображениям разрешил сообщить *правду* об участи Великого Кракена и Митгард с ее *дружком* только четырем Братствам Единого. Весь остальной мир должен был знать одно: с обоими Воплощениями покончено, и точка. Слухи, конечно, поползли, иные из них связывали как раз со Сварогом смерть не только Кракена, но и гигантских морских змеев — но слухами они и остались, о Свароге ходило немало самых разнообразных слухов, и забавных, и жутковатых, и многие из них не имели ничего общего с реальностью. К некоторым он относился равнодушно, а некоторые тайной полиции было предписано строжайшим образом пресекать — иные не просто портили ему репутацию, откровенно порочили в глазах людей, Интагар давно уже подозревал, что их распускают не просто так, не из одной глупости людской, но доказать пока что ничего не мог… Это историю с Глазами Сатаны Канцлер (опять-таки по неведомым Сварогу соображениям) нисколечко не секретил, наоборот…

— А больше мне и сказать нечего, ваше величество, — сказал монашек, робко потянувшись к бутылке. — Хоть что вы со мной делайте, а сказать больше нечего…

И ведь не врал… Сварог решительно не представлял, о чем его еще спрашивать, все и так как на ладони.

— Писать умеете? — спросил он.

— Как все в роду, государь, грамотен…

— Интагар, — сказал Сварог, — устройте нашего… гостя где-нибудь в отдельной комнатке, под дружеской опекой… — он бросил Интагару многозначительный взгляд, и тот понятливо кивнул. — Кормить, поить… Впрочем, вином пока что не особенно баловать. Дайте бумаги, чернил и стилос, пусть завтра же подробнейшим образом напишет все о своем роде — точнее, о *знаниш,* которым род обладал. Все, что только сможете вспомнить, брат Ксантий. Понятно вам?

— Конечно, конечно…

— Когда напишет все, тогда дадите и вина получше, — продолжал Сварог. — Успокойтесь, брат Ксантий, я кое-что

проверю и, если вы принесли пользу, без награды не останетесь…

Он встал, и за ним поднялась Яна. Интагар самую чуточку растерянно вопросил:

— А… *дальше?*

— А дальше я буду думать, — сказал Сварог. — Всего наилучшего!

Они медленно пошли по коридору. Как обычно в эту пору, половина светильников уже не горела, а телохранителей на постах тоже, как обычно, прибавилось.

— А я ведь вспомнила, где уже видела такие знаки, — сказала Яна тихо.

— Я тоже, — сказал Сварог. — Примерно с помощью такого же кода ты через мой компьютер в Вентордеране улизнула в Заводь с озерным чудовищем. То же сочетание символов и чисел, часть символов схожа… Разве что здесь две строчки, а не одна, но количество символов-чисел то же самое — пятнадцать. Очень похоже, дорога лежит через мой компьютер…

— Очень похоже, — согласилась Яна. — Я, правда, до сих пор не возьму в толк, каким образом те символы попали из Хелльстада в книгу, написанную тысячу лет назад…

— Попали как-то, — сказал Сварог. — А как они попали к предкам этого типа? Помнишь, я тебе рассказывал: кроме мэтра Лагефеля у Фаларена был и второй придворный?

— Ну, конечно. Тот, что сразу после… сбежал через компьютер? А значит, умел с ним обращаться…

— Безусловно, — сказал Сварог. — Кстати, я его давненько объявил в тайный розыск, рожу запомнил прекрасно, но пока не нашли — забился куда-то, надо полагать. Надо потом тебе попробовать, может, Древний Ветер поможет. Не нравится мне, что где-то разгуливает человек, обладающий кое-какими знаниями о моем компьютере… Я сейчас о другом думаю. А что, если у этого чертова беглеца были предшественники? Иначе никак не объяснить, почему такие знания оказывались в большом мире, к книжникам попадали, таким вот потомственным печникам… Вообще-то можно подыскать и другие версии, но нет смысла ломать над ними голову, все равно получатся чистейшей воды умозаключения, фактами не подкрепленные…

— И что теперь делать? Проверить, конечно? Ты ведь должен был знаки запомнить накрепко, раз не стал записывать.

— Накрепко, — сказал Сварог. — Вот завтра утром и полетим в Хелльстад, если тебе интересно…

— Еще бы!

— Завтра утром, — повторил он, подумав. — Смысла не вижу немедленно нестись туда сломя голову. Как думаешь?

— Точно так же.

— Значит, мы с тобой повзрослели, — хмыкнул Сварог. — Лет несколько назад я немедленно вызвал бы виману и очертя голову помчался в Хелльстад, да и ты тоже. А теперь оба прекрасно понимаем: то, что ждало несколько тысяч лет, может подождать еще одну ночь. Так что… Тьфу ты!

Он встал как вкопанный, взял Яну за локоть, остановил. Как-то незаметно они свернули на Ажурную лестницу, прозванную так за то, что когда-то была целиком изготовлена из чугуна искусным мастером — ну, не вся целиком, конечно, по частям, которые потом собирали. Ажурные, несказанной красоты перила… ступеньки, правда, сплошные, чтобы не проваливались каблуки сапог, башмаков или дамских туфелек…

— Давай-ка вернемся и пойдем другой дорогой, — сказал Сварог.

— А что такое?

— Последняя неделя Фиона, перед Календами, — сказал Сварог. — Все дворцовые призраки, сколько их ни есть, вылезают… И не только они. Мы на той самой площадке, откуда можно увидеть…

И замолчал. Это и называется, накликал. На один лестничный пролет ниже, на такой же широкой площадке, неведомо откуда появилась она, Алая Плясунья — молодая, красивая черноволосая женщина в пышном алом платье, принадлежавшем неизвестно какой эпохе, — ни один книжник подобного платья не нашел ни в одной стариной книге…

Сварог ее уже видел однажды, мельком, издали — и сразу ушел, чтобы не испытывать судьбу, памятуя все, что о ней говорили, и как-то не горя желанием проверять это на практике…

Как и в первый раз Алая Плясунья, то ли и в самом деле не замечая их, то ли притворяясь, принялась танцевать под слышную только ей одной музыку: грациозно, поднимая над головой согнутые руки, медленно вертясь волчком и выписывая незнакомые пируэты. Какое-то время смотреть можно, но следует побыстрее уходить: все старинные поверья сходятся на одном — как только и ты начнешь слышать эту музыку, тут тебе и конец. И ведь бесследно исчезали во дворце, пусть и редко, и титулованные придворные, и лакеи…

— Пошли отсюда, — сказал Сварог. — Ты про нее не могла не слышать…

— Подожди, — сказала Яна, оставаясь на месте и с любопытством разглядывая Алую Плясунью. — Подожди, это очень интересно…

И вдруг преспокойно шагнула на ступеньку ведущего вниз

пролета. Высвободила локоть из пальцев кинувшегося следом Сварога, не оборачиваясь, подняла согнутую в локте руку:

— *Мне* это ничем не грозит. Честное слово. Стой спокойно!

Он все же метнулся следом — и наткнулся на незримую преграду — Яна, конечно… Бессильно выругался про себя: он ничего не мог, ровным счетом ничего, оставалось только стоять и смотреть…

Яна преспокойно спускалась вниз. К его несказанному удивлению, Алая Плясунья, когда Яна оказалась на той же площадке буквально в паре шагов, вдруг перестала танцевать. Стояла, опустив руки, — и у Сварога создалось впечатление, что Яну она видит… Мысли суматошно скакали в голове: Яна давно перестала устраивать всякие взбалмошности, если уж она так уверена в себе, быть может, и обойдется… Что он, в конце концов, знал о Древнем Ветре? Всего ничего…

Яна и Алая Плясунья стояли, глядя друг другу в глаза, а сверху на них бессильно смотрел Сварог, повторяя про себя, как заведенный: лишь бы обошлось, лишь бы обошлось…

Странно: они не произнесли ни слова, их губы не шевелились, но все равно отчего-то казалось, что они беседуют…

Он не знал, сколько времени прошло в мучительном ожидании. Внезапно Алая Плясунья стала медленно отступать, медленно пятиться — и вдруг исчезла, как не бывало. Яна посмотрела на него, спокойно сказала:

— Пошли, она не вернется… ну, по крайней мере, сегодня.

Он сбежал по лестнице, заранее зная, что невидимой преграды больше нет.

— Не надо на меня смотреть так укоряюще, — сказала Яна. — Могу тебя заверить: мне она ничего не сделала бы. Тебе — вполне возможно. А вот против Древнего Ветра она бессильна…

— Вы что, говорили? — спросил Сварог оцепенело.

— В каком-то смысле… — сказала Яна. — Не словами и не мысленно, но — в каком-то смысле… Не могу объяснить точнее, слов таких нет…

— Что она такое?

— Я не поняла до конца… Не человек, безусловно. Но и не нечистая сила.

— А люди пропадали…

— Верю, — сказала Яна. — К людям она бывает недоброй, похоже, это ее натура. И ее не переделаешь. Самое интересное, она — не отсюда.

— А откуда?

— Я не смогла понять, — пожала плечами Яна. — Но точно не из нашего мира. Знаешь, она заблудилась, вот это я поняла, и

ошибки быть не может. Заклубилась где-то между мирами, меж временами, меж реальностями… Я так и не поняла до конца. Но она заблудилась. Очень, очень давно. И не знает, как ей вернуться назад. Ее гложет тоска…

— Ага, — сердито фыркнул Сварог. — А она от гложущей тоски гложет других…

— Какая уж есть, — сказала Яна. — Решительно не представляю, как ее вернуть туда, откуда она пришла, или изгнать. Говорю тебе: это не человек и не нечистая сила, что-то другое… Продолжайте обходить ее стороной, коли уж с ней ничего не поделать, вот и все. Пошли?

«Черт знает что, — сердито думал Сварог, вспомнив Радужного Демона. — Какая только нежить не шляется по моим землям: пережившая свои времена на миллион лет, заблудившаяся на неких неведомых тропах…»

— Я пойду спать, а ты иди к ним, — сказала Яна. — Тебе же хочется… Там сейчас, подозреваю, самое веселье…

Она оказалась права: когда Сварог вошел в Рыцарский зал, Паколет разливал уже келимас, а Шедарис, перебирая струны, горланил «Балладу о путнике и Прекрасной мельничихе» — как говорится, детям до шестнадцати… Сев на свое место, он кивком поблагодарил Паколета, тут же наполнившего его чарку келимасом, и постарался отрешиться от всех забот.

Глава X
НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

Конечно, им с Яной было тесновато вдвоем внутри небольшого цилиндра с янтарно-желтой поверхностью, где стены сплошь покрыты неярко светившимися алыми, синими и зелеными квадратами со всевозможными знаками, буквами алфавитов Аугел и Дарант, рунами и цифрами. Но ничего не поделаешь.

Сварог коснулся указательным пальцем алого квадрата с буквой «ро». Вертикальный участок стены перед ним, полоса от пола, до потолка шириной в локоть, покрылась россыпью новых знаков, букв и цифр — но они давно уже не казались россыпью разноцветной абракадабры. Сварог со своим компьютером освоился вполне.

Волновался он лишь самую чуточку — сердце не заходилось, не колотилось. Вариантов всего два — либо получится, либо нет — к чему волноваться? Неторопливо набрал комбинацию из пятнадцати символом и цифр, первую из строчек татуировки — и совсем не удивился, когда часть цилиндра стала дверью в иной мир, где стоял ясный солнечный день и белели стволы деревьев. *Там* царила покойная тишина, даже птиц не слышно.

Легонько отодвинув Яну, он шагнул на ту сторону первым, на ходу нажав застежку и выхватив Доран-ан-Тег из придуманного им и сделанного хелльстадскими заводскими автоматами чехла — некоего подобия пистолетной кобуры, в которой помещалось лезвие топора с верхней третью рукоятки. Встал в двух шагах от двери, держа топор наготове, чутко прислушиваясь и пустив в ход все свои умения.

Дверь выходила на пологий склон, заросший белыми деревьями с коричневатыми поперечными отметинами на голых стволах. Кроны зеленели высоко над головой, будь отметины не коричневыми, а черными, деревья как две капли воды походили бы на березы. Он не почувствовал ни черной магии, ни чьего-либо присутствия поблизости. Яна встала рядом, плечом к плечу, с любопытством оглядываясь. Вот только ничего примечательного здесь не было: куда ни глянь — пологий склон и деревья, заслоняющие окружающее. Не дремучая чащоба, вполне могут проехать конные, но и не такое уж редколесье. Высокая зеленая трава под ногами ни о чем не говорила: что-что, а курс ботаники ему никогда не вкладывали в голову, и из всего неисчислимого многообразия трав он мог безошибочно опознать не более

полудюжины знакомых.

— Лично я представления не имею, куда мы попали, — признался он честно. — Может, у тебя лучше получится?

Яна сделала шаг вперед, вытянула перед собой руки со сжатыми ладонями, медленно их развела, подняла ладони и замерла в этой позе. Далеко справа беззаботно засвиристела какая-то птаха. У соседнего дерева Сварог видел большой гриб, как две капли воды похожий на подберезовик, — уж в грибах-то он разбирался, частенько бегал за ними в детстве в ближний лес. Вот только потом очень редко удавалось выбраться в места «тихой охоты» — а в монгольской степи, разумеется, никаких грибов не было…

Яна пошевелилась, опустила руки, сказала будничным голосом, как о самой обыденной вещи:

— Ясно одно: это не Заводь. В Заводях я всегда чувствую *пределы.* А здесь никаких пределов нет. Это планета, и никак иначе.

Сварог пожал плечами:

— Сколько меня носило по Талару, не помню таких деревьев… Там, откуда я, росли в точности такие грибы, но вот таких деревьев не было. Очень похоже на березу, но не береза…

— Ну конечно! — воскликнула Яна. — Мне бы сразу догадаться… Я подсознательно ждала чего-то диковинного, вот и настроилась соответственно… — она кивнула на ближайшее дерево, как и береза, кое-где покрытое прозрачными отслоившимися полосочками верхнего слоя коры. — Сделай затес, чтобы полностью снять кору, только небольшой, чтобы дерево не губить…

Сварог примерился, взял топор за древко у самого обуха и в секунду сделал затес величиной с ладонь. Открылась древесина в красивых, замысловатых бело-желтовато-коричневых узорах, отлично ему знакомых.

— Сильванская горная береза! — воскликнул он.

— Она самая, — кивнула Яна. — Прямо-таки напрашивается вывод, что мы на Сильване. На *нашей* Сильване — ведь проникать на Соседние Страницы твой компьютер не может…

— Не может, — согласился Сварог. — Тьфу ты, сколько здесь живу, а на Сильване впервые в жизни… Значит, *первая* строчка ведет на Сильвану… Но есть еще и вторая…

— Совет можно?

— Ради бога.

— Я бы, не закрывая дверь, попробовала вторую строчку, — сказала Яна. — Почему-то кажется, что так и надо…

— Верю, — сказал Сварог. — У самого сколько раз случались

толковые озарения… Пошли?

Они вернулись в янтарный «стакан», стояли, тесно прижавшись друг к другу (что обоих ничуть не угнетало, наоборот), и Сварог нажимал очередные клавиши.

Результат обозначился моментально: *дверь* на миг заволокло сизым непроницаемым туманом, а когда он рассеялся, пейзаж оказался совершенно другим: равнина вместо высокого склона, такой же, не особенно густой и не особенно редкий лес — только вместо сильванской горной березы какие-то неизвестные деревья: стволы покрыты сероватой, ноздреватой корой, высокие узколистые кроны начинаются примерно на середине ствола, уардах в пяти над головой! Сварог вышел первым, и, не теряя времени, сделал на ближайшем дереве широкий затес — самая обычная древесина, желтоватая, с тоненькими чуть неправильными кругами годовых колец. Вполне возможно, такие деревья росли на Таларе или Сильване, но он знал далеко не все, нужды не было, практической потребности…

Не теряя времени, попробовал кое-что из того, чем владел. Сигарета исправно появилась меж пальцев, и на кончике пальца зажегся огонек. Еще один мысленный *толчок* — и под ноги ему упал круг копченой колбасы. Так, магия ларов здесь работает исправно, ничего удивительного — здесь не Хелльстад. А вот хелльстадскую магию пока что не на чем и не на ком проверить, выясним в процессе…

Яна уже стояла рядом, разведя руки тем же жестом, что и в прошлый раз. Сварог сосредоточился. Так… Давным-давно вложенное ему в голову чутье на опасность молчало — не было поблизости ни опасности, ни угрозы. Пока. А вот другое… Черной магии, вообще магии не чувствуется, но пришло ощущение не из приятных: в ноздри лез густой, отвратительный запах падали, словно неподалеку давненько валялся дохлый зверь… или мертвый человек. Сварог побыстрее отключил это умение, все равно не мог догадаться, что чувствует… Обернулся, услышав рядом сдавленный вскрик, тревожно взял ее за локоть:

— Что, Вита?

Яна чуть побледнела, по лицу катились крупные капли пота, взялась рукой за горло, сделала такое движение губами, словно ее вот-вот стошнит. Сказала, бледно улыбаясь:

— Ничего страшного, но лучше вернемся… Противно…

Они вернулись в цилиндр, а из него — в тронный зал.

Дверь Сварог не закрывал, только поставил невидимую «решетку», которую не смогла бы проломить средних способностей нежить или нечисть. А если полезет что-то посерьезнее, Вентордеран на многое способен…

Они уселись в кресла неподалеку от трона. Сварог с радостью видел, что Яна, похоже, оклемалась, вульгарно выражаясь — и румянец на щеки вернулся, и пот пропал, и лицо уже не страдальческое… И повторил:

— Что, Вита?

Яна сердито покрутила головой:

— Я хотела осмотреться… Это, конечно, Заводь — там есть *пределы.* Вот только тут же навалилось что-то такое, чему и слов не подберешь, отвратительное, мерзкое, я боялась, начнет тошнить… Не пойму, что это такое. Но поиск мне там вести будет нелегко. Какое бы сравнение подыскать… Извини, если придется употреблять грубые слова…

— Не помру, — скупо усмехнулся Сварог. — Не девица из пансиона для благородных…

— Представь большое озеро, наполненное не водой, а дерьмом, гноем и прочими омерзительными жидкостями. Представь, что тебе в нем долго нужно плавать и нырять, причем то и дело набираешь полный рот этой дряни… — ее передернуло. — Омерзительно, но непонятно…

— Есть подозрения, — сказал Сварог, чувствуя, как сводит лицо в злую гримасу. — *Похоже,* он здесь. Я тоже чувствую нечто вроде запаха падали и не могу определить, что это такое. У меня нет заклинаний, способных определить близость, вообще наличие Воплощения… А твой Древний Ветер, значит, именно так и реагирует… Послушай, ты можешь вести поиск, «отключив» часть способностей? Тех, что вызывают эти мерзкие ощущения?

— Не могу, — сокрушенно сказала Яна. — Дор Террах нельзя «отключать», ни совсем, ни какую-то частичку…

— Мне проще… — угрюмо буркнул Сварог.

Ее лицо стало упрямым, решительным, злым — с такими идут в атаку.

— Ничего, это не смертельно, — сказала Яна. — Ну, выворачивать будет, ну, ощущения будут мерзейшие… Я эту Заводь исследую подробнейшим образом, если нельзя иначе, если нужно для дела, переживу…

— Нет смысла тебя мучить, Яночка, — мягко сказал Сварог. — Ты забыла, сколько полезных вещей сыщется в нашем хелльстадском семейном хозяйстве… С темнотой я туда запущу парочку Золотых Шмелей, а если они вернутся из ближней разведки целыми и необнаруженными, брошу туда всю ораву, а она очень даже немалая. До утра, если все пройдет гладко, нарисуют полную картину, — и добавил предусмотрительно: — Вот только, если получится, — он откровенно сплюнул через левое плечо, — для Канцлера придется выдумать другое

убедительное объяснение. Не стоит ему знать слишком много о наших *семейных* тайнах, а?

— Не стоит, — кивнула Яна, улыбнувшись наконец почти весело.

— До темноты всего-то пара часов, — сказал Сварог. — Если Шмели справятся…

Они справились…

…Канцлер чуточку задерживался, и они, включая Яну, довольную разрешением курить в открытую, пускали дым. Курил и четвертый член узкого совещания, лорд Стаффан, граф Тоунир, человек лет сорока с тонким лицом профессора математики (только очков в золотой оправе не хватало для полного сходства, но очки здесь никто не носил, кроме Элкона, продолжавшего из неизжитого целиком прежнего выпендрежа носить круглые очки, в каких ходят таларские книжники, — но с простыми стеклами, разумеется).

В прошлый раз, когда Сварог впервые в жизни увидел Стаффана, Канцлер его отрекомендовал как начальника третьего стола своего кабинета — и никаких пояснений давать не стал. Однако Сварог — как-никак не два года по третьему — быстро догадался, что собой представляет третий стол: знаменитая личная разведку Канцлера, о которой до сих пор ничего неизвестно (в компьютерные сети Канцлера Сварог, исполняя обещание, не лазил — в конце концов, Канцлер частенько закрывал глаза на кое-какие откровенные нарушения Сварогом законов, вроде врученного Интагару компьютера, так что играть следовало честно — ну, почти честно, кое-что утаивая от Канцлера, как тот, без сомнения, кое-что утаивает от Сварога).

Стаффан ему нравился как профессионал — каковые качества продемонстрировал очень быстро, когда обсуждались наметки широкого агентурного проникновения на Ту Сторону. Идеи у него были толковые: малыми партиями, но в большом количестве, распродать в разных местах драгоценные камни, золото, платину, чтобы получить настоящие немалые деньги (как выяснил Элкон из телепередач на темы экономики и торговли, там есть вполне легальные рынки и того, и другого, и третьего). Попытаться купить гостиницу у замка — идеальное место для постоянной базы. Стаффан высказал немало дельного о *путях* распространения агентурной сети, о ключевых точках, куда следует внедриться. И поддержал идею Сварога насчет предметов, которые нужно закопать там, а потом посмотреть, найдутся ли они *здесь*. Единственный способ убедиться совершенно точно, прошлое там или все же Соседняя Страница. Сварог согласился без всякого отпора: нельзя строить версии, основываясь на *одних*

песнях…

Вошел Канцлер, как обычно, невозмутимый, подтянутый, сел в свое кресло и вытащил трубку:

— Извините, ваше величество, господа — дела немного задержали… Я весь внимание.

Яна со Сварогом обговорили все заранее — и сейчас она уверенно сказала:

— С моим даром и еще кое-какими методами Дор Терраха я выяснила — в той Заводи обстоит сложнее, чем обычно. Подробности я опущу: подробно рассказывать вам о Древнем Ветре — все равно что мне слушать долгую лекцию профессора касаемо А-физики. Я думаю, обойдемся без ненужных подробностей? (Канцлер склонил голову). Если вкратце, все обстояло так: я рассказывала и рисовала, а мой муж и граф Элкон делали компьютерную реконструкцию. В любом случае *полная* картина у нас есть, — она кивнула Сварогу.

Сварог пересел к овальному столу, положил на него портсигар-компьютер, вывел на столешницу световую клавиатуру. Сказал спокойно:

— Все внимание на эту стену, господа. Отлично подходит, чтобы вывести на нее экран. Итак… — он зажег карту и взял световую указку. — Это Заводь. Деревья, кстати, опознаны, обычная разновидность тополя, растет и на Таларе, и на Сильване… Заводь из тех, где не бывает ни солнца, ни звезд, так что выглядит все так, будто днем там постоянные сумерки. Чуть неправильный вертикальный прямоугольник. Ради точности — трапеция, но короткие стороны почти что и не отклоняются от прямой, так что все же ближе к прямоугольнику… Короткие стороны — примерно по восемьдесят лиг, длинные — примерно по четыреста. Я думаю, такая точность сейчас не нужна, обойдемся приблизительными размерами? Заводь обитаемая, обитатели ничуть не отличаются от людей, как видите. Уровень развития невысокий — огнестрельного оружия не видно, нет ни электричества, ни паровых машин. Вооружение — мечи, копья, стрелы. Транспорт — конные повозки, на реке — парусные кораблики и весельные лодки. Рыбаков много, охотников тоже, — он повел по карте синим лазерным лучиком. — Вот здесь, на полуночи, в левой половине — место, которое я не могу назвать иначе, как столицей. В центре — большой замок, во многом похожий на те, что были на Таларе в старые времена, а кое-где и сейчас встречаются. Вот он. Вокруг самый настоящий городок со всевозможными мастерскими и ярмарками. Население, по нашим прикидкам — тысячи три человек. Вот виды сверху.

Он не видел ни на одном из лиц и тени подозрения. Элкон с

помощью Обезьянов немало постарался, чтобы сделанные Золотыми Шмелями видеозаписи, точнее, их кадры как две капли воды походили на компьютерную реконструкцию, и, приободрившись, продолжал:

— И городок, и замок там в единственном числе. Значит, несомненно, один-единственный правитель. Нравы незатейливые, расцветом гуманизма и не пахнет: как видите, на площади и плаха устроена, и виселицы… Желтые точки — деревни, мы насчитали не менее восьмидесяти. По первым грубым прикидкам, в самой маленькой живет не менее двухсот человек, в тех, что покрупнее, может оказаться и до пятисот, а то и побольше. Деревни занимают главным образом левую половину Заводи. Обратите внимание на их расположение: чем ближе к полуночи, тем гуще они расположены, соответственно, чем ближе к полудню и правой половине, тем реже. Вот здесь и здесь, на довольно больших пространствах, разбросаны вовсе уж редко. Сельское хозяйство и садоводство очень развито: много пашен и садов. Вот… И вот (профессор Марлок, поглядывая на него вполглаза, положил на колено свой уже знакомый Сварогу компьютер, серебристый пенальчик, пальцы забегали по клавиатуре) довольно большое по тамошним меркам войско: вот это — казармы, императрица видела там и по всем обитаемым местам всадников в кольчугах. По моему собственному королевскому опыту я бы предположил, что воинов что-то чересчур уж многовато при отсутствии внешнего врага… Определенно многовато.

— Стойкие бунтарские традиции? — предположил Канцлер.

— Пока не знаем, — сказал Сварог, — если и так, чисто техническими средствами не определить… Примерно две трети правой половины и часть полудня слева занимают леса. К ним особенно императрица не приглядывалась, но мы знаем, что там полно живности — и что-то наподобие оленей, и крупные хищники. Там охотятся. А теперь наиболее интересующее нас место — примерно треть правой половины. Нечто вроде котловины, лежащей уардов на двести ниже уровня земли всей Заводи. Откосы кое-где достаточно отлогие, спуститься при желании можно… Но вряд ли тамошние жители это делают: к Откосу, как мы его назвали в рабочем порядке, нет дорог. В котловине кое-где — леса, она кишит зверьем одной-единственной породы. Вот изображение. Неприятные твари, этакая помесь сильванской гиены с каталаунской рысью. Несомненные хищники. В глубине котловины — горная гряда, не такая уж высокая, человек в нескольких местах там вполне в состоянии пройти. Осталось самое интересное. За грядой, так

сказать, в уголочке Заводи — снежная равнина площадью примерно в сто югеров. Вот только снег — а это чертовски похоже на снег, по заверениям ее величества — не белый, а алый. И посередине… мы так и не подобрали ему названия. Дом не дом, замок не замок… Строение. Вот довольно точная реконструкция, вид с разных сторон…

Он замолчал, сел и закурил, чтобы дать им возможность налюбоваться вдоволь — впрочем, любоваться там было нечем. Профессор Марлок, покосившись на Яну, пошевелил губами, и осталось стойкое убеждение, что он выругался про себя, длинно, затейливо (в отсутствие дам он был мастак).

Сварог его прекрасно понимал: он и сам, просматривая записи Шмелей (подобравшихся довольно близко и заснявших *строение* примерно с половины его высоты), выругался — такие уж эмоции *это* в первую очередь вызывало. И желание крыть матом, и некое подсознательное отторжение, и даже легкое отвращение, пожалуй…

Такое впечатление, что архитектор и строители с начала и до конца, от первых эскизов до «сдачи под ключ» пребывали то ли в белой горячке, то ли всеми возможными способами употребляли неслабые наркотики, во много раз превосходящие тот нехитрый ассортимент, что имелся на Таларе и на Сильване. Нечто несуразное, нелепое, гротескное, уродливое. Напоминавшее пучок на разную длину сгоревших свечей, причем не только круглых — прямоугольники, треугольники, башни вовсе уж идиотских очертаний, дающие в сечении то цветок, то подобие шестеренок. Можно еще предположить, что архитекторов было десятка три: один возводил что-то одно, приходил другой и лепил рядом нечто совершенно не гармонирующее с прежним, ему на смену являлся новый, так они шли длинной вереницей, пока не закончили. Скопище разных по высоте башен и строений, окна разнообразной формы, вплоть до треугольников, вогнутых и выпуклых ромбов, десятка три крыш — и ни одна не повторяет формой и материалом остальные: черепица, крашеные доски, какая-то разноцветная чешуя. Вдобавок выкрашено строение в разнообразнейшие краски — режущие глаз пестротой и несовместимостью колеров. Этакая какофония, только не в музыке, а в строительном деле. Кое-где из стен и башен выступают полуовалы, круглые пузыри, без складу и ладу разбросанные балкончики — иногда на глухих, без дверей и окон стенах.

— Вот такая там архитектурная достопримечательность… — сказал Сварог. — И последнее. Рядом, как видите, не такое уж маленькое строение без всяких выкрутасов — дом как дом, только

архитектура незнакомая. И еще одно, крайне интересное: длинный навес, а под ним прямо на снегу — как видите, десяток самых обычных корабликов, не особенно и больших: дощатые, с палубой и мачтой без паруса, но с нижней и верхней реями… Вот собственно, и все.

Какое-то время царило молчание. Потом Канцлер сказал, морщась:

— Действительно, строителя такого иначе как Безумным Зодчим и не назовешь… Погань редкостная.

— Хозяину, возможно, нравится… — покривил губы Стаффан. — Но и в этом случае он крайне не нравится *мне*… Ваше величество, вам не удалось с помощью ваших способностей проникнуть внутрь этого архитектурного бреда?

— Не получается, увы… — чуть пожала плечами Яна.

Ну, естественно, Сварог не рискнул посылать Золотых Шмелей не то что внутрь, но и запретил приближаться очень уж близко…

— А вы, лорд Сварог, что скажете? Как хелльстадский король?

— Попробовать можно, — сквозь зубы сказал Сварог. — Но издали я не могу, мне нужно подойти к дому вплотную… Кстати, господа, вы обратили внимание? У этого бреда вполне приличная на вид парадная лестница, самая обычная, широкая, со статуями зверей вместо перил. И обе створки парадной двери гостеприимно распахнуты настежь… Я бы предположил, что от гостей там не запираются, наоборот. Вот только что происходит с гостями, гадать не берусь…

— Что происходит с мышью в мышеловке… — проворчал профессор Марлок.

— Вот и у меня впечатление, что гостей там не кормят яствами и не поят выдержанными винами, — усмехнулся Сварог. — Как-то решительно не сочетаются этот милый домик и душевное хлебосольство…

Марлок полностью был поглощен своим компьютером. Стаффан спросил негромко, без выражения:

— И все же нет точных доказательств, что там четвертое Воплощение?

— Нет, — сказал Сварог. — Ни императрица, ни я не можем определять наличие такового…

— Нужно будет потом порыться в архивах, — сказал Стаффан. — Мне смутно помнится, что в старых крестьянских сказках были упоминания о летучих кораблях…

— В Каталауне их и сейчас рассказывают, — уточнила Яна.

— И я что-то такое слышал краем уха, — сказал Сварог.

— И я, — кивнул Канцлер. — Ну, летучие корабли не самое удивительное, с чем можно столкнуться… и приходилось сталкиваться. Учитывая полное отсутствие воды на десятки лиг вокруг, нельзя исключать…

— Ох, вы все не о том… — поднял глаза Марлок. — Есть вещи полюбопытнее. Я тут быстренько подсчитал, не в первый раз приходится… Перепроверил — вывод тот же. Пашен и садов недостаточно, чтобы обеспечить едой столько населения. Это не гипотеза, а точный расчет. Я повидал несколько Заводей — там совсем другое соотношение населения и урожайных земель. Они давно должны были выловить всю рыбу и все зверье, вплоть до хищников; там должен стоять голод…

— Самое интересное, что императрица ничего такого не заметила, — сказал Сварог. — Наоборот. Все выглядят вполне здоровыми, сытыми, ничуть не похожи на вырожденцев. Вот кстати, хотя это и не имеет отношения к делу… Меня всегда занимало: почему население в тех Заводях, куда меня заносило, не выглядит вырожденцами? Даже при достатке еды — ограниченное число людей на небольших территориях. Причем живут они там тысячи лет. По всем законам биологии давно должны были начаться близкородственные браки, а это непременно сказалось бы на внешнем виде. Но ничего подобного я не видел…

— Никто еще не разобрался почему, — буркнул Марлок. — Мы очень мало и недолго занимались Заводями, — он покосился на Канцлера с явным намеком, даже укором.

— Ну да, — спокойно сказал Канцлер. — У меня к Заводям такое же отношение, как к Древним Дорогам — от них тоже ни пользы, ни вреда, чтобы тешить чисто научное любопытство, нет ни людей, ни потребности, простите великодушно, профессор. У вас у самого не хватает времени…

— Не хватает, — буркнул Марлок.

— Вот видите… На моей памяти лишь однажды случился *прорыв* — но это были всего-навсего лихие пираточки из Коргала? Успели захватить пару-тройку кораблей на Ителе, а потом проход к ним закрылся так же необъяснимо, как возник… Ну, и тысячи две лет назад из одной из Заводей выбралось какое-то чудище, не особенно и серьезное — когда прилетели наши, крестьяне уже успели его ухайдакать. С полдюжины, правда, сожрало и покалечило, но это, по большому счету, такие мелочи…

— Еще одна подробность, — сказала Яна. — Я женщина, и меня гораздо больше интересовали не те подробности, что, скажем, *мужа.* Они ненормально *много* рожают. У них *слишком* большие семьи даже для крестьян. И в городке то же самое. И

беременных ненормально много, я попросила у себя в Кабинете посмотреть кое-какую статистику по Талару и Сильване. Меня и заверили, что я не ошиблась — это именно аномалия. И женщины, и дети выглядят сытыми, ничуть не голодающими.

«Вот черт, — подумал Сварог. — Я тоже все это видел, но как-то отодвинул в уме на задний план…»

Профессор Марлок раздраженно фыркнул:

— Еще более странно. Им должно *не хватать* продовольствия, но они живут так, словно все едят досыта. Примерно та же картина была в Токеранге — но там-то были синтезаторы…

— Ни следа высоких технологий, — покачал головой Сварог. — Разве что все старательно укрыто в каких-то подземельях, незаметных при наших методах наблюдения…

— Тысяча извинений, что я вмешиваюсь, — сказал Стаффан. — Все это очень интересно, обсуждать и строить гипотезы можно до бесконечности… Но вот что нам дальше *делать?*

«Ну наконец-то», — подумал Сварог, ожидавший этого вопроса.

— Сделать тут можно только одно, — сказал Сварог, пожав плечами. — Разобраться на месте. Выяснить точно, Воплощение там или нечто иное.

— И как *вы* себе это представляете? — небрежно спросил Канцлер.

— Дело знакомое, — сказал Сварог. — Я беру Странную Компанию, вооружаю ее до зубов, и мы идем туда. Выход туда открывается в этой вот красной точке, — он показал указкой. — До замка — будем называть его так для простоты и краткости — не более шестидесяти лиг. По сути — дневной переход… хотя, чтобы не выходить к цели слишком измотанными, где-то по дороге следует устроить ночлег. Двери, вы сами видели, распахнуты настежь. И похуже бывало…

Так же невозмутимо Канцлер спросил:

— Значит, вы все обдумали?

— Ну да, — сказал Сварог. — Благо думать особенно и не пришлось, не такая уж головоломка…

— Шестьдесят лиг… — фыркнул профессор Марлок. — Из них не менее десяти придется на ту котловину со множеством зверья.

— У меня есть средства ее безопасно преодолеть, — спокойно сказал Сварог. — Не стоит пускаться сейчас в лишние объяснения, просто перечитайте мой отчет о поисках принцессы Делии и всем последующем. Наследство бабки-гусятницы.

Столько лет лежало в дальнем ящике, а теперь вот как нельзя лучше пригодится… — Он обвел всех взглядом. — Это не авантюра, господа. Всего-навсего очередной рейд. Не знаю, насколько он окажется опасным, но мы и из весьма опасных возвращались, это не хвастовство, а констатация факта.

— Вот так, прямо сейчас? — покривил губы Канцлер.

— Ну, не нынешним вечером, — сказал Сварог. — Еще день-два на дальнейший осмотр и подготовку… А зачем тянуть? Если там и в самом деле последнее, четвертое Воплощение… Господа, вы все читаете те же сводки, что и я. С исчезновением Воплощений дважды *резко* падало число черных магов и наличие черной магии. *Черные* массами куда-то бегут… я так пока и не выяснил куда, но это несущественно. Главное, они бегут с Талара и уже не возвращаются. Бегут, уж точно, не на Сильвану, иначе бы там давно зарегистрировали *всплеск*… К чему тянуть? Если там и в самом деле Безумный Зодчий… Вы что-то хотите возразить, профессор?

— Нет, — сказал Марлок. — Я тоже читал сводки, тут вы правы — бегут канальи и уже не возвращаются… Я о другим. Давненько уже ломаю голову над Воплощениями, их силой. И не могу тут усмотреть никакой *системы.* Дракон Брелганд был тварью крупной, сильной и опасной, но с ним мечом и копьем разделался самый обычный, правда, весьма опытный рыцарь. Покалечился, но долго еще жил, хоть и ходил с костылем и воевать больше был неспособен. Сына даже родил, долго прожил… Великий Кракен — в чем-то полная противоположность Брелганду: пожалуй, вам бы с ним не справиться без торпед «Рагнарока», к великому сожалению, их не осталось ни одной, нечего изучить и понять, что они были такое… Митгард и ее *дружка* прихлопнули как-то просто и буднично, само собой напрашивается сравнение: как мух. Хватило мощного инфразвукового залпа… Никакой системы… К чему это я? Безумный Зодчий — если там все же он — может оказаться и относительно слабым противникам, и опаснейшим…

— Я это сам прекрасно понимаю, — сказал Сварог. — Если у кого-то есть план лучше… — он выдержал долгую паузу. — Ведь нет? Я все обдумал… Нашу здешнюю мало-мальски серьезную боевую технику ни за что не протащить в разобранном виде через ту дверь. Я специально запрашивал, у меня же куча допусков… И даже окажись возможность… Где гарантия, что на Зодчего подействует даже «Белый шквал»? Который, кстати, дважды оказывался бессильным — против Багряной Звезды и в случае с Горротом.

— Семь человек… — с сомнением покачал головой Марлок.

— Скромно позволю себе напомнить, что у этих семи за душой есть три победы над кое-чем *весьма* опасным, — сказал Сварог. — Вообще, дело не в количестве. Если там что-то очень опасное, с тем же успехом могут погибнуть не семь, а семьсот. Логично?

— Логично… — проворчал профессор.

— Вот видите, — он усмехнулся. — В конце концов, господа, это не тема для дискуссий. Я на службе. Я служу в Кабинете Императрицы и уже получил от ее величества не просто одобрение — прямой приказ.

Выразительно посмотрел на Яну — и все остальные уставились на нее. Яна, чуть побледневшая, очаровательная, серьезная, выпрямилась в кресле:

— Господин директор девятого стола прав. Он, и в самом деле, получил соответствующий приказ. Поэтому в дальнейшей дискуссии не вижу смысла — разве что у кого-то будут деловые дополнения. Если таковых нет — совещание считаю законченным.

«Умница моя, милая моя…» — подумал Сварог.

…Едва брагант взлетел, Сварог притянул Яну к себе и поцеловал в щеку. Сказал, задыхаясь от нежности:

— Вита, ты чудо. Великолепно подыграла, хотя о своем приказе впервые услышала…

— Я же прекрасно понимала, что ты туда полезешь, — сказала Яна чуть напряженно. — Успела тебя изучить. А уж когда ты оставил во дворце Странную Компанию, все стало окончательно ясно. Послушай… Марлок прав: нет никакой системы. Мы не знаем, *что* там…

— Зато мы знаем, что *черные* разбегаются, как тараканы, — сказал Сварог. — И если удастся окончательно отрезать ему путь в наш мир… Вита, милая, — сказал он насколько мог убедительнее, — мы так часто возвращались без потерь, что это уже стало образом жизни. Мы ведь везучие… да и Таверо мне кое-что предсказал, сама знаешь. Правда, змеев убил не я, а ребята Оклера, но предсказания не всегда исполняются в точности.

— Вот именно. И, между прочим, нигде не предсказано, что ты непременно вернешься живой…

Сварог легонько отстранил ее, заглянул в глаза. Глаза были сухие, но невероятно печальные.

— Кое-какие предсказания еще не исполнились, — сказал он. — А это позволяет думать, что жить мне еще долго… Мы об этом подробнее поговорим потом, ладно?

Яна взглянула на него с нескрываемой надеждой:

— А если…

Он понял. И сказал веско:

— Яночка, ты с нами не пойдешь. Помнишь, мы подробно обсуждали расклад перед Токерангом? Сейчас все то же самое. Мне нужна не могучая защита, а люди, умеющие убивать. Что бы там ни было, а убивать придется. Вряд ли хозяин обитает в замке в одиночку. Возле дома рядом с навесом для кораблей болтались какие-то субъекты… Ты же умница, все поняла?

— Поняла, — слегка отвернувшись, сказала Яна.

— И наконец… — сказал Сварог. — Если тебя так *прихватило,* стоило тебе сделать по тамошней земле каких-то пару шагов, что будет в дороге? А в замке?

— Да все я понимаю, — сказала Яна тусклым, грустным голосом. — И не прошусь. Просто… Просто никогда прежде мне не приходилось *ждать* мужа, когда он отправляется на смертельно опасное дело.

— Ну, знаешь! — фыркнул Сварог. — А Токеранг?

— Тогда у меня отчего-то была твердая подспудная уверенность, что все кончится благополучно.

— А сейчас такой уверенности нет?

— Я не говорю, что нет… Просто это оказалось так тягостно — *ждать*…

— Привыкай, — сказал Сварог серьезно. — Прекрасно знала, что не с мирным книжником связываешься. Что ж теперь делать… Ничего. Мы обязательно вернемся, займемся Той Стороной, и уж там-то тебе найдется столько интересных дел, там без тебя просто не обойтись. Ну, улыбнись!

Она добросовестно попыталась улыбнуться, но улыбка получилась вымученной и грустной. «Хорошо хоть, не плачет, — подумал Сварог, — все же не оранжерейный ребенок — каталаунская школа принца Элвара кое-чему научит…»

— Возьми с собой… ну хотя бы Золотого Филина, — сказала Яна. — Вдруг поможет.

Сварог подумал: если там что-то *очень* серьезное, и все золотое воинство не поможет, как наверняка не помогло бы с Кракеном. Однако кивнул:

— Возьму. Одного-то в заплечном мешке унесу…

…Остановившись в Мраморном коридоре, он мимоходом глянул на себя в зеркало, фыркнул и пошел дальше. На груди у него, на вычурной золотой цепи, висел овальный медальон: вокруг украшения, в которых сразу узнаются морские волны, на медальоне — восьмиконечная звезда синей эмали — четыре длинных луча, четыре покороче, в центре крупный сапфир, — и ее поддерживают, встав на задние лапы, два серебряных льва. Мара осчастливила, как и всех остальных из Странной Компании. Оказывается, только что учредила новый орден — Звезда Двух

Островов. Пожалуй, стоило согласиться с ее объяснениями: что никакого выпендрежа здесь нет, а есть лишь мягкое и ненавязчивое напоминание заинтересованным лицам — остров Дике останется сегурским на веки вечные. Он лишь рассмеялся тогда:

— А если возьмешь Стагар, что вполне реально? Звезду Трех Островов учредишь?

Мара с самым серьезным видом ответила:

— А почему бы и нет? Весьма символично будет…

Сварог вошел. Странная Компания в полном составе, все в тех же мундирах гвардейской гран-алы с одноименным названием сидела в рыцарском зале вокруг стола. Бутылок на столе имелась всего-то парочка, причем вина, а не келимаса или чего-то другого покрепче. Да и те едва начаты. Сварог им не приказывал соблюдать трезвость — они, вероятнее всего, и сами прекрасно поняли, что к чему. Поняли, почему Сварог задержал их в замке, а сам исчез куда-то, ничего не объяснив… Судя по пытливым, внимательным взглядам, прекрасно поняли, черти…

Он уселся на свое старое место. Сказал спокойно:

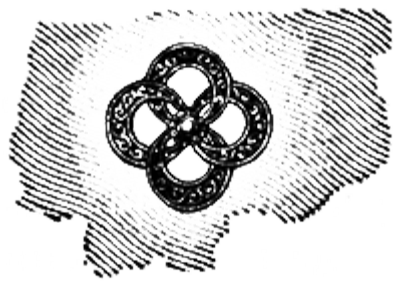
— Такие дела, господа гвардейцы… Снова подвернулось серьезное и опасное дело, откуда мы все можем не вернуться…

Наученный опытом, он на сей раз не стал выспрашивать, все ли согласны, — помнил, как жестоко их оскорбил такими речами совсем недавно, перед Токерангом. Все было видно и по глазам, ставшим прежними, хищно-азартными, и шестеро знакомо подобрались, как звери перед прыжком. Только Шедарис громко проворчал:

— Да ладно… Попривык я что-то возвращаться… Обойдется.

Сварог поневоле припомнил строчку из песни, которую любил петь под гитару еще в курсантские годы: «Гвозди бы делать из этих людей…» Кому-то это, может, и покажется слишком высокопарным, но что поделать, коли так оно и есть. Гвозди бы делать из этих людей…

— Итак, детали и подробности… — сказал он уже насквозь деловито, как было не раз. — Один монашек…



Глава XI
ЧЕТЫРЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

Они один за другим проходили мимо Сварога с совершенно невозмутимыми лицами, давно знакомой упругой походкой хищников, готовые ко всему на свете. Выстраивались в шеренгу меж серых тополей. Последним, бесшумно ступая, чуть ощетинив затылок, бдительно нюхая воздух, вышел Акбар. Сварог досадливо поморщился — но что он мог сделать? Прежде такого не случалось, но теперь пес буквально *прилип* к нему, всем видом давая понять, что на сей раз без него не обойдется и он пойдет со всеми. Уговорам он не поддавался, а запирать его было бессмысленно — проникнет через любую дверь. Сварог так и не взял в толк, что это может означать: за гармами не числилось способности к предчувствиям, что хорошим, что дурным. Но вот втемяшилось ему в башку тоже отправиться в поход, и точка.

С одной стороны, такой пес непременно привлечет к ним лишнее внимание. А вот с другой… Здесь все-таки Заводь. Появление семерки несомненных чужаков, одетых и вооруженных так, как здесь и не видывали, само по себе привлечет внимание любого, у кого есть глаза и хоть бы одна извилина в голове.

Оглядев всех и чуточку подумав, Акбар уселся на правом фланге — он и сидя был гораздо выше рослого Шедариса, которому при всех построениях выпадала роль правофлангового. «Самомнение, однако, — подумал Сварог, — покрутив головой. Ну, да откуда гарму разбираться в воинских построениях…»

Он вернулся в «стакан», встал лицом к лицу с Яной. Глаза у нее были грустные и сухие. Она прилежно отрапортовала:

— Инструкции помню: держать дверь открытой, перекрыв ее «стеной». Если появятся местные, напугаю их миражами так, что только пятки засверкают. Или, смотря по обстоятельствам, выпущу на них Летучие Рожи.

— Отлично, — сказал Сварог. — По всем расчетам, *туда* мы доберемся завтра, еще до обеда. Сколько времени отнимет *работа,* не знаю. Но возвратимся, не исключено, гораздо быстрее: есть у меня подозрение насчет этих корабликов, что они все-таки летучие. Иного объяснения, почему они там, и не подберешь. Через восемь часов тебя сменит Элкон, потом Родрик…

— Нет, — сказала Яна. — Сама дождусь. Великое дело — дня три без сна. На что у нас «синий эликсир»?

Сварог слегка пожал плечами: ну, в конце концов, ничего страшного не произойдет, если суток трое просидит на «синем

эликсире». По собственному опыту знал: после него будешь без просыпу дрыхнуть пару суток, и только…

— Я тебя не буду целовать на прощанье, — сказала Яна. — В Каталауне это считается дурной приметой…

— Я помню, — сказал Сварог. — И правильно, что не будешь. Ты меня и перед Токерангом не целовала — и все обошлось в лучшем виде… Может, все же улыбнешься напоследок?

Она добросовестно попыталась улыбнуться. Получилось, хотя улыбка и выглядела *тускловато.* Сказала чуточку жалобно, глядя ему в глаза:

— Только ты возвращайся, пожалуйста…

— О чем разговор, — сказал Сварог. И добавил, вспомнив своих любимых авторов: — Знаешь, еще не было случая, чтобы я не вернулся… Ну, я пошел.

Прекрасно зная, что не стоит надолго *размазывать* прощание, он повернулся и вышел в тополевый лес. Остановился перед шеренгой, придирчивым командирским взглядом окинул свое невеликое, но безусловно доблестное воинство. Он сделал все, что мог, когда снаряжал отряд: мечи из толладской стали, кинжалы, тесаки (которые буквально через минуту пригодятся), у каждого автомат из арсенала «Рагнарока», а за пазухой — пистолет того же происхождения с запасными обоймами. Сам он сунул еще в карман две гранаты — и две отдал Шедарису, единственному из всей шестерки, кто навострился обращаться с талерскими ручными бомбами. Бони, обвешанный запасными магазинами в виде усеченного конуса, вместо автомата держал на плече ручной пулемет — легкий, красивый, как многое сделанное человеком оружие. Шедарис еще прихватил свой старый боевой топор. Сам Сварог меча брать не стал — успел уже привыкнуть к Доран-ан-Тегу. А Паколет повесил через плечо перевязь с полудюжиной метательных ножей — с ножом он до сих пор управлялся гораздо лучше, чем с мечом, хотя и меч, конечно, Сварог его заставил взять.

Ну что же, против *местных* хватит с лихвой — вооруженная таким образом семерка способна, пожалуй, разогнать всю здешнюю армию. Вряд ли она когда-нибудь сталкивалась с опытным пулеметчиком, которого поддержат шесть автоматов. А вот что будет в замке — предсказать решительно невозможно…

— Вижу я, кое-кто до сих пор недоумевает, зачем эти тесаки? — сказал он. — Будем делать затесы на деревьях, как можно чаще. Компас компасом, а прадедовские средства надежнее… Достали тесаки — и шагом марш!

Двинулись. Мелькали широкие лезвия тесаков, пластами отлетала серая кора. Шагая чуть в стороне, как и полагается

командиру на марше, Сварог подумал: даже по сравнению с «Рагнароком» рейд начался в комфортнейших условиях: оружия навалом, карта точнейшая, компас здесь отлично работает, заклинания на извлечение из воздуха еды и воды — тоже, уардах в двадцати впереди летят два Золотых Шмеля, держась низко над кронами деревьев, так что врасплох их не застанешь. Даже шагомер красуется на правой ноге у бедра — поговорил с Марлоком, тот быстро отыскал в Музее техники подходящий образчик и скопировал у себя в Технионе.

Но, несмотря на всю эту благодать, расслабляться не стоит — все это помогает в дороге, а вот что будет в замке…

Лошадей бы для ускорения пути… Верховых тут взять неоткуда, но впереди несколько деревень, сойдут и крестьянские, а все могут ехать охлюпкой, жизни научила. Сварог наштамповал в Хелльстаде и прихватил с собой сотню золотых монет — фантазийных, с филином на лицевой и цифрой «5» на оборотной стороне. Золота здесь могут и не знать, но если знают, есть шанс перейти в кавалерию — самый темный крестьянин в золоте обычно понимает.

Сигнал от Шмелей! Ага, впереди что было духу улепетывает здешний невысокий олень, закинув рога на спину. Значит, и тут, в относительном редколесье (по сравнению с чащобами правой верхней половины Заводи) дичина водится. Будем иметь в виду, если умение ларов вдруг откажет. По той же причине Сварог прихватил запас сигарет, а прочих курящих — Шедариса и Паколета — заставил взять запас табачку к их трубкам. Мало ли что. Фляги с водой на поясах — по той же причине. Старый девиз: надейся на лучшее, но готовься к худшему…

Шагалось легко — ни густого кустарника, ни зарослей травы, то и другое присутствует, но в меру. Непривычное щебетанье незнакомых птиц, умолкавших и разлетавшихся, если оказывались на пути — знакомы с человеком, ага… Лес порой сменялся большими равнинами с редкими деревьями и зарослями кустарника — Сварог и в нем приказывал прорубать узкую просеку. Конечно, они таким образом оставляли за собой след, но обычной погони он не особенно и опасался, а тот другой (кто бы он ни был, Зодчий или кто-то еще, замок безусловно обитаем), не исключено, их уже засек. Правда, Сварог ничего такого не чувствовал, но кто его знает… Время от времени включая нужное умение, он ни разу не ощутил *присмотра,* но всякий раз возникал крепкий, устойчивый запах падали…

Шагалось легко. Золотой Филин в заплечном мешке весил не так уж много, ну, а к тяжести автомата на шее он привык так давно, что и чувствовать ее перестал. Через три с лишним часа,

когда отшагали почти восемнадцать лиг, он распорядился устроить привал — его команда не подавала признаков утомления, но тем не менее он заранее разбил путь на три участка: дневной привал, потом ночной, а там последний переход, точнее, перелет…

Перекусили, напились, отдохнули квадранс — и Сварог снова скомандовал поход. Двинулись. Примерно через полчаса Акбар, чутко шагавший впереди, вдруг ринулся куда-то вправо, превратившись в темную туманную полосу — и, вернувшись таким же образом, уселся перед Сварогом с крайне довольным видом. В зубах у него висел задушенный заяц — здоровенный, серый. Похвалив его, Сварог велел зайца ободрать, освежевать — и Паколет понес его в заплечном мешке, завернутым в листья здешнего лопуха — до вечера не протухнет, настоящее мясо всегда лучше стандартных яств, изготовляемых магическим образом.

Предпоследнюю на маршруте деревню они далеко обошли стороной по редколесью — Сварог возлагал надежды на последнюю перед откосом. Тот же житейский опыт: чем глуше деревня, тем раскованнее в некоторых смыслах тамошний народец, тем меньше задает вопросов, тем легче идет на разные сделки…

Широкая равнина лиг в несколько длиной, деревьев нет вообще, только кустарник. У Сварога на карте она была, так что он ее ждал. И приказал ускорить шаг — в их положении открытые места лучше проскакивать с ходу…

Собачий лай далеко слева, едва слышный?! Да, никаких сомнений… Сварог проворно послал в ту сторону Шмелей, приказав им подняться уардов на сто, чтобы болтались незамеченными. Поднял руку, приказывая оставаться на месте, когда увидел то, что видели Шмели. Все равно бросаться бегом в сторону леса поздно — до него далековато, конные опередят…

Конные крупной рысью спускались с высокого, пологого склона слева. Вперед вырвались трое всадников в тусклых кольчугах, шлемах горшком, перед ними неслись на длинных поводках высокие, поджарые псы. Следом, отставая корпуса на три, двигалось еще не менее полусотни. Чем менее крутым становился склон, тем они убыстряли аллюр, перейдя уже на короткий галоп.

Они уже менее чем в лиге, а до леса — не менее трех, так что он поступил правильно. Полсотни конных — ерунда. Мечта пулеметчика…

— Конница слева! — спокойно сказал он. — Всем залечь, принимаем оборону! Стрелять только по моей команде! Бейте в

первую очередь по лошадям…

— Ну, это нашенская игра… — проворчал Бони, крепко утвердив на земле пулеметные сошки, аккуратно разложив рядышком запасные магазины.

Сварог похлопал Акбара по шее, мысленно приказывая лечь. Тот повиновался. Да, вот именно — в первую очередь по лошадям. Он давно усвоил: при всех своих достоинствах лошадь обладает одним крупным недостатком — очень уж *слаба* на пулю. Даже при не таком уж тяжком ранении останавливается, а то и вообще заваливается наземь. Следует перевести в пехоту как можно больше скачущих прямо к ним, а уж с пехотой управиться будет полегче. Что же, каким-то образом увидели? Никак не могли их заметить издали обычным человеческим взглядом, но прут прямо на них, целеустремленно, словно идущий в атаку торпедный катер… Надо будет постараться взять «языка», а уж разговорить-то его будет нетрудно…

Так… Всадники уже должны их видеть — они в своей темной дорожной одежде выделяются на фоне ярко-зеленой травы, как на ладони. Ничего, для выстрела из лука слишком далеко… да и для прицельной стрельбы из их стволов тоже. Еще с пол-уарда — и они окажутся достаточно близко, чтобы начинать мясорубку. Ну, да, мясорубку — а чего вы еще хотели на войне?

— Та-ак… — процедил он сквозь зубы.

Трое с собаками резко осадили коней так, что те присели на задние ноги, молотя передними в воздухе, еще не достигнув намеченной Сварогом дистанции. Остальные тоже на всем скаку остановили разогнавшихся коней. Встали, растянувшись неровной линией. Только собаки никак не могли уняться, ожесточенно рвались вперед, доносился их лай и визг, они вставали на задние лапы, хрипели, удивленные и разозленные неожиданной задержкой. Всадники натягивали поводки, слышно было, как они орут на разгоряченных псов.

Вперед выехал субъект несомненно командирского вида: у него одного по кольчуге от плеча к плечу протянулся ряд из полудюжины блях золотистого цвета — ага, знают золото? — а горшкообразный шлем украшен невысоким гребнем, сдается, из белого конского волоса.

Чтобы лишний раз не *казать* здесь магию, Сварог не стал пускать в ход «дальнее видение» — поднял к глазам бинокль, обычный десятикратник без капли магии. Так… Тот тоже поднял к глазу подзорную трубу длиной с пол-локтя. Как порой случается, казалось, что они смотрят друг другу прямо в глаза. Ничего диковинного: не такое уж пожилое лицо с вислыми усами, кольчуга вычищена лучше, чем у рядовых, синий плащ, меч на

поясе, синие шаровары… Плащи и шаровары у всех одинаковые — форма? Похоже.

Казалось, они находятся от Сварога уардах в пяти. Лица ничуть не испуганные, просто напряженные, злые. Этот хрен с горы тоже должен хорошо рассмотреть их всех, словно бы с расстояния в несколько уардов…

«Игра в гляделки», прикинул Сварог, продолжалась с минуту. Потом предводитель резким движением вогнал трубу в кожаный чехол у седла, резко развернул коня, закричал что-то, повелительно махая рукой, — и вся орава галопом ринулась прочь, вверх по высокому склону. Стрелять им вслед было бесполезно: далеко, собьешь пару-тройку последних, от чего никакого толку.

— Встали! — скомандовал Сварог. И, чтобы избежать ненужных дискуссий, неизбежных в такой ситуации, продолжал жестко: — Быстрым шагом к лесу, поднажми!

Приказ, конечно, был выполнен беспрекословно. Сварог размашисто шагая справа от цепочки сподвижников, ломал голову: что же произошло? Почему они драпанули? Знакомы с автоматическим оружием? Откуда? Неужели здесь часто шляются чужаки со скорострелами? Или, по крайней мере, были здесь совсем недавно, оставив о себе хорошую память? Но откуда они взялись, такие? Уж безусловно не с Талара и не с Сильваны, хотя как знать — пулеметы и там имеются, пусть гораздо более громоздкие и в малом числе… Не стоит ломать голову, все равно разгадке по скудости информации не поддается. Одно ясно: теперь об их присутствии знают. Интересно, как отреагируют? Бросят вдогонку отряд покрупнее? Все равно будет мясорубка… Черт, непонятно, чего и ждать…

Акбар вдруг остановился, повернулся вправо, вбирая воздух расширившимися ноздрями, весь вытянувшись в струнку, — что-то почуял… Сварог моментально послал в ту сторону Шмелей. Не прошло и минуты, как он распорядился:

— Сворачиваем в ту сторону, живенько! Кажется, есть «язык»! Бегом!

Они не пробежали в ту сторону и пары сотен уардов, как из густого кустарника выскочил человек без шапки, в темно-зеленом, припустил что есть мочи к лесу, держа в руке меч, как нож — острием к земле. Сварог, да и вся Странная Компания наддала. Кто бы это ни был, это готовенький «язык», и не похож на простого обывателя — с чего бы простому обывателю шататься вдали от обитаемых мест с мечом без ножен?

Они постепенно нагоняли. Бегущий то и дело оглядывался — уже можно рассмотреть, что он, несмотря на бороду и усы, вовсе

не стар (вон как чешет!).

Ни к чему эта игра в догонялки… Жестом остановив рванувшегося было вперед Акбара — меч все-таки, — Сварог крикнул:

— Мара! Бери его!

Лучше нее ни у кого не получится… Мара *рванула* в хорошем спринтерском стиле, далеко опережая остальных, быстро догнала отчаянно озиравшегося бегущего, сбила подножкой, насела, вмиг выбив меч, заломив руку, уткнув физиономией в траву. Примерно через квадранс минуты подоспели и остальные. Встали полукругом, наведя стволы.

— Да ладно вам, — сказал Сварог. — Нашли монстра… По сторонам лучше поглядывайте…

Послав Шмелей описывать круги высоко в небе, чтобы заранее высмотрели любого, кто приблизится, неважно, зверь или человек, поднял меч, осмотрел. Самый обычный меч, сработанный погрубее таларских, с медной рукоятью, обтянутой кожаным ремнем. Ни в нем самом, ни в пленнике — ни капли магии.

— Отпусти-ка его, — распорядился Сварог. — И присматривай, чтобы опять в лес не кинулся… Пусть лучше сидит, так спокойнее. Эй, ты! Ты меня понимаешь?

Пленник, усевшись на землю и уронив руки меж колен, уставился на него так, что стало ясно: понимает. Таращится с явной неприязнью — как всякий на его месте. Вряд ли старше тридцати, волосы и короткая бородка взлохмачены, но не выглядят давно нестриженными — похоже, совсем недавно покинул места, где есть цирюльники…

— Понимаю, что тут непонятного… — проворчал пленник.

Он на непривычный манер глотал иные согласные, но язык был тот же самый.

— Вы откуда такие?

— Если совсем просто, то — не отсюда, — ответил Сварог.

— Это я и сам вижу…

Сварог кое-что сопоставил и спросил:

— Это не за тобой ли гнались? Целая орава на конях и в кольчугах, с собачками?

Пленник закусил губу и промолчал.

— За тобой… — уверенно сказал Сварог. — Беглый, значит… А что натворил, если не тайна? Разбойничал? С другой стороны, разбойник давно смастерил бы к мечу какие-никакие ножны… Ну, что молчишь? Мы к здешним делам никакого отношения не имеем, у нас свои дела. А вот узнать побольше о том, что здесь творится и как вы тут живете, хотелось бы. Так что не молчи. Мы

— люди ко многому привычные и разговорить тебя сумеем быстро и без всякой доброты… Без всякой… — жестко повторил он. — Уяснил?

— Еще и вы на мою голову…

— Да пойми ты, — сказал Сварог. — Ты нам не нужен. Узнать бы о том, о сем — и можем расходиться. И меч отдадим, зачем он нам, своих девать некуда… Ну, поговорим по-хорошему, пока не началось по-плохому?

— Поговорим…

— Вот и ладненько, — сказал Сварог. — Только на ходу. Нам здесь тоже не следует рассиживаться.

— Что, и вас ловят?

— Вроде бы пока нет, — сказал Сварог. — Но могут и начать… — и повернулся к своим: — Быстрым шагом в лес! Мара, идешь следом и приглядываешь за нашим новым знакомым, чтобы не задал стрекача. — Кивнул пленному: — Пошли. Вряд ли тебе самому хочется тут торчать, как таракану на столе…

Он усмехнулся — пленник вскочил и, когда все тронулись, зашагал рядом со Сварогом. Шаровары и куртка навыпуск из темно-зеленого сукна, со шнуровкой вместо пуговиц, добротные кожаные сапоги. Не из благородных, конечно, но все же не в домотканине и не в грубых крестьянских башмаках — а вот в здешнем городке многие так одеты, в отличие от крестьян. Шмели немало засняли…

— Как зовут?

— Томир…

— Чем на жизнь зарабатываешь?

— Оружейник. По щитам.

— Из города?

— Ну…

— Значит, не разбойник?

— И близко нет…

Он нисколечко не врал.

— Ну, а чего же в бега пустился? — сказал Сварог. — Налоги недоплатил? Соседа по пьянке пристукнул? Или еще что-то утворил?

— Ничего я не творил. Совсем…

И снова не врал, обормот, ни капельки.

— Запомни на будущее, Томир, — сказал Сварог. — Я умею безошибочно определять, когда мне врут, а когда говорят правду. Ты пока что ни разу не соврал. Давай и дальше в том же духе. Значит, ничего не натворил…

— Маг, что ли?

— Не совсем, — сказал Сварог. — Так, умею кое-что, но не

настолько полон самомнения, чтобы именовать себя магом… Значит, здесь есть маги?

— Парочка у господина графа… Ну, и по деревням кое-что знают… Вы кто?

— Об этом потом, — сказал Сварог. — Так что случилось?

— Прилетели слуги Господина Алых Снегов. Как всегда, раз в две недели. Чтобы тянули жребий. Обычно они летают по деревням, но порой и в город заявляются…

— А Господин Алых Снегов живет в замке, вон в той стороне? Той самой, куда мы идем? Как раз посреди алых снегов?

— Ну да. Там вроде бы есть замок, хоть никто его и не видел. А говорите, ничего здесь не знаете…

— Я же не сказал, что совсем ничего, — добавил Сварог. — Значит, господин граф… Как я понимаю, это его замок посреди городка, и он тут полный хозяин?

— Холуй он в бархате, а не хозяин, — зло бросил Томир. — Настоящий хозяин здесь — Господин Алых Снегов. С начала времен. Никто его не видел, но он там живет…

— Прилетали, говоришь? — спросил Сварог. — На этаких дощатых корабликах с мачтами без парусов?

— Ну…

— Давай теперь подробнее, что за слуги, что за жребий…

Томир заговорил — порой захлебываясь словами, зло, даже зубами поскрипывая. Сварог догадался правильно — корабли оказались летучими. Те, кто прилетал на них, ничем не отличались от людей — разве что одеждой. Сами они оружия не носили, но на подмогу им моментально выезжала дружина графа.

Эти *летуны,* если называть вещи своими именами с незапамятных времен прилетали раз в две недели, чтобы брать дань живыми людьми. Всякий раз уводили с собой несколько человек, причем не хватали кого попало. В каждой деревне стояла бочка, а то и две-три в тех, что покрупнее — а в городе целых десять. В обычное время они были наглухо закрыты и круглосуточно охранялись графскими дружинниками. Когда прилетали… эти, бочки открывали. К ним сгоняли народ (за исключением, понятно, графской семьи, его дружинников, слуг, придворных и их семейств) — народ обоего пола, от четырнадцатилетних до старых, способных ходить. Выстраивали в длиннющие очереди, и люди доставали из бочек деревянные шарики — обычные некрашеные, но среди них было несколько черных. Тех, кто вытянул черный, тут же связывали и бросали на корабли. Никто никогда не слышал, чтобы кто-то из увезенных возвращался.

— Интересно, к чему такие сложности? — вслух подумал

Сварог. — Можно было хватать первых попавшихся, коли уж ваш *настоящий* хозяин всесилен…

Томир горько усмехнулся:

— Давным-давно, в те самые незапамятные времена объявлено: Господин Алых Снегов суров, но справедлив. Произвола не чинит. В услужение к себе берет тех, кто сам вытянул жребий… Только никто не верит, что это — в услужение. Зачем ему столько слуг да каждые две недели новые и новые? Шепчутся, что он — людоед. О многом шепчутся, но никто толком не знает…

Сварог подумал, что дело тут отнюдь не в справедливости. Просто-напросто при *такой* системе гораздо труднее поднять людей на серьезный мятеж. Такова уж человеческая натура: каждый считает, что несчастливый жребий выпадет другому. А хватай они кого попало, еще неизвестно, как обернулось бы…

Три дня назад, когда *эти* прилетели в очередной раз, все повторилось, как обычно. Сам Томир жребия не тянул, как и кое-какие другие мастера, но на членов их семей такая льгота не распространялась. Черный шарик вытащила его жена… И тихого оружейника прорвало: отведя трехлетнего сынишку к бабке, он подстерег в переулке одинокого дружинника, двинул по голове колом, выдернул из ножен меч, вскочил на коня и ринулся прочь из города. Рассчитывал пробраться в «Закатную Чащобу» — судя по его описаниям, те самые дремучие леса в верхней правой четвертушке прямоугольника. Там издавна обитали не такие уж многочисленные, но *упертые* беглецы, подавшиеся в леса кто по той же причине, что и Томир, кто по другим, не менее серьезным. Жили в искусно замаскированных землянках, кормились охотой. Кто-то просто отсиживался всю оставшуюся жизнь, а кто и нападал порой на графских людей, чтобы мстить, мстить и мстить. На них нередко устраивали облавы графские дружинники с собаками, но, как и следовало ожидать, борьба с незапамятных времен шла с переменным успехом: порой охота возвращалась с пленными (которым лучше бы умереть еще в лесу), а порой из леса не возвращались дружинники.

В Чащобу Томир пробраться не сумел — наткнулся на графский разъезд, моментально вызвал подозрения — и поскакал на полдень, в места малонаселенные и все же лесные. Укрыться там было гораздо труднее, но ничего больше не оставалось. Он рассчитывал отсидеться, а потом как-нибудь все же пробраться в Закатную Чащобу, хотя бы прибившись к рыбакам (река текла с полудня на полночь, неизвестно где начинаясь и неизвестно где кончалась). Загнал коня, шел на своих двоих…

«Ну что же, — подумал Сварог, — во все времена и под

любыми звездами хватало таких вот беглецов — всегда и везде найдутся люди, не желающие идти на бойню, как бараны. Или попросту те, кому встали поперек горла существующие порядки, особенно когда это задело их семьи. Ничего нового…»

— А на крупные мятежи, что, никогда не поднимались? — спросил он.

Томир зло сверкнул глазами:

— Последний случился при дедушке, когда он был мальчишкой. Всякий раз прилетали слуги Господина Алых Снегов, метали молнии с кораблей… Вот руки и опустились…

Сварог вспомнил: на всех кораблях, по четыре с каждого борта, имелись какие-то странные предметы: нечто вроде прямоугольных ящиков с короткими трубами конусом, косо направленные вниз. Теперь понятно…

— Кто вы все-таки? — спросил Томир настойчиво.

— Странники, — пожал плечами Сварог.

— Из *большого* мира?

— Можно и так назвать.

— Значит, старики не врали? Есть *проходы?*

— Если знать, где искать, — так же уклончиво ответил Сварог.

— У нас многие искали, но я не слышал, чтобы кому-то повезло… Хотя, если кому повезло, он наверняка не возвращался, чтобы рассказать… А идете куда?

Сварог не видел смысла что-то скрывать от человека, с которым случилось *такое.*

— Да тут недалеко, — хмыкнул он. — В замок этого вашего Господина. Чтобы оторвать ему голову…

Томир уставился на него округлившимися глазами:

— Но это же Господин! Непобедимый…

— Случалось нам побеждать и непобедимых, — сказал Сварог. — Веришь ты или нет, но случалось…

— Вы что, Светлые Мстители из сказок?

— Я этих сказок не слышал, — сказал Сварог. — Но если рассудить — нечто подобное…

— Вам не пройти, — сказал Томир убежденно. — Там, впереди, лежит Низина, где полно зверья…

Сварог усмехнулся:

— А если у нас есть способ ту Низину благополучно преодолеть? Что тогда?

— Все равно, остается замок… И Господин… Вроде бы в старинные времена кто-то пытался туда пройти — иногда здешние, а иногда чужаки вроде вас. Только это все старые сказки…

— Попробуем, — усмехнулся Сварог.

— Вообще-то при вас столько всего странного… Так что кто вас знает… — его глаза вдруг загорелись решимостью. — Отдайте меч! Я с вами.

— Хорошо подумал? — спросил Сварог. — Дело опасное, сам говоришь… Мало ли как обернется…

— Терять нечего, — сказал Томир.

Сварог видывал такие лица — лица людей, которым абсолютно нечего в этой жизни терять. Кивнул:

— Ладно. Как хочешь. Меч, извини, отдадим чуть погодя… Ты с ним, кстати, умеешь обращаться?

— Не так чтобы… Но рубануть смогу.

Как боевая единица этот парень никакой ценности, пожалуй что, не представлял. Но не гнать же его в неизвестность? К тому же человек с мечом (которым, правда, не владеет), одержимый жаждой мести, — все же не бесполезная обуза. Не может оказаться так, чтобы *совсем* не пригодился…

— Золото у вас в ходу? — спросил Сварог. — Драгоценности, монеты…

— Больше драгоценности. Там, на полуночи есть рудники, хотя их почти дочиста уже выбрали… Монет мало. Медь и серебро главным образом. Мне за золотой месяц трудиться надо, а другим и побольше… А что?

Не ответив, Сварог спросил:

— Погоня за тобой будет?

— Вроде бы должна. Господин граф не любит беглых, их следует непременно ловить — и, публично, в назидание другим… В Закатную Чащобу они за мной одним не полезли бы всего-то полусотней — там из любого куста стрела может вылететь, и ищи потом по буреломам… А здесь, на полудне, леса пореже, пустошей много, тут ловить гораздо удобнее. Они ж и ловили, вы сами видели. Только не пойму, отчего они вдруг ускакали…

— А что, не было причин нас пугаться? — усмехнулся Сварог.

— Что-то я не вижу таких причин… Ну, чужаки, ну, штуки у вас всякие необычные… а что за штуки, к слову?

— Да так, — сказал Сварог. — Разные необходимые вещи. Значит, испугаться нас они не могли?

— Никак, — уверенно сказал Томир. — Ничего не понимаю…

«Я тоже, — подумал Сварог. — Если они не видели в нас и нашем снаряжении ни малейшей угрозы, отчего же командир быстро и не колеблясь увел отряд? Никак он не мог знать о нас заранее. Или мог? И западня давно готова? Поди догадайся…»

— Значит, золотые монеты есть… — сказал он задумчиво. — А крестьяне как к ним относятся?

— Как к сокровищу, — ответил Томир. — Всю жизнь при любой возможности копят по штучке, чтобы детям оставить. Не все они беднота, есть и зажиточные. Поколениями клады копят…

— Это хорошо, — сказал Сварог.

— А что задумали?

— Да что уж от тебя скрывать, — сказал Сварог. — Коли ты с нами одной веревочкой повязан… а вздумаешь бежать, далеко не убежишь. Там, впереди, есть деревня. Последняя перед Низиной. Вот я и прикидывал, не купить ли там лошадей, чтобы быстрее добраться.

— В Низину на лошадях не спуститься. Я сам и близко не бывал, но говорят: человек там еще кое-как пройдет, а вот лошадь ни за что…

— Низину мы и без лошадей преодолеем, — сказал Сварог. — А вот до нее на лошадях быстрее доберемся. Понятно?

— Это-то понятно… Я сам так спешил, что загнал коня… Того, что у дружинника взял…

— Ну, мне загонять коней смысла нет, — сказал Сварог. — Просто выйдет быстрее.

— Оно конечно…

— Как думаешь, крестьяне за золото лошадей продадут? Золото у нас найдется.

Какое-то время нежданный попутчик искренне раздумывал.

— Вот если честно, то не знаю, — сказал он наконец. — По совести, я в деревнях редко бывал, и то в тех, что недалеко от города. Главным образом в одной и той же: у дитенка что-то с животом, лекарь советовал утиными яйцами кормить, да свежими. Короче говоря, пригородных я знаю, а в глуши — кто их знает, врать не буду… Пригородные бы вам за золото все отдали, знают, что новых быстро прикупят и поимеют на этом выгоду. А эти глухоманщики… Говорят, они другие какие-то, так что не стану врать…

«Тоже знакомо, — подумал Сварог. — Пригородный крестьянин и крестьянин из глуши — два разных человека. Другие нравы, образ мышления другой, еще многое. Но ведь золото — везде золото? Ладно, попытка — не пытка…»

Он развернул карту (Томир смотрел на нее так, что сразу стало ясно: отроду карт не видел), присмотрелся и прикрикнул:

— Шире шаг! Недолго осталось…

…К деревне они вышли через час. Лес кончился, потянулись поля, засеянные чем-то светло-желтым, с колосками, — Сварог в сельском хозяйстве не разбирался совершенно, что в прошлой жизни, что в нынешней, и определить, что тут посеяно, не мог. Вспомнив, что двое из Странной Компании — деревенские,

обернулся к сподвижникам:

— Что это тут растет?

— Пшеница, — уверенно сказала Тетка Чари. — Давно не видела, но с детства помню…

Бони сорвал ближайший колос, размял его в ладонях, сдул шелуху и высыпал зерна в горсть. Присмотрелся: — Она самая. Только дохловатая она какая-то, видимо, земля то ли бедноватая, то ли истощенная. У нас в Скатуре колосья по грудь стояли…

И помрачнел. Не один год прошел, а он до сих пор мрачнел, вспоминая Скатур…

— Ладно, в конце концов, какая нам разница? — сказал Сварог. — Нам ее не покупать… Пошли, вон дома виднеются…

Поле протянулось далеко вправо, и пришлось его долго обходить по дикой траве. Наконец наткнулись на утоптанную тропинку и пошли по ней к деревне. Издали можно было рассмотреть, что домишки довольно убогие, крытые и залатанные кое-как, чем придется, от соломы до почерневшей от дождей дранки.

— Убогая деревушка, точно, — сказал Бони с некоторым превосходством. — Земля скудная, сразу видно, под пшеницу и не особо годится, здесь бы картошку… Эй, беглый! У вас картошка растет?

— А это что такое? — с искренним недоумением спросил Томир.

Бони фыркнул, но промолчал.

— Вот что, деревенские, — сказал Сварог, — подскажите-ка, как нам, странно выглядящим чужакам, лучше всего держаться, чтобы от нас не разбежались и вилами швыряться не начали?

— Лучше всего в деревню не входить, — сказал Бони. — Встать у околицы, высмотреть кого-нибудь и попросить старосту кликнуть. В любой, самой задрипаной деревушке, есть староста, а он всегда поумнее и посообразительнее остальных, иногда и мир повидал, а уж как золото звенит и каково оно на зуб, знает непременно. На то он и староста…

— Пожалуй, так и надо, — кивнул Томир.

— Ну, поверим экспертам… — сказал Сварог. — Акбара бы не испугались, вон Томир на него до сих пор косится…

— А кто бы не косился? — смущенно пожал плечами Томир. — Убедительная собачка, я про таких только в сказках слышал…

— Диспозиция такая, — сказал Сварог. — Мара, убери Акбара в арьергард, он послушается. Становимся на околице и зовем старосту. Если начнется какая-нибудь заварушка, стреляйте поверх голов и под ноги — хватит этого, я думаю… Только если

будет что-то серьезное, бейте на поражение. Кольчуги наши против вил в бок не пляшут…

Перед выходом, вспомнив тех же любимых авторов, хотел поначалу заменить боекомплект с «Рагнарока» на другой, с серебряными пулями — в Хелльстаде и не то могли сделать. Но, поразмыслив, отказался от этой идеи: серебро отлично действовало против мелкой нечисти, а вот на Воплощения, экземпляры, так сказать, особо приближенные к Князю Тьмы, могло и не повлиять, как не влияло на него самого. Однако все же велел всем поддеть под кафтаны серебряные кольчуги, и сам надел — мало ли что, вдруг хоть чуточку поможет. Монастырские хроники пишут, что в свое время в Брелганда пускали стрелы с серебряными наконечниками, но они на него действовали не сильнее обычных. И все же… Вполне может оказаться, что тут есть своя *мелкая* нечисть, мало ли кто у Господина Алых Снегов в прислужниках состоит. Но как бы то ни было, а удар вилами, как и любым холодным оружием серебряная кольчуга держит в десять раз хуже, чем стальная, так что излишне увлекаться гуманизмом в случае чего не следует…

— Деревня, конечно, убогая, — сказал Сварог, — но конского навоза там и сям немало валяется. Есть лошади…

Они подошли совсем близко. Замурзанные детишки в длинных рубахах, без штанов, игравшие за околицей с каким-то корявым пеньком, увидели их и Акбара, которого никак не спрятать за спинами, — подхватились дружно и с визгом улепетнули по узкой улочке, свернули за угол, пропали с глаз.

— Сейчас объявятся, — фыркнул Бони. — Уж сорванцы наговорят…

— Аккуратнее, если что… — сквозь зубы сказал Сварог.

События стали разворачиваться даже быстрее, чем он прикидывал — из обеих боковых улочек за околицу хлынула целая толпа, остановилась вплотную к крайним домишкам. Людей понемногу прибывало. Причем каждый что-то да прихватил — вилы, топор, цеп, даже ухваты и простые колья, явно только что выдернутые из заборов, попадались. Вдалеке, за спинами, маячили женщины и дети.

Впрочем, вели они себя пока что спокойно: угрожающих выпадов не делали, молчали, стояли, подталкивая друг друга локтями и, таращась на чужаков со страхом. Оборванцев нет, но сразу видно, что благополучием тут и не пахнет: сплошь домотканина с веревочками вместо пуговиц, грубые разбитые башмаки, народец подтощалый, щуплый…

В толпе, примерно посередине, началось какое-то движение. Ага! Крестьяне расступались перед субъектом, выглядевшим не в

пример более довольным жизнью: физиономия от жира не лоснится, но упитаннее очень многих, одежда из сукна, пусть и не первосортного, даже похуже, чем у Томира, с роговыми пуговицами, на шее — тонкая серебряная цепочка с какой-то небольшой бляхой. Ну, если это не староста, то они — ансамбль песни и пляски…

— Староста? — спросил Сварог вежливо.

Его, а следом и остальных, ощупали подозрительным взглядом цепкие глазки. Староста сделал несколько шагов — хотя, видно было, ему страшновато, — и оказался уардах в трех от Сварога. Несомненно, особое впечатление на него производил Акбар — староста старательно делал вид, что не видит никакого пса размером с лошадь, но то и дело косился в его сторону.

— Вы здесь будете староста? — так же вежливо спросил Сварог.

— Оно, конечно…

— Мы люди мирные, — сказал Сварог. — Собачку редкостную вот ведем продавать господину графу… Нам бы лошадей купить, староста, по одной на человека.

— Нету у нас верховых и не бывало… — сказал староста осторожно. Толпа безмолвствовала.

— А нам верховых и не нужно, — сказал Сварог. — Любые сойдут. Лишь бы не клячи. Чем уплатить, найдется…

Он вынул из кармана горсть золотых и неторопливо принялся их пересыпать с ладони на ладонь. Судя по глазам старосты, он прекрасно соображал, что видит не свинец…

— Называйте цену, староста, — сказал Сварог. — Торговаться не станем, нужда у нас в лошадях. Господин граф ждет…

У старосты был вид человека, который на что-то решился. Тихо, с причудливой смесью робости и решительности, он сказал:

— Шли бы вы отсюда, чужаки, со своим золотом. Вот вам мое первое и последнее слово и другого не будет…

Обернувшись к толпе, он, несомненно, подал какой-то знак — толпа загомонила, заорала, потрясая своим импровизированным оружием, даже придвинулась на шажок, не более. Но ясно было: по новому знаку могут и броситься. Мечи и кинжалы им, конечно знакомы, но автоматы и пулемет Бони они вряд ли воспринимают как оружие, что должно придавать им смелости. Рожа у старосты непреклонная, диспуты устраивать не намерен…

Сварог какое-то время прикидывал варианты. Можно, конечно, разогнать их автоматными очередями над головами и под ноги — вот тут уж точно разбегутся. А что потом? Ходить по деревне, самим разыскивая лошадей? Могут прилететь и вилы в спину, и топор из-за угла. Даже для Сварога это опасно, что

говорить об остальных? В конце концов, нет у них *крайней* потребности в крестьянских сивках-бурках, пешком выйдет на несколько часов дольше, только и всего. Все равно придется устраиваться на ночлег поблизости от Откоса, или, как он тут именуется, Низины… Словом, не особенно-то и хотелось. Была бы честь предложена, а от убытка Бог избавил…

— Ну ладно, что поделать, — примирительно сказал Сварог, поднимая ладонь. — Уходим, староста, уходим…

Они отходили бочком-бочком, зорко следя за землеробами, держа пальцы на спусковых крючках. Толпа безмолвствовала, как народ в известной трагедии, разве что двое-трое — видимо, самые отчаянные — грозно помахали вилами-топорами. Сварог ухмыльнулся, покрутил головой: были у него стойкие подозрения, что этот случай войдет в деревенский фольклор изрядно приукрашенным, с массой живописных деталей: бравые землепашцы отважно изгнали попытавшихся было сунуться в деревню чужаков самого жуткого облика, да вдобавок пришедшее с ними омерзительное чудище… Бывает такое с деревенским фольклором.

Деревня осталась далеко позади. Бони выругался простыми крестьянскими словечками, пожал могучими плечами:

— Ну, уроды корявые… Золота они не берут… Сразу ведь определил, что это золото…

— Кто их знает… — сказал Сварог. — Глухомань-то особенная — последняя деревня перед Откосом… Пугливые они тут, я так думаю… — Он посмотрел на часы, сверился с картой, с компасом, показал направление: — Вон туда. Обычным шагом — нам все равно на ночь привал делать. Попадутся деревья — не забывайте затесы делать и кустарник рубите…

Глава XII
ТРИ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

На ночлег остановились практически там, где Сварог и рассчитывал, сверившись с картой и шагомером: лигах в пяти от края Откоса, на опушке довольно густой рощицы (их несколько было поблизости разбросано). Ни один хищник так и не попался. Томир сказал, что здесь, на полудне, их и не бывает меж Чащобой и этими землями — густонаселенные места, пашни, конезаводы, деревни и пастбища, где любого случайного хищника постараются ухайдакать очень быстро. А вот вторым зайцем разжились, опять-таки трудами Акбара. Жирные были зайцы, упитанные, видимо, здесь сейчас стояло соответствовавшее осени время (Томир не знал никаких таких «смен времен года», попросту не понимал, о чем его спрашивают. Твердил: так, как сейчас, — круглый год).

Зайцы тут же пошли в дело. Пока еще не окончательно стемнело, Шедарис собрал в рощице сухих веток, нарубил с поваленного дерева столь же сухой коры и проворно развел бездымный костер, предварительно с большой сноровкой вырыв для него топором яму, чтобы со стороны не видно было пламени. Бони по дороге надрал и распихал по карманам несколько пучков зелени, уверенно объяснив, что это дикий чеснок, дикий укроп, а две остальные травки на Таларе прекрасно известны и тоже годятся как приправы.

Таган, котел, миски и ложки обеспечил Сварог. Как и хлеб. Заячий супчик получился на славу. Хлебали его спокойно, не прислушиваясь к ночной тишине и уж тем более не озираясь, — все равно темень стояла непроглядная, хоть глаза к ней чуточку и попривыкли. Один Сварог с его «ночным зрением» видел, как днем. Он не опасался визита непрошеных гостей, тех самых, которые хуже татарина, — за два дня наблюдений Шмели ни разу не засекли патрулировавшие бы ночью летучие корабли. Вряд ли был смысл отправлять их в ночные дозоры: Низина, шириной лиг в пять, где разгуливало множество хищников, служила надежной преградой для местных смельчаков (а такие, хотя и страшно редко, находились, сказал Томир). Да и Странной Компании, двинься она через Низину пешком, пришлось бы расстрелять боезапас: даже учитывая, что Сварог мог делать патроны, как гайки на конвейере, если бы сбежалось все зверье, драка предстояла бы долгая и нешуточная… Неизвестно, какие здесь порядочки заведены: то ли звери, увидев первых скошенных

пулями сородичей, разбегутся, то ли наоборот, хлынут, как лемминги.

Ходившие кругами высоко в ночном небе Золотые Шмели пока что не обнаружили ни в воздухе, ни на земле никакой угрозы. И Сварог в который раз подумал, вычерпывая остатки похлебки: чем же здешнее зверье питается, если, кроме него, никаких других животных, годившихся бы в пищу, нет? Никакой «пищевой цепочки» — а сородичей ни один хищник в пищу не употребляет, что на Земле, что здесь. Были кое-какие версии, но их пока что не проверить…

Они лежали возле мерцавших еще в яме углей, чуть разомлевшие от горячей сытной еды — но оружие держали под рукой.

— Как же мы все-таки полетим, командир? — спросил Бони. — Много чего за тобой знаю, но вот летать не доводилось… Или ты *хитрый* самолет сделаешь?

— Да нет, — сказал Сварог. — Не стоит привлекать лишнее внимание. Есть другой способ, за него лишний раз надо бабку Паколета поблагодарить… В общем, сами увидите. Черт, я так до сих пор и не могу определить, наблюдают за нами или нет…

Мара сказала:

— Не знаю, что ты там измыслил, но, по моему скромному разумению, летящие люди привлекут не меньше внимания, чем «хитрый» самолет…

— Резонно, — ответил Сварог. — Ну, что поделать. Кто *его* знает, на что он еще способен. Может, он и невидимых умеет видеть, что людей, что виману. Я о другом думаю… Если он тут полный хозяин и давно наблюдает за нами, как я могу наблюдать за Хелльстадом, почему никто до сих пор не пробовал нас остановить, как-то воспрепятствовать?

— Это, конечно, задачка… — согласилась Мара. Она полулежала, опершись на локоть, и багровые отблески догорающих углей делали ее лицо прелестно-таинственным. — Я вот о другом подумала. Завтра — первый день Календ Фиона. Крайне благоприятных для любых начинаний. Ты специально так подгадал?

— Да нет, — сказал Сварог. — Само собой подгадалось. Что-то я не помню, чтобы мы хоть раз учитывали благоприятные или «скверные» Календы… Поскольку… — он замолчал, резко вздернул голову и вскочил первым. — Все в рощицу, живо! Шег, костер погаси!

Все повскакали, хватая оружие, Шедарис — опять-таки с немаленькой сноровкой — ухватил тесак за рукоятку и, действуя им, как кожевник скребком, проворно сбросил в яму вынутую

землю, предусмотрительно насыпанную рядом аккуратной кучкой.

— Опасность? — тихо спросила Мара, когда они укрылись на окраине рощицы.

— Очень похоже, — сказал Сварог сквозь зубы. — Со стороны замка прямо на нас идет летающей объект, уардах в ста над здешним уровнем суши, скорость — лиг тридцать в час… — он помолчал, глядя на то, что видели Шмели. — Ну да, вот именно. Летучий, а корабль. Один-одинешенек. Четверо рыл на палубе, один торчит у тех штук, что кораблем управляют, остальные у бортов… Бони, дай-ка мне пулемет, все равно ты в этой темнотище видишь гораздо хуже меня…

— Да уж, конечно… — не без сожаления проворчал Бони, передавая ему пулемет.

— Держи наготове парочку магазинов, если что, будешь быстренько подавать.

— Есть, командир… Далеко они?

— Уже прошли над Низиной, — сказал Сварог. — Идут, сволочи, прямо на нас, как по ниточке… Ага, показались в прямой видимости! Вон в той стороне…

— Не видно ни черта… — проворчал Шедарис. — Хотя… Вроде в одном месте темень погуще, будто кусок ее вдруг вздумал полетать…

— Ну да, это он, — сказал Сварог. — Тишина!

Он стоял, укрывшись за деревом, держал пулемет стволом вверх. Летучий корабль, видимый ему, как днем, сбросил скорость и неторопливо снижался, направляясь, хорошо еще, не к рощице, а к кострищу. Да, один управляет, трое торчат у бортов, на них определенно, какая-то форма…

Корабль повис уардах в десяти над кострищем. Сварог затаил дыхание и большим пальцем передвинул прицел на соответствующее расстояние, к цифре «100».

Фшиуххх!

С борта корабля, электрически потрескивая, по-змеиному шипя, сорвалась ветвистая фиолетовая молния, ударила в кострище, вверх брызнула земля и дотлевающие еще угли.

Не стоило терять времени. Сварог, выдвинувшись меж двумя деревьями, поднял пулемет, совместил бледно-зеленую фосфоресцирующую прорезь прицела с такой же мушкой. Нажал на спусковой крючок, повел стволом слева направо — чтобы сначала снять тех, кто стоял у этого их чертова излучателя, а уж потом попотчевать рулевого.

И дистанция была небольшая, и стрелял он неплохо… Фигуры в неизвестной форме одна за другой, нелепо взмахивая

руками, опрокидывались на палубу. Страшная все же штука — неожиданно заработавший по цели с близкого расстояния пулемет… Летучий корабль как-то нелепо мотнулся, дернул кормой, провалившись вниз, на миг выровнялся — и рухнул наземь. Затрещали ломающиеся доски обшивки.

— *Этих,* будем знать, пули берут… — процедил Сварог. — Стоим тихо!

Они добросовестно выждали пару минут, но корабль, нелепо скособоченный на левый борт, лежал неподвижно, тела, перевалившись через низкий фальшборт, лежали неподвижно на земле, и на палубе не было ни малейшего шевеления. Там есть трюм, вон тот квадратный люк с кольцом, перед мачтой — явно крышка люка, но она не шелохнулась…

— Вперед! — скомандовал Сварог. — Гасите все, что шелохнется.

И первым с пулеметом наперевес бросился к кораблю, вскочил на палубу — скособочилась, но стоять на ней можно, и кивнул топавшему следом Бони:

— Отвали люк!

Тот ухватился за большое железное кольцо и без натуги отвалил крышку. Сварог подумал, что порядка ради следовало бы кинуть туда гранату, по старому принципу: «В незнакомый дом врываетесь вдвоем: впереди граната, а ты за ней…» Нет, не стоит шуметь лишний раз, и в темноте он видит, как кошка…

Согнув коленки, как в парашютные времена перед приземлением, он спрыгнул вниз, мимо аккуратной лесенки с перилами. Развернулся вправо-влево, поводя стволом.

Никого и ничего, трюм пустехонек, с обеих сторон торчат шпангоуты, а по дну протянулось толстое бревно — забыл, как оно именуется на морском жаргоне. Сварог вылез по лесенке наверх, пошел к лежавшим в нелепых позах телам.

Наклонился без всякой брезгливости, присмотрелся. По облику — несомненные люди, соответствующее умение докладывает о том же самом — вот только внутри у каждого — нечто вроде светящегося черным шарика. Неизвестно, как это может быть, но он *светится* черным… И на глазах истаивает, меркнет, сжимается в теннисный мячик, в горошину, пропадает совсем — отгуляли свое, твари…

Двое лежали мордами вниз, другие двое — на спине, так что легко можно было рассмотреть их форму: черные глухие кафтаны почти до колен, темно-красные шаровары, черные сапоги. На груди непонятная эмблема в золотом контуре овала — две змеи, переплетенные изящными спиралями, уставившиеся друг другу в глаза, а над ними — неизвестная геральдике корона: обруч с

несколькими зубцами в виде высоких, острых, узких треугольников, наклоненных наружу. Герб? Больше всего похоже на герб… В точности такой же он видел над парадной, когда просматривал записи Шмелей. Эмблемы во всю грудь, от стоячего воротника до пояса из тускло-желтых нитей и такие же, только маленькие — на голенищах сапог под коленями, вроде старинных уланских кокард.

Время, похоже, их не подгоняло — Шмели пока что не зафиксировали в той стороне ничего летающего, вообще никакой угрозы. Сварог, на всякий случай оставив пулемет при себе, повесив на плечо, прошел в корму. Самый настоящий небольшой штурвал, по обе стороны — по паре гнутых рычагов, две поставки с рычагами поменьше, компас, а это явно спидометр или как он там именуется на корабле. Не реактивный истребитель, конечно — судя по цифрам за круглыми стеклышками, может выжать максимум сорок лиг в час (если только здешние меры те же самые, что и в большом мире). А зачем эта деревянная стеночка перед штурвалом с торчащей оттуда металлической штукой наподобие узких раззявленных челюстей? Ага, вот оно что — примитивный, можно сказать, автопилот…

Потрогав рычаги, он знал теперь, как этой штукой управлять — не великое искусство, да и агрегат не столь уж сложный… На какое-то время он задумался: что теперь делать? Ничего похожего на устройство связи не обнаружено — умение подсказывает, что ничего подобного нет. Техника отнюдь не на грани фантастики, будут их искать или нет? Вполне может оказаться, что они летели куда-то по другим делам и по чистой случайности их маршрут пролег через лагерь Сварога. Поджечь эту лайбу, в принципе, нетрудно — но *дотла,* до пепла, который можно закопать, сжечь не удастся. Если будут искать, увидят обгорелый остов: судя по тому, как уверенно они летели и маневрировали, умеют видеть в темноте без всяких приспособлений, как и он… Ладно, черт с ними… Главное известно: пули их берут самым распрекрасным образом. Если даже пустятся всей оравой — там еще осталось девять кораблей, возможно, экипажей на всех хватит, — бой, учитывая их излучатели, будет серьезным, но на стороне Странной Компании — эффект внезапности… Семь стволов, один из них — пулемет… Напрасно не прихватил что-нибудь вроде гранатомета, на «Рагнароке» есть с полдюжины — но кто же знал про эти их «молнии»…

Он спрыгнул наземь и скомандовал:

— Быстренько в ту рощицу!

Сварог ее заранее присмотрел, на случай, если придется ночью передислоцироваться — небольшая, но густая, уардах в

трехстах.

Сподвижники топотали следом, бесшумно несся Акбар, Томир старался не отставать. Шмели молчали — не было пока что никакой угрозы…

…Ее так и не оказалось, остаток ночи прошел спокойно. Никто не нагрянул на поиски пропавшего корабля — возможно, Сварог не ошибся, и он летел куда-то по другим делам. Он так и торчал на прежнем месте — накренившийся, нелепо выглядевший на суше (да и в воздухе тоже).

В большом мире, пожалуй, окончательно рассвело — да и часы, изготовленные под сильванские сутки, врать не будут. Сварог выдал каждому по куску хлеба с колбасой и по кружке кофе, а перед Акбаром навалил груду сырого мяса. Завтракали быстро. Томир, как оказалось, кофе в жизни не пробовал — но, хоть и морщась, осушил кружку до дна, пояснив с бледной улыбкой:

— Для меня — дрянь жуткая, но согревает…

— Ну, все готовы? — глянул на них Сварог. — Становимся гуськом в затылок друг другу, на расстоянии шага. Восхищения командиром не выражать, он тут ни при чем — как уже говорилось, бабку Паколета благодарить будем…

Он достал кожаный мешочек, несколько лет пролежавший в столе в маноре, — невеликое наследство от бабки-гусятницы, уже дважды здорово помогшее. Клубок-пробойник изничтожил в Хелльстаде Князь Тьмы, не зная, на чем еще сорвать злобу. Вырезанный из черного камлота волк, предназначенный для одного-единственного раза, свою задачу выполнил надлежащим образом. Остались две красных ленточки и одна синяя. Бросить красную через левое плечо, произнести короткое заклинание — и меж тобой и погоней встанет широкая стена пламени, которое утихнет лишь через час. То же самое и с синей — только бросать ее надо через правое плечо, и заклинание другое. В этом случае от преследователей тебя спасет широкий бурный поток воды — опять так способный продержаться час. Пока что не было случая пустить в ход ленточки. А вот большой клубок светло-коричневой бечевки — крученой, добротной — то, что именно сейчас необходимо, спасибо, бабушка, светлая тебе память.

Он отмотал кусок длиной в пол-уарда, намотал на указательные пальцы, подергал, попробовал. Бечевке, должно быть, много, очень много лет, но выглядит она надежной, ничуть не обтрепалась, не разлохматилась — ну, она ж не обычная, конечно…

Подойдя к Маре, стоявшей последней, Сварог обвязал ее тонкую талию повыше пояса с мечом, так, чтобы было не туго, но

и слабины не давало, накрепко завязал узел. Боевая подруга взирала с нешуточным любопытством — как и остальные, смотревшие через плечо.

— Это что, мы *так* и полетим? — спросила Мара.

— Бабка заверяла, что полетим, — сказал Сварог. — А ее наследство до сих пор осечки не давало.

— Офигеть…

Сварог перешел к Паколету. Вот тут уже оказалось чуточку труднее, пришлось повозиться: вместо конца бечевки у него в руках был весь клубок, а резать бечевку на куски ни в коем случае нельзя… Справился наконец — а там пошло легче и легче. Сложнее всего пришлось с Акбаром — добравшись до него, смирно стоявшего, Сварог пару минут прикидывал, что тут можно придумать. Наконец сообразил, все так же, не туго, но без слабины, опоясал гарма в двух местах: по животу и по груди около передних лап. Отматывая бечевку, встал перед Акбаром и опоясался сам, оставив кусок пол-уарда. Вот теперь бечевку можно было разрезать, что он и проделал кинжалом. Осталось чуть меньше половины — будем надеяться, еще пригодится…

Завязал три узелка — тридцати уардов высоты вполне достаточно, не стоит вбираться в заоблачные выси, хотя бечевка и на это способна, смотря сколько узелков завязать. Произнес должное заклинание и почувствовал, что его подошвы отрываются от земли. Он взмыл вверх, как воздушный шарик, совершенно не чувствуя своего веса. Сзади удивленно вскрикнул Томир — да и парочка его старых сподвижников невольно охнула: всякое с ними бывало, но такого…

Дальше было совсем просто: направляй зажатый в кулаке свободный конец бечевки в нужном направлении — и лети в ту сторону, что твой дирижабль. Со скоростью велосипедиста, лиг пятнадцать в час, но больше, пожалуй, и не надо: ветер не так бьет в лицо.

Одно плохо: если навстречу вылетят летучие корабли, значительно превосходящие в скорости, воздушный бой завяжется, пожалуй что неравный, с явным перевесом противника. Ну что ж, приходится рисковать. Шмелей он отправил на лигу вперед — если сообщат об опасности, следует побыстрее приземляться, будет больше шансов…

Вереница людей и гарм плыли над Низиной. Земля здесь чуточку другая: бурая, суховатая, островков травы гораздо меньше, хотя порой попадаются не просто рощицы — протяженные лесные заросли. Несколько раз Сварог видел внизу зверей, казавшихся с такой высоты не больше котенка. Одни спокойно бродили, всегда поодиночке, другие лежали, вытянув

лапы и, казалось, дремали. Находились и такие, что садились, задирали головы к небу и провожали воздушный караван внимательными взглядами. Но следом не бежали, оставались на месте.

Порой Сварог оглядывался, видел, что все обстоит благополучно: Акбар смирнехонько висит в воздухе, вытянув лапы и опустив хвост (но, судя по прижатым ушам и общему выражению морды, ему все же чуточку неуютно: ну да, он не раз летал со Сварогом и на брагантах, и на виманах, но *таких* путешествий ему еще не приходилось совершать). Томир, очень похоже, до сих пор не пришел толком в себя, но все остальные вполне освоились и с любопытством смотрели вниз. Мара, улыбаясь во весь рот, помахала ему рукой.

В конце концов, стало элементарно скучно: опасности не было, а плыть в воздухе над однообразным пейзажем — не самое увлекательное занятие на свете. Сварог чуть оживился, когда внизу проплыл высокий, довольно крутой откос — они достигли противоположного края Низины, прошли над горами — и потянулось уходящее за горизонт алое поле. Сверху оно выглядело в точности как снежная равнина — вот только вот снег был алым. Никакой магии на ощущалось, а вот запах, когда он разок попробовал *нюхнуть,* стал еще гуще, дерзостнее, тошнотворнее. Теперь он хорошо понимал; что тогда чувствовала Яна, — самого стало подташнивать, и он побыстрее отключил *умение.*

И вновь — долгий, скучный полет над алой равниной в совершеннейшем безветрии и при отсутствии какого бы то ни было противника…

Получив донесение от Шмелей, он встрепенулся, насторожился, вернул их, велев лететь поближе, уардах в сотне от «каравана». Вскоре на горизонте показался замок, и Сварог, когда решил, что время настало, принялся развязывать один за другим не так уж туго затянутые узелки. Они спускались ниже, ниже, ниже… И наконец встали на твердой земле.

Сапоги по щиколотку ушли в алый снег. От него тянуло заметным холодком, достигавшим колен, — но температура воздуха явно была ничуть не ниже, чем за пределами странной равнины.

Сварог распорядился:

— Режьте бечевку. Второй раз она уже не сработает, свое дело сделала…

Освободился сам, стряхнув обрезки бечевки прямо в снег, освободил сразу приободрившегося Акбара. Томир разрезал бечевку мечом, возвращенным ему перед полетом. Огляделся,

прислушался. Тишина прямо-таки мертвая — ох, не надо бы таких сравнений… Замок высился впереди, уардах в трехстах — абсурдное, нелепое строение, вновь казалось, сооруженное парой дюжин спятивших архитекторов. Они приземлились у его боковой стороны — но на поле выходило множество окон ни разу не повторявшейся формы, оттуда простым глазом можно рассмотреть на алой равнине кучку людей в темной дорожной одежде, и уж тем более черного пса размером с коня…

Наклонился, присел на корточки, зачерпнул ладонью пригоршню — самый обычный снег, прохладный рассыпчатый, разве что алый. Как ни проверял Сварог на нем свои магические умения, *ничего* не обнаружил, снег как снег.

Снег в его руке стал помаленьку таять, как и положено снегу. На ладони появилась алая жидкость, похожая на разведенную акварельную краску, и его почему-то передернуло от отвращения, он выбросил остатки и тщательно вытер ладонь о полу кафтана.

— Ну, что скажешь? — спросил он Акбара.

Гарм, как с ним уже случалось раз, когда вошел в Заводь впервые, вытянулся в струнку, напряженно нюхая воздух расширенными ноздрями. Издал тихое, короткое, клокочущее рычанье.

— Ну да, я и сам вижу, что место поганое… — сказал ему Сварог. Обернулся к сподвижникам: — Ну что, не будем тут торчать, пойдем в гости? Приказов никаких отдавать не буду, потому что понятия не имею, с чем мы там столкнемся. Стреляем и рубим по всему, что покажется опасным, — возможно, ничего *другого* тут и нет…

— Уж это наверняка… — проворчал Бони, привычно перехватывая пулемет поудобнее. — Поганое местечко?..

Сварог криво усмехнулся:

— Ну что, оружейник, не передумал?

— С чего бы вдруг? — с застывшим лицом сказал Томир, крепко сжимая рукоять меча. — А вдруг она там? И ей ничего не успели сделать?

Его глаза пылали столь яростной надеждой, что Сварог невольно отвел взгляд. Сказал негромко:

— Посмотрим. Разберемся. Пошли!

Они волчьей цепочкой двинулись к замку, обходя его справа. Акбар ступал осторожнее всех, словно по тонкому льду. И время от времени коротко рычал.

Сварог оглянулся — почему-то показалось, что за их спинами алый снег тут же затянет их следы, сомкнется, как потревоженная болотная вода. Нет, ничего подобного — следы людей и гарма четко виднелись, начиная от места приземления. Снег

похрустывал легонько под ногами.

Они остановились уардах в тридцати от парадного крыльца, над которым красовался тот самый герб. Широкая лестница из серого камня, казавшаяся ничуть не тронутой временем, невысокие перила, украшенные фигурами неизвестных, но, безусловно, хищных зверей — по четыре с каждой стороны. Высокая двустворчатая дверь гостеприимно распахнута настежь, за ней виднеется что-то вроде обширного вестибюля с мозаичным полом и громадной люстрой под потолком, выглядевшей так, словно и ее делал безнадежно спятивший мастер: нагромождение прозрачных висюлек, лишенное всякой симметрии и гармонии, под стать замку. Справа — то самое большое здание (никакого движения незаметно) и навес, под которым летучие корабли стоят на подставках вроде тех, что бывают у моделей, только размерами побольше. Одна пара пустовала — и Сварог подумал не без злорадства, что ее корабль уже не займет.

Он послал Золотых Шмелей внутрь. Мозаичный пол, по обе стороны — ряды колонн…

И все оборвалось, Сварог ничего больше не видел, а значит, не видели Шмели. Сузил глаза — там, в вестибюле, ни шевеления, ни вспышек. Попытался их вернуть — но они не вернулись. Очень возможно, их больше не было. Ну, не торчать же тут вечно, робкими просителями, ожидающими, когда к ним выйдет барин?

— Ну, с Богом, — сказал Сварог.

И первым направился к лестнице, положив руку на чехол Доран-ан-Тега, не испытывая ничего, кроме яростной отрешенности, как часто случается перед боем.

Глава XIII
ДВЕ ЧЕТВЕРТИ ПУТИ

Серый камень под ногами. Шаги звучат именно так, как и должны звучать шаги людей, идущих по каменной лестнице. Уже можно рассмотреть вестибюль, пустой и обширный.

Вошли. Мозаика под ногами, шаги звучат именно так, как и должны звучать шаги людей, идущих по мозаичному полу. Ни звука, ни шевеления вокруг. Мозаичный пол, по обе стороны высокого зала ряды розоватых колонн странноватой формы — сверху донизу покрыты желобками, сплетающимися в некий абстрактный рисунок, без тени красоты и гармонии. Точно так же желто-черно-синяя мозаика под ногами глаз не радовала, наоборот — то же самое хаотическое сплетение прямых и кривых линий, зигзагов, неправильных кругов и косых треугольников…

Пройдя шагов двадцать, Сварог поднял руку, приказывая остановиться, осмотрелся еще раз. Впереди — не особенно крутая, но высокая лестница, заканчивающаяся площадкой с высокой двухстворчатой дверью — ручки то ли золотистые, то ли из чистого золота, сделаны в виде двух сплетенных змей с герба. Справа от двери — белая статуя обнаженной женщины: лицо улыбающееся, прическа замысловатая, одна рука приподнята, другая вольно опущена, зрачки глаз зеленые.

Он на миг испробовал умение и тут же выключил его: ноздри прямо-таки залепил густой, непереносимый запах падали, настолько тошнотворный, что едва не вывернуло. Да, это гнездо… Испробовал другое *умение,* уже хелльстадское, попытался проникнуть взглядом за дверь наверху, но ничего не вышло. Причем ощущения странные: не было преграды, магического щита, скорее уж взгляд соскользнул, как соскальзывает упавшая на ледяную горку монетка. Непонятно. Одни *умения,* что заоблачные, что хелльстадские, исправно срабатывают, другие оказываются бессильными… Никакой системы, никакого объяснения…

Выбора нет, остается одно: подняться по лестнице и попытаться войти в дверь — других нигде не видно… Сварог оглянулся на сподвижников, замерших с оружием наготове, сказал:

— Идем цепочкой. Действуем по обстоятельствам, опасаемся всего на свете и ждем чего угодно…

Чуть подумав, взял Томира за локоть и поставил его предпоследним, сделав замыкающим Шедариса. Сказал

оружейнику:

— Держись в сторонке, в общую кучу не лезь. Шег, приглядывай…

И первым стал подниматься по лестнице. Оказавшись у самой двери и уловив краешком глаза шевеление справа, резко развернулся туда.

Белая статуя ожила: красивое личико свела словно бы гримаса испуга, она прикрылась обеими руками, словно застигнутая деревенскими парнями стыдливая купальщица. Не раздумывая, Сварог взмахнул топором. Удар пришелся по талии, верхняя половина статуи рухнула на пол, разбрызгивая зеленоватую жидкость с какими-то темными сгустками, — а нижняя так и осталась стоять, словно чаша странной формы, наполненная той же жидкостью.

Сварог ждал с топором наизготовку, но больше ничего не произошло, половинки статуи не шевелились. Уж не шутка ли юмора здешнего хозяина? Поди разберись…

Осторожно протянув ладонь к ручке, сжал ее — ничего не произошло — потянул на себя. Дверь отворилась легко и бесшумно. Акбар первым влетел в сводчатый зал, расставил передние лапы, вытянул шею, принюхиваясь, гавкнул куда-то влево.

Следом вошел Сварог. Такой же мозаичный пол в отталкивающих узорах, разве что сине-желто-серый. В противоположном конце такая же дверь, близнец той, в которую они вошли. По стенам выступают полуколонны, розовато-серые, как и весь зал, а слева…

А слева — большой стол неправильной формы, напоминающий очертаниями небрежно выплеснутую черную краску, застывшую причудливым пятном, на гнутых корявых ножках. На нем — какие-то сосуды, высокие, вроде бы глиняные, в белых хаотичных узорах. И возле стола стоит молодая женщина в зеленом платье до пят, красивая, с аккуратно расчесанными светлыми волосами, улыбается им дружелюбно и открыто…

Томир вдруг кинулся к ней, с неописуемой радостью крича:

— Лиона!

Ничего еще не понимая, Сварог рявкнул:

— Назад!

Не слушая его, оружейник, отшвырнув меч, подбежал к женщине, обхватил ее обеими руками, прижал… Мозаичный пол вспучился волной над их головами, накрыл обоих, вмиг осел — и уже не было ни оружейника, ни женщины, пол казался ровным и неподвижным. Запоздало стрекотнула автоматная очередь — ага, Мара — пули выбили щербины в мозаике. «Началось…» —

подумал Сварог с удивившей его самого отстраненностью и махнул рукой:

— Вперед!

Они пошли к двери. За ней, открывшейся так же легко и бесшумно, оказалась очередная лестница, уходившая влево, к очередной площадке с очередной дверью, но на сей раз там не было никаких статуй.

Поднялись к двери, Сварог потянул ручку на себя. Очередной зал, разве что не сводчатый, с плоским потолком, расчерченным черными линиями на большие прямоугольники, покрытые косой решеткой, напоминавшей рыболовную сеть. Ни полуколонн, ни мозаики: стены, пол и потолок унылого грязно-серого цвета, решетки — желтоватые. И ничего больше, пусто и голо. В противоположном конце — очередная дверь.

— В лешеву бабушку… — проворчал Бони, поводя пулеметом. — Так и будут гонять?

— Вперед… — сквозь зубы сказал Сварог, направляясь к двери, потому что ничего другого больше не оставалось.

Акбар опередил его длинным прыжком — когти скребанули по каменному, судя по звуку, полу — пошел шага на три впереди, встопорщив шерсть за затылке, осторожно ступая.

Сверху вниз мелькнуло что-то большое, прямоугольное, чуть светившееся — один из решетчатых прямоугольников рухнул прямо на Акбара и провалился с ним вместе, исчезнув в полу. Выкрикнув что-то, Сварог бросился к тому месту, ударил топором, и еще раз, и еще…

Ничего не произошло. Три глубоких проруба в камне, и все. Сварог покривился от тупой боли в сердце, уже понимая, что никогда больше не увидит верного пса. Перед глазами встал узкий скальный проход, лежащий на боку огромный щенок… Он отогнал все чувства и эмоции — не было времени и возможности позволять себе такую роскошь, рявкнул:

— Вперед!

Очередная лестница, закрученная вправо, очередная дверь. Очередной зал, больше всего напоминающий внутренность огромной коробки из-под обуви, сплошь выкрашенной в черный цвет с оранжевыми крапинками. Сварог отметил, осторожно шагая к двери в противоположном конце: ни одного окна, ни одного светильника ни разу не увидел, но все залы довольно ярко освещены неизвестно откуда идущим светом. Мир без теней — никто из них не отбрасывает тени, как случается только с призраками. Но они-то живы, черт возьми!

Под резкий переливчатый свист сверху пролился ливень из маленьких, косматеньких, огненно-багровых шариков, сухой жар

навалился, опалил, запахло горелым сукном и горелыми волосами, вокруг и перед глазами что-то звонко лопалось, разбрасывая искры и дым…

Все кончилось так же неожиданно, как и началось. Сварог оглянулся — все были невредимы, только одежда прожжена и опалена во многих местах, и волосы опалены, лица в копоти. Проведя по щеке левой ладонью, он увидел на ней жирную копоть, окинул взглядом одежду — да, он выглядел не лучше остальных. Но все были целехоньки, ожогов не видно ни на лицах, ни на руках. Снова шуточки здешнего хозяина?

Дверь распахивается бесшумно и легко… Нечто новое: большой квадратный зал в сине-зеленых тонах, почти весь занятый бассейном: спокойная вода, чистая, прозрачнейшая, глубину определить трудно, но не менее уардов пяти, пол светло-голубой, бугристый, кое-где растут невысокие розоватые кустики, больше всего напоминающие кораллы. По периметру — полоса синего пола уарда в три шириной, напротив, по другую сторону бассейна — очередная дверь. Вот только как до нее добраться? Разве что вплавь, свернув одежду в узлы и держа огнестрелы над головой — холодному оружию ничего не будет, пусть даже окунется… если только это *обычная* вода, не только на вид обычная. Хотя… Блеснула интересная мысль. А ведь должно получиться — хотя поди пойми, какое из умений тут сработает, какое — нет…

Они стояли, растянувшись в шеренгу, в шаге от двери и стены. Ощущение угрозы оставалось, но не превышало обычного. С того самого момента, когда они вошли, Сварог чувствовал угрозу как фон, она присутствовала везде, словно ею был пропитан воздух — постоянный фон, без единого всплеска…

— Ну что, плыть придется? — спросила Мара спокойно.

— Погоди, — сказал Сварог. — Есть у командира кое-что в запасе на всякие случаи жизни… Паколет, назад! Мало ли…

Паколет подошел к самому краю бассейна, с любопытством глядя вниз. Он успел услышать Сварога, но больше ничего не успел…

Странно дернулся, взмыл вверх, тело стало почти невидимым — лишь кое-где виднелись полосы одежды, каблук одного сапога. Или… Или его крепко опутали невидимые щупальца. Коротко простучал его автомат и тут же смолк. Видимые части одежды и правой руки взмыли вверх, по дуге обрушились в бассейн, подняв фонтан брызг. Сварог ничего не видел и *другим* зрением — *умения* вновь работали избирательно, по непонятной системе…

— Всем стоять на месте! — рявкнул он, увидев, что шеренга колыхнулась.

Проворно сорвал со спины заплечный мешок, дернул шнур, завязанный хитрым узлом, позволявшим вмиг его распустить, распахнул горловину. Из мешка взмыл Золотой Филин и, выполняя мысленную команду, прошел над бассейном, меча из глаз сиреневые молнии, оставлявшие на воде клубы пара, методично прочесывал зал, поливая огнем бассейн так, чтобы не пропустить и участка размером с ладонь. «Работает, — облегченно вздохнул Сварог, — через раз, но работает…»

Он смотрел вниз. Прозрачная вода замутилась синеватыми клубами, медленно, словно на опущенном в кювету фотоснимке, проступали контуры, становясь все явственнее, сливаясь во что-то весьма знакомое…

Огромные осьминоги, десятка два. Еще извивались щупальца, еще подергивались округлые тела, но кровь поднималась от них распухавшими клубами — у осьминогов кровь голубая, — и видно было, что Золотой Филин прикладывает их *убойно*…

Вот все и кончилось — последние конвульсии распростертых щупалец, твари выкошены все до одной. А недалеко от стенки бассейна, у которой они стояли, лежит на дне скелет в оставшейся нетронутой одежде, с разбросанным вокруг оружием.

«Осьминоги, — пронеслось в голове у Сварога. — Много съедобного мяса без костей…»

Не было времени горевать, вообще отвлекаться на чувства.

Не столь уж длинное заклинание, произнесенное про себя, секунды томительного ожидания, показавшиеся неимоверно долгими… Отчаянный треск ломающегося дерева и возле них, и на том конце бассейна… Получилось!!!

Поперек бассейна легла на воду «Принцесса», достопамятный кораблик, выручавший уже дважды и вот теперь пригодившийся в третий раз — как мост. Она оказалась чуть длиннее бассейна, нос и корму снесло, подскочив к краю бассейна, Сварог видел, что в образовавшийся пролом потекла вода, — но времени хватит, должны успеть…

— Вперед! — крикнул он. — На ту сторону!

Странная Компания припустила бегом, цепочкой, Сварог кинулся замыкающим — и, уже почти достигнув искореженного носа, спохватился: а филин? Оглянулся. Золотой Филин, распростерши крылья, неподвижно лежал на дне у самого борта «Принцессы», на спине клювом вверх. Когда его *накрыло,* Сварог не заметил…

Осточертевшая уже очередная лестница все той же длины и наклона, на сей раз уходящая вправо, вверх. Все лестницы вели вверх…

Открыл дверь, остановился на пороге, озираясь. Прежде он

ни разу не видел двух схожих залов — вот и сейчас обнаружилось нечто новое. Квадратная коробка, стены и потолок покрыты черно-белыми узорами, как обычно здесь, хаотичными, неприятными для глаза. Как и следовало ожидать — дверь в противоположном конце зала. Пол — из огромных квадратов, белых и черных, напоминающих что-то знакомое, но чувства в таком раздрае, а мысли в боевой отрешенности, и как-то не лезет в голову догадок…

— Вперед, — хрипло сказал он.

Он не подал команды держаться цепочкой, и сподвижники двинулись этаким журавлиным клином, по тройному ряду квадратов. Уже одолели полпути… Сварог машинально сосчитал клетки — восемь в ширину, восемь в длину, общим числом шестьдесят четыре…

Шакра-чатурандж!

Он ничего не успел ни крикнуть, ни сделать — справа от него огромный белый квадрат встал на ребро, словно повернулся на невидимой оси, проходившей аккурат посередине, и Тетка Чари провалилась туда, взмахнув руками, далеко внизу раздался затухающий крик, из образовавшегося проема ударило жаром, словно взметнулось высокое пламя. И тут же белый квадрат встал на место. Нечеловеческий рев Шедариса, он кинулся туда, упал на колени, попытался вцепиться руками в пол, что-то сделать — но ничего, конечно же, не вышло, растопыренные пальцы скользили по белоснежной поверхности.

Смерть тебе сулит шакра-чатурандж…

Сварог одним прыжком оказался рядом, громко рыча что-то нечленораздельное, поднял за шиворот, толкнул вперед, закричал что было мочи:

— За мной! След в след!

«Что же выходит? — смятенно подумал он. — В каждом зале гибнет кто-то один, согласно давнему предсказанию? А сколько таких залов вообще? Не хватит ли на *всех*?»

Страха не было, отчаяния тоже, но тоскливая безнадежность, если быть честным перед самим собой, маячила где-то поблизости, и не так уж далеко…

Он постарался отогнать эти мысли, шагал с величайшей осторожностью — и, едва край черного квадрата, на который он ступил — предпоследнего перед белым, за которым была дверь, вдруг ушел из-под ног, Сварог отчаянным прыжком метнулся в сторону, растянулся на соседнем белом квадрате, гремя оружием, успев крикнуть:

— Всем стоять!

Слева от него ударило жаром, но почти сразу же черный

квадрат встал на место — больше всего походило на тупой, нерассуждающий механизм, а не устройство, управлявшееся чьей-то волей. Сварог, все еще лежа на прохладном и твердом полу, видел лицо Шедариса — не лицо, звериную морду, готовую рвать клыками направо и налево, брызгая кровью, перехватывая глотки и дробя позвонки.

Но ведь до сих пор нет конкретного, осязаемого противника, на которого можно броситься и попытаться убить. Нет, хоть ты тресни. Быть может, это и есть самое жуткое…

Сварог поднялся. Пошел первым. До двери они добрались благополучно. Конечно же, очередная лестница, высокой кривой уходящая влево. Ну да, они поднимаются все выше и выше, хотя невозможно определить даже приблизительно, насколько высоко поднялись…

Овальный зал, напоминающий разрезанное вдоль вареное вкрутую яйцо, и не только формой: посередине — неправильный желтоватый круг, от него расходятся концентрические беловатые и желтоватые полосы. Стены и сводчатый потолок покрыты сплошной россыпью беловатых и желтоватых клякс, прилегающих друг к другу плотно, как мозаичные камешки. По обеим сторонам, от двери до двери растут в один ряд деревца не выше человека — темно-серые, корявые, голые ветви усыпаны ярко-алыми круглыми плодами размером с детский кулачок. Лихорадочно перебрав в памяти предсказания Лесной Девы, Сварог так и не нашел подходившего бы к *этому* залу — или очередной подвох?

— Коробочкой! — приказал он.

Они двинулись к двери, сбившись в кучку, ощетинясь стволами. Прошли уже треть пути, ничего не произошло…

Резкий звон, словно дернули струну расстроенной великанской гитары!

Все до единого плоды вдруг *раскрылись*. Из них таращились самые натуральные глаза — белок, бледно-зеленая радужка с вертикальным, кошачьим черным зрачком… Сварог положил палец на спуск, самую малость надавив — и они продолжали путь, потому что ничего другого больше не оставалось. Ярко-алые плоды шевелились на черенках, как рачьи глаза, провожали их пристальным нелюдским взглядом. Сварог уже взялся за ручку — а ничего так и не случилось, ровным счетом ничего, лишь глаза пялились им вслед…

Лестница, конечно. Уходящая вверх несколькими зигзагами разной длины — словно декорация к какому-нибудь авангардистскому спектаклю. Но высота примерно та же — наблюдается некий стандарт. «Значит, не в *каждом* зале ждет

смерть?» — подумал Сварог с некоторым облегчением. Прошли ведь благополучно, а на лестницах ни разу *ничто* не подстерегало, если не считать ожившей статуи, не причинившей ни малейшего вреда…

— Привал, — решительно сказал он и первым присел на нижнюю ступеньку, как на скамейку.

Остальные последовали его примеру. Пятеро нас было, было нас немало…

Глянул на сидевшего слева Шедариса — уже не звериная морда, самое обыкновенное человеческое лицо, только закаменевшее. — Достал из воздуха сигарету, прикурил, коснулся фильтром пальцев друга:

— Шег, покури…

Шедарис, не поворачиваясь в его сторону, застыв, взял сигарету, стал затягиваться механическими движениями заводной игрушки. Глядя в никуда пустым взглядом, сказал, почти не шевеля губами:

— Добраться бы до этой твари…

— Повезет — доберемся, — сказал Сварог.

Посмотрел на остальных — лица сосредоточенные, злые, но ни на одном не видно ни страха, ни безнадежности. Никто не сломлен, а это глазное…

— Ну что, — сказал Сварог с кривой улыбкой. — Затащил я вас?

— Да ладно тебе, — сказала Мара с вымученной улыбкой. — Не дети малые, знали, куда шли…

— Вот именно, — сказал Леверлин.

— Доберемся, — с яростной убежденностью сказал Бони. — Доберемся, клочки по закоулочкам пустим… Сам видишь, командир, *оно* не везде бьет…

— Вижу, — сказал Сварог, поднялся и раздавил подошвой окурок. — Ну, пошли?

Дверь. Куполообразный зал с очередной дверью на противоположной стороне. Стены и пол — зеленоватые, стены чистые, а пол довольно густо усеян большими белыми кругами. Чувство опасности и угрозы на том же уровне — постоянный фон, которым воздух насыщен и в тех залах, где погибли друзья, и в том, где ничего не произошло. Ничего невозможно предсказать наперед…

— Цепочкой, — распорядился Сварог.

Мало того, что ничего не предсказать заранее — в *этом* зале просто невозможно определить, откуда может навалиться смертельная опасность. Мостов, во всяком случае, здесь нет. Вот разве что эти белые круги, на которые почему-то не хочется

наступать, не хочется, и все тут… Единственное тут, что способно… — Он оглянулся. Крикнул:

— Бони, в сторону! Не…

Поздно! Король королей Вольных Маноров не успел убрать ногу с краешка круга — и тот взвился, превращаясь в скопище не белых, а прозрачных, словно чисто вымытое оконное стекло, лент. Клубок этот охватил ноги Бони, подсек, свалил, проволок поближе к центру (очертания круга остались на полу белесоватым контуром), опутал до бедер…

— Назад! — прикрикнул Сварог, видя, что сподвижники ринулись на помощь. — Черту не переступать!

И вовремя крикнул — едва Мара заступила носком сапога за черту, часть лент проворно метнулась к ней, разворачиваясь пучком хищных щупалец, готовых схватить, оплести…

Рыжая кошка, юная королева неуловимым движением скользнула за пределы круга (у Сварога в диком несоответствии с ситуацией промелькнуло в голове: «впервые вижу здесь *правильную* геометрическую фигуру…»), и ленты отдернулись словно бы разочарованно, сплелись вокруг Бони.

Бони кричал, как кричат люди от невыносимой боли. Тщательно прицелившись, Сварог выпустил короткую очередь по верхушке высокого клубка. Бесполезно. Пули прошли, как сквозь дым, видно было, как из стены напротив летит нечто вроде каменной крошки.

Сварог не сдавался. Он занес топор и бросился вперед, через контур круга — и, когда к нему метнулись прозрачные ленты, взмахнул Доран-ан-Тегом. И снова — бесполезно, блестящее лезвие прошло сквозь них, как через дым или туман, Сварог едва успел отпрыгнуть, благо ленты двигались теперь заметно медленнее и гораздо быстрее возвращались назад в клубок, словно обладали то ли разумом, то ли инстинктом хищника, и их тянуло к уже пойманной добыче…

Бони кричал с исказившимся от боли лицом, нелепо взмахивая руками, дергая головой. Сварог многое повидал, но сейчас волосы, такое ощущение, встали дыбом…

Клубок его жрал. На свой невиданный манер. Прекрасно было видно, что сапог уже нет, только голые ноги — и медленно, словно бы растворилась, истаяла живая плоть, показались кости ступни, а там и они начали помаленьку таять, это распространялось выше по ногам, но медленно, очень медленно, и Сварог с ужасом понял, что продлиться это может долго, очень долго… Кровь брызнула из обрубков ног — и тут же растаяла в переплетении прозрачных лент.

Бони должен был испытывать неимоверную боль — сердце от

его крика леденело. Вопли внезапно стали осмысленными, сложились в слова, и Сварог понял, что кричит сподвижник…

Но остался на месте — не мог себя заставить, и дело было вовсе не в лентах… *Такого* он никогда прежде не делал, хотя хлебнул всякого… Не мог.

Мимо него метнулся Шедарис, оскалясь, с побелевшим решительным лицом, взмахнул топором и нанес точный, безжалостный удар. Ленты взметнулись, но как-то вяло — и Шедарис в три прыжка оказался за кругом.

Крик стих. Отсеченная голова Бони лежала на зеленоватом полу лицом вниз — а *прозрачное* все так же медленно пожирало его неподвижное тело, добираясь до колен.

Голову тебе отрубит лучший друг…

— Вперед! — яростно крикнул Сварог.

Глава XIV
ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

Очередная лестница оказалась прямой, вела влево. И в *этом* Сварог не видел никакой системы — да и какой смысл был искать в происходящем систему, чем это могло помочь? Он шагал впереди тройки сподвижников, старательно прогоняя дурацкие мысли — начинало казаться, что никакого противника нет, что замок по неизвестным причинам пуст, что здесь больше нет *хозяина,* что остались только те самые слуги, действующие не по приказу, а согласно какому-то тупому инстинкту, раз и навсегда заложенной программе. Что они оказались внутри столь же тупого, не рассуждающего механизма, однажды пущенного в ход и способного вращаться *вечность,* — с этим механизмом невозможно вступить в переговоры, и победить, уничтожить его нельзя, не зная его уязвимых мест. Хотя, конечно же, уязвимые места есть у *любого* механизма — но как их отыскать?

Потом стало еще хуже: в голову назойливо лезли кадры из старого военного фильма времен его детства: орудия разбиты, живых почти и не осталось, контуженный телефонист, отрешившись от всего окружающего, глухой и слепой к внешнему миру, повторяет в трубку, как автомат:

— Мы все погибли здесь, выполняя приказ… Мы все погибли здесь, выполняя приказ…

Приказ отдал сам Сварог — ну, пусть не приказ отдал, предложение сделал, от которого никому отказаться не позволила честь, какая, собственно, разница? Тут другое: приказ это был или предложение, он шел с ними, и шансов у него, пожалуй, не больше, чем у остальных — неизвестно, кому что выпадет. Сугубо сухопутный вояка неожиданно для себя оказался в роли адмирала: есть старая морская пословица: «Генерал посылает в бой, а адмирал — ведет». В двадцатом столетии на Земле исключения из нее стали редчайшими — хотя на Таларе сплошь и рядом обстояло иначе, как на Земле в прежние века…

Дверь открывается бесшумно и легко. Они остановились на пороге. Сварогу уже крепенько *опалило* душу в этом замке, но сейчас он ощутил настоящее, неподдельное, нешуточное удивление: настолько это не походило на все, прежде виденное в этом абсурдном творении спятившего архитектора…

Большой прямоугольный зал. В глухой стене напротив, конечно же, дверь, а вот в двух боковых — по два стрельчатых окна, за которыми виднеется — с немаленькой высоты — алая

снежная равнина. Огромный ковер во весь зал покрыт приятными для глаза ало-золотистыми узорами. Зал полон танцующих — дамы с незнакомыми высокими прическами, в пышных платьях незнакомого фасона до пола, кавалеры в столь же незнакомых роскошных нарядах. Неизвестно откуда звучит музыка — негромкая, мелодичная, приятная, девичий голос, чистый, высокий, нежный, выводит с надрывом, с несомненной грустью:

— Алео траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,
э виле…

Впечатление такое, словно играют клавесин и два виолона. Медленный, плавный танец чем-то напоминает менуэт, хотя и нет полного сходства — дамы и кавалеры движутся неторопливо, то протягивая друг другу руки так, что ладони соприкасаются, то отступают в разные стороны с поклонами и грациозными движениями рук от сердца к партнеру или партнерши и наоборот. Свет, льющийся неизвестно откуда, кажется колышущимся, чуть мерцающим, словно идет от множества свечей. Безмятежные улыбки на лицах, нежные, лукавые взгляды, никто не обращает внимания на вошедших, никто не отбрасывает тени, как и вошедшие…

Картина столь умиротворенная и красивая, что Сварог невольно расслабился, даже опустил руку с топором — но только на миг. Тут же опомнился, кинул быстрый взгляд вправо-влево, отметив с неудовольствием, что сподвижники тоже немного *помягчели,* даже у Шедариса на застывшем лице отразилась *тень* человеческих чувств. Скомандовал резко, даже грубо:

— Подтянулись!..

Все словно очнулись, лица посуровели, руки крепче сжали оружие. Сварог какое-то время ломал голову: как поступить? Танцующих здесь столько, что нет никакой возможности пройти меж ними к двери, никого не задев, ни к кому не прикоснувшись — а попробуй прикоснись, и неизвестно, что будет… Но не торчать же тут до бесконечности? Надежнее будет предположить, что *мирного, доброго* здесь встретиться не может, не тот замок…

Он уже знал, кому отдать приказ, сопровождавшийся многозначительным жестом:

— Шег!

Шедарис поднял автомат и ударил от пояса длинной очередью, ведя стволом справа налево, во всю ширину зала. Почти беззвучно застучали по ковру падающие гильзы. И ничего

не изменилось, абсолютно ничего. Словно и не было прошедшегося по залу ливня свинца. Танцующие по-прежнему не обращали на них внимания, продолжали изящные плавные пируэты, пули никому из них не причинили ни малейшего вреда, словно зал был полон призраков — а может, так оно и было? Во многих старинных замках обитают призраки, даже в Латеранском дворце их немало — почему бы даже *здесь* не оказаться безобидным призракам неизвестно каких, но безусловно старинных времен?

Сварог шагнул вперед, занося топор — черт его знает, что там творилось в подсознании, но он все же в последний момент выбрал не женщину, а мужчину, нанес без размаха удар кавалеру в вишневом камзоле, расшитом белыми цветами.

И — ничего. Лезвие, как и в том зале, где погиб Бони, рассекло словно бы дым или туман — и кавалер, улыбаясь очаровательной девушке в светло-зеленом, продолжал танцевать, как ни в чем не бывало.

— И что? — шепотом спросила Мара.

Сварог решился. У них просто не было другого выхода.

— За мной! — приказал он и двинулся на толпу танцующих.

Ускорил шаг. Ничего не происходило. Он шел *сквозь* танцующих, как через полосу тумана, и ничего не делалось ни с ним, ни со спутниками. Казалось иногда, что, минуя очередного призрака, он на миг ощущает зябкий холод — но, не исключено, что так именно *казалось.*

Они благополучно добрались до двери — и вышли целыми и невредимыми. Впереди очередная лестница — на сей раз зигзаг состоит из множества совсем коротких отрезков-маршей.

— Надо же, — сказала Мара с некоторым удивлением. — *Второй* безопасный зал. Интересно, это наши шансы повышает или как?

— Спроси что полегче… — сквозь зубы сказал Сварог.

И первым направился к лестнице. Все обошлось, но в подсознании что-то вертелось, не выливаясь в конкретные мысли, что-то вертелось…

Дверь с золотой ручкой в виде переплетенных змей отворяется бесшумно и легко, черт, это уже каким-то припевом становится, право слово…

Показалось в первый миг, что они никуда и не уходили — описав круг по неведомым тропинкам, вернулись в только что покинутый зал. Нет, есть отличия, но очень похоже…

Такие же стрельчатые окна по бокам, и алая снежная равнина за ними. Тот же зыбкий, колышущийся свет, идущий словно бы от свечей. Только ковер другой — узоры золотисто-белые, но столь

же приятные для глаза. Платья на дамах и кафтаны на кавалерах тоже отчего-то кажутся старинными — но определенно другого фасона. И танец другой — не быстрый, но все же чуточку энергичнее того, первого. А вот музыка практически та же самая — клавесин и два виолона — только мелодия иная. И высокий, нежный, чистый девичий голос начисто лишен и тени грусти, полон невероятной, завораживающей, покоряющей сердце *нежности:*

— Конеченто ленте,
моле неференте,
теле наджаленте,
таде…

Впечатление такое, что язык тот же самый, хотя какой из него лингвист… Вот девичий голос точно другой, уж это-то ясно. Зал, как и первый, заполнен танцующими настолько, что невозможно пройти к двери, никого не коснувшись. Что же, два раза подряд — четыре туза и джокер? А почему бы и нет? «Я везучий, ваше сиятельство!»

Мара сказала тихо:

— А вдруг мы *миновали* все опасные места?

На сей раз Сварог не позволил себе расслабиться ни на миг.

Как-то плохо верилось, что здесь могут вот так вот взять и кончиться опасные места, не тот замок, следует заранее себя настраивать на самое худшее — тогда, быть может, и повезет, в конце концов, методика старая, но эффективная…

— Шег, — сказал он на сей раз без всяких уточняющих жестов.

Как он и ожидал, Шедарис его прекрасно понял. Автоматная очередь справа налево прошлась по залу, не причинив ни малейшего вреда танцующим, — и они, как те, из первого, словно и не замечали незваных гостей. Сварог взмахнул топором, когда совсем близко от него оказался кавалер в сиреневом, с пышными кружевными манжетами — уже заранее зная результат.

Ну да, так оно и оказалось — будто полосу дыма рубанул, танцор безмятежно проплыл дальше, держа в высоко поднятой руке пальчики юной красавицы в алом.

— За мной, — сказал Сварог, решительно шагая вперед.

И все повторилось — они благополучно достигли противоположной двери, а ощущение зябкого холодка, когда он проходил *сквозь* очередного призрака, пожалуй, все же следовало отнести на счет самовнушения. Рука лежит на ручке двери, высокий, чистый девичий голос наплывает волной неизъяснимой

нежности:

— таре аталанте,
белео даранте,
чере кондаранте,
годе…

Он распахнул высокую створку двери, пропустил в коридор Мару и Шедариса, обернулся:

— Леверлин!

А Леверлин стоял в трех шагах от него напротив очаровательной синеглазой девушки в красивом розовом платье, на месте ее неведомо куда сгинувшего кавалера — и девушка, понял Сварог, Леверлина *видит.* С улыбкой протягивает ему руку — пальцы сверкнули отблесками бриллиантового сверкания — и Леверлин *берет* ее руку так, словно она живая и теплая, и в зале абсолютно ничего не изменилось, но как-то так получается, что девушка в розовом и Леверлин с каждым пируэтом удаляются вглубь зала под нежный голос невидимой певицы…

И тут Сварог вспомнил.

Он рванулся было вперед, чтобы схватить, вытащить из толпы призраков, — но что-то отшвырнуло его к двери так, что он ударился спиной. Музыка стала бравурной и быстрой, танцующие закружились так, что превратились в размытые силуэты, слившиеся в пестрый вихрь, захлестнувший весь зал, скрывший Леверлина с глаз, бушевавший, словно внезапно оказавшаяся в тесной клетке стая хищных зверей, искавших воли. Музыка оборвалась на высокой, скребущей ноте, словно иголка проигрывателя сорвалась с дорожки, *чиркнула* по пластинке, нежный девичий голос закончился скрежещущим воем…

И все исчезло. Вместо красивого ковра лежал слой тускло-серого пепла — слева белел скелет, валялось оружие…

«Берегись нежных песен, — сказала когда-то Леверлину Лесная Дева, — они могут принести и смерть…»

Охнув от болезненного укола в сердце, Сварог приказал:

— Пошли отсюда!

Дверь, очередная осточертевшая лестница, уходившая влево. Зал, где они оказались, превосходил размерами все прежние, был просто громадным, как стадион, так что дверь на противоположном его конце казалась совсем маленькой. *Такого* они еще не видели. Высокий, — потолка они так и не рассмотрели — очень высокий, словно бы разделенный на две половины. Нижняя ярко освещена, с буроватым полом из необработанного дикого камня, — а верхняя каким-то здешним

чудом представляет собой совершеннейший мрак, в котором…

В котором помещалась самая натуральная Солнечная система — *здешняя.* Косматый шар огненно-рыжего Солнца, а вокруг него неторопливо кружат знакомые планеты: наполовину затянутая облаками Нериада со своим большим серо-коричневым спутником, бело-голубая Сильвана с зеленой Селеной, светло-рубиновая Тетра с тремя маленькими спутниками… Талар… Огромный золотистый Семел… И все остальные…

Они остановились в центре зала, растянувшись невеликой шеренгой, зачарованно глядя вверх. Медленно кружили планеты, сияло Солнце.

— Интересная машинерия, — сказала Мара. — И к чему все это?

— Хороших лекарей здешнему обитателю не хватает… — проворчал Шедарис. — Ничего, доберемся — вылечим…

Сварог молчал. Снова что-то навязчиво крутилось в подсознании, не отливаясь в ясные слова. Что-то, что-то, что-то…

Связанное с лесной Девой и ночью пророчеств…

Солнце!

— Мара, бежим! — отчаянно крикнул он.

И вновь опоздал — Солнце обрушилось из мрака, словно брошенный с высокой башни камень, накрыло Мару, поглотило. — Сварог не ощутил настоящего жара — только волна горячего воздуха ударила в лицо. А когда светило взмыло с той же быстротой, рядом лежал скелет, ничуть не опаленный огнем — и разбросанное рядом оружие.

Берегись Солнца…

Он стоял, не в силах пошевелиться, в груди вместо сердца был ледяной комок. Все видел, все понимал, но поверить до конца не мог, слишком быстро, словно бы играючи все произошло. Неизвестно, сколько он торчал бы столбом, но почувствовал сильный толчок в спину, услышал яростный рык Шедариса:

— Пошли отсюда!

Дверь. Лестница, изгибом уходящая влево. Вот это уже что-то новое…

На зал не похоже, совсем не похоже. Каменный пологий откос уардов в пять шириной, на противоположной стороне расселины такой же, и там видна дверь. Расселина шириной уардов в пятьдесят, уходит в обе стороны так далеко, что краев отсюда не видно. Высокий потолок — из того же бугристого камня. А через расселину перекинут мост: узкий, одному человеку пройти, белоснежный, с ажурными перилами, непонятно, из чего сделанный, снизу его поддерживают соединяющие края

расселины широкие, выгнутые изящные фермы, две дуги с тем же ажурным плетением меж ними и мостом.

Мост… Берегись мостов… Сварог подумал спокойно, даже отрешенно: «Что же, моя очередь? Как это кричал тот генерал — не вспомнить сейчас, русский или прусский? Вы что, канальи, собрались жить вечно?»

— Шег, — сказал он тихо. — Иди первым. Не подумай ничего такого. Просто тут *все* сбывается, а мне мост напророчен… Случись что, один тут застрянешь…

— Да все я понимаю, командир, — сказал Шедарис спокойно. — И в самом деле, мало ли… Одному тут застревать — не тянет что-то.

И он быстрым, размашистым шагом направился по белоснежному мосту, судя по всему, чертовски прочному — мост не качался, не прогибался. Оказавшись на той стороне, повернулся к Сварогу, и тот столь же быстрым шагом, почти бегом, пошел по мосту — не торчать же тут до скончания времен? И кто сказал, что ты будешь жить вечно?

На середине он ощутил под ногами некое шевеление. Ускорил шаг, оглянулся. Оставшаяся за спиной часть моста легонько колыхалась, словно бы оплывая и проседая, как попавшая в печь свеча, это начиналось от покинутого *берега* и понемногу распространялось все ближе, ближе…

Сварог побежал, чувствуя, как белоснежная дорожка под ногами словно бы опускается вниз. Наддал, оглянулся еще раз — противоположный конец моста вместе с фермами уже отделился от каменного откоса, искореженный, причудливо смятый, медленно проваливался вниз…

И все же он успел — мост, сминаясь в огромный бесформенный комок, провалился в пропасть, казавшуюся бездонной, бесшумно, словно они оглохли. Снизу на миг поднялось зеленое сияние и тут же погасло.

Пальцы у Сварога самую чуточку подрагивали, и это ему крайне не нравилось. Он сел прямо на камень, сказал глухо:

— Перекур?

Шедарис опустился рядом, взял у него зажженную сигарету, и какое-то время они молча пускали дым, а потом, отшвырнув окурки, взяли по второй — неизвестно, когда еще придется…

— Одно ясно: это не *мой* мост, — сказал Сварог. — Знаешь, Шег… Не могу отделаться от впечатления, что эта тварь с нами играет… Кажется так, и все тут…

— Доберемся, я с ним поиграю… — сказал Шедарис.

Сварог попытался улыбнуться, но чувствовал, что ничего у него не получается. Сказал с ненаигранной бодростью:

— Что самое интересное… По всему выходит, у тебя даже больше шансов, чем у меня. До сих пор все предсказанное сбывалось в точности. Насчет меня, рассуждая без соплей, ничего толком неизвестно, может грохнуть за этой самой дверью. А вот про тебя, наоборот, известно точно, что помрешь ты генералом. А ты пока что капитан, и если бы даже на меня нашла такая дурь — в генералы тебя произвести прямо сейчас — нет ни бумаги, ни чернил, ни королевской печати. Так что шансов у тебя побольше…

— Да ерунда, — отрешенно сказал Шедарис, глядя в никуда холодными глазами. — Равные у нас шансы, командир. Я уже давно генерал, с тех самых пор, как вернулись из Моря Мрака…

— Как это? — не на шутку удивился Сварог.

— Да очень просто. Через полгодика после Моря Мрака копался в военных уставах по какой-то мелкой надобности — и наткнулся на параграф… Старый, но не отмененный. Рядовой гран-алы, которой командует сам король, носит генеральский чин. Так что давненько уж я самый настоящий генерал, без дураков…

— И молчал?

— А смысл? — пожал плечами Шедарис.

— И пошел…

— А что я, Симарглом обосранный или трус? С тобой, командир да не пойти… Вот только дойти бы, а там уж за всех поквитаемся…

— Ну, тогда пошли, — сказал Сварог вставая.

Впервые за все время их блужданий по этому сумасшедшему дому за дверью не оказалось лестницы! Длинный, очень длинный светло-коричневый коридор начинался сразу за дверью без единой ступеньки. Примерно треть его, близкая к ним, отгорожена темно-коричневой, странно бугристой каменной, кажется, стеной с аркообразным проемом. И кончается коридор дверью — такой же двустворчатой, аркообразной, как все прежние, но на сей раз она не из темного дерева — цвета золота, в тон все тем же ручкам…

— Шег… — сказал Сварог тихонечко, севшим голосом. — А не похоже ли, что мы *дошли?*

— Хорошо бы, хур Симаргл… — процедил Шедарис.

Они невольно ускорили шаг. Коридор был чист, тих и совершенно пуст. Чем ближе, тем лучше видно — проем не просто бугристый, стена покрыта выступами, напоминающими половинку желудя, — сплошь, сверху донизу, искусные здесь потрудились камнерезы, надо признать, времени и умения, несомненно, потребовалось…

ВВВ-зи-ууу!!!

Стена словно *вскипела* — то, что казалось половинками желудей, отделилось от нее, оставив бесчисленные ряды аккуратных ямок. Туча коричневых «желудей», на лету выпуская блестящие острия, рванулась навстречу с невероятной скоростью — так, что Сварог не успел ничего сделать…

Налетела — и отхлынула, как набежавшая на берег морская волна, разлетаясь во все стороны, падая на пол. Сварог ошарашенно огляделся. Весь пол перед ним усыпан неподвижными «желудями» с длинными блистающими иглами. А там, где только что стоял Шедарис…

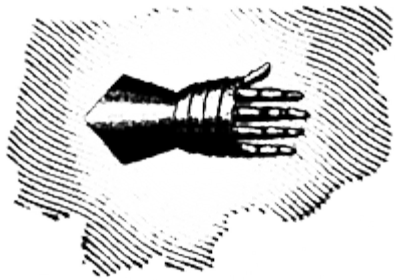
То, что там лежало, весьма напоминало очертаниями человеческую фигуру, но сплошь покрытую «желудями», превратившими генерала в гротескную статую, совершенно неподвижную.

— Значит, вот так… — сквозь зубы сказал Сварог. — Ну что же, шагом марш…

Он шагал по коридору, твердо ставя ноги, держа топор наготове, в душе и в мыслях была совершеннейшая пустота, *клокотавшая* болью и яростью. Понятия не имел, чем для него это все закончится, но твердо знал, что обязан дойти и поквитаться за все и за всех, за прошлое и будущее…

Справа и слева — хаотично разбросанные черные ниши. Из них с пронзительным визгом на Сварога кинулась орава каких-то вертких тварей, проворных, ничуть не похожих на людей. Он взмахнул топором — и крошил, крошил, крошил… Разлетались бесформенные куски, фонтанами брызгала зеленая липкая жидкость, пятнавшая его одежду, попадавшая на кожу, — а он крушил, как берсерк, пока не увидел, что остался совершенно один посреди накромсанных кусков и луж зеленой жидкости.

Пошел вперед. Ниш по сторонам коридора больше не было. Дверь, когда он приблизился вплотную, показалась отлитой из чистого золота — но отворилась так же бесшумно и легко, как все прочие здесь. Еще не сделав ни единого шага, он уже понял, что наконец добрался…



Глава XV
ПЯТАЯ ЧЕТВЕРТЬ ПУТИ

Большой сводчатый зал. С двух сторон возле двери — два высоких стрельчатых окна, закрытых цветными витражами, — снова неприятные на вид черно-зелено-белые узоры, напоминавшие переплетение безголовых змей. Все остальное пространство обеих стен закрыто тяжелыми темно-фиолетовыми портьерами. Пол — мозаичный, черно-синий, выглядевший так, словно разноцветные кусочки разбрасывали пригоршнями, как сеятель зерно, и они так и остались там, где упали, образовав даже не узор, а хаотичную россыпь без складу и ладу.

У противоположной стены — высокий черный трон, спинка заканчивается остроконечными столбиками, поставленными «шалашиком», меж ними и человеческой фигурой на троне тот самый намозоливший глаза герб. Ну что же, со свиданьицем…

Человеческая фигура на троне пошевелилась. Послышался сухой, язвительный, неприятный голос:

— Ну что же вы стоите, дорогой гость? Разрешаю приблизиться. Только убедительно прошу не переступать Черты, это в ваших же интересах…

Сварог, опустив руку с топором, пошел к трону чуткой походкой хищного зверя, уже отчего-то совершенно не опасаясь очередных подвохов — почему-то возникла стойкая уверенность, что больше их не будет. Сошлись лицом у лицу…

Ага, это, надо полагать, и есть Черта — полоса тускло-золотистого цвета, чуть-чуть выступающая над мозаикой — округло, словно верхушка тонкий трубы. Остановившись перед ней и оказавшись уардах в семи от трона, он во все глаза разглядывал сидевшего на нем человека. Кто бы это ни был, он выглядел совершенно как человек: невысокий, пожилой на вид (сколько ему *миллионов* лет от роду?), узкое лицо с застывшим на нем выражением хронического недовольства всем на свете, как у язвенника со стажем, острый подбородок, туфлеобразный нос с глубокими морщинами, идущими от его крыльев ко рту, маленькие колючие черные глазки, выглядит чистейше выбритым, а вот старательно расчесанные длинные черные волосы падают гораздо ниже плеч. На голове — та самая корона с герба. Узорчатый черно-зеленый камзол, вызывающий ассоциации со змеиной кожей, черные шаровары, черные низкие сапоги. А еще он горбат, и горб немаленьких размеров, так что сидит он, чуть отстранившись от высокой спинки кресла, в которую горб

упирается. Рот маленький, бледный. Никаких украшений. Узкие ладони с длинными пальцами, причем все, кроме большого — одинаковой длины, с черными ногтями, казавшимися аккуратно подстриженными. Так вот ты какой, северный олень… Тварь, погубившая его лучших друзей…

Сварог постарался отрешиться от любых эмоций, сохранить совершеннейшее хладнокровие: он всего лишь *добрался* и не более того, главное не сделано…

— Ну, что вы молчите? — спросил человек на троне. — Столько трудов потратили, добираясь сюда… Не боитесь же вы меня? Чего-чего, а страха на лице у вас нет…

— Это не вас ли кличут Безумным Зодчим? — спросил Сварог.

— Иногда и так, — кивнул человек на троне. — Правда, сам я категорически не согласен с эпитетом «Безумный». Помилуйте, ну ведь ничем не заслужил… Предпочитаю, чтобы меня именовали просто Зодчим. Что же вы не задаете вопросов? Чуть ли не все ваши предшественники обожали задавать вопросы, хотя в толк не возьму, какую в этом они видели для себя выгоду… Но такова уж человеческая натура, надо думать: даже оказавшись *здесь,* задавать вопросы, как будто это поможет или спасет… Не стесняйтесь, мне все равно нечем заняться, а впереди у меня — Вечность. («Ну, это мы еще посмотрим, сколько тебе осталось той вечности», — подумал Сварог угрюмо). Впрочем… Сначала, я сам задам парочку вопросов, любопытства я не лишен, в чем подобен людям… Что с вами со всеми там случилось, в *большом* мире?

— То есть? — искренне не поняв вопроса, спросил Сварог.

— Ваша компания — первая за много, невероятно много лет. Когда-то ко мне едва ли не вереницей тянулись глупцы, желавшие меня убить. Их становилось все меньше и меньше, в конце концов перестали приходить… Вряд ли из страха: я достаточно долго прожил, чтобы уяснить: человек — странное животное, он продолжает лезть даже туда, откуда, о чем ему точно известно, не возвращался живым никто из его предшественников… Что же там у вас случилось?

— Как бы вам сказать… — пожал плечами Сварог. — Дорогу завалило. Можно и так выразиться.

— Ага… А вы, значит, сумели пробраться вместе с вашей весьма интересной собакой?

— Сумели, — кратко ответил Сварог.

— Уж не означает ли это, что ко мне вновь потянутся *гости?*

— Вполне возможно.

— Замечательно, — на узком лице появилось нечто напоминающее довольную улыбку. — Просто замечательно! Не

скажу, что я способен скучать в точности, как человек, но что-то похожее на скуку все же испытываю. Так давно не было гостей… У вас, право, великолепный топор. Таких красивых и не видел, хотя ко мне приходили… да с чем только ко мне не приходили… Не угодно ли полюбоваться?

Он повел указательным пальцем — и портьера слева от Сварога плавно и бесшумно, собираясь в толстые складки, уползла к задней стене. От пола до потолка открывшееся пространство было увешано самым разнообразным оружием: мечи, копья, боевые топоры, шестоперы, боевые вилы, гуфы и глефы, кривые сабли — да чего там только не было… Сварогу бросился в глаза меч Мары — в зеленых ножнах с золотыми украшениями в виде морских волн, позолоченной рукоятью и сегурским гербом на крестовине эфеса. Он увидел и пулемет Бони — рядом с шизофренической педантичностью красуются все до единого запасные магазины. Один автомат, один пистолет — тоже с магазинами и обоймами. Гранаты Шедариса, осколочная и термитная.

— Вот любопытно… — сказал Зодчий. — Эти черные штуки… Что-то новенькое, такого прежде не было. Похоже, у вас многое совершенствуется, вы не стоите на месте… Аккуратненько сбросьте с плеча вашу вещицу. Я понял принцип ее действия, еще ночью перед вашим появлением, мне это не нравится… Сбросьте, сбросьте, у меня есть возможность вас убедить, если заартачитесь.

Сварог левой рукой снял с плеча ремень автомата, опустил руку, автомат глухо стукнулся об пол. «Кое-что проясняется, — подумал он. — Значит, Зодчий за нами следил, по крайней мере в ту ночь. Уж не потому ли он боится огнестрела, что пули могут его убить? Слишком часто повторялось, что Великий Мастер не умеет предвидеть будущее, — а в те времена, когда он создавал Воплощения, вершиной военно-технической мысли был лук со стрелами…»

— А топора вы не боитесь? — спросил он без тени язвительности.

— Нет, — спокойно сказал Зодчий. — Вы попросту не успеете, не дадут вам броситься… Или не верите?

Сварог криво усмехнулся:

— Я как-то привык полагаться на доказательства…

— Извольте, — пожал плечами Зодчий.

Он не сделал ни единого жеста, в лице ничего не изменилось, но то, что Сварог считал его горбом, вдруг шевельнулось, распалось, вытянулось… Над головой Зодчего взмыли две длинные змеи, словно растущие прямо из тела — в черно-зеленом узоре, повторявшем расцветку камзола (или это камзол повторял

их расцветку), гибко заколыхались, уставясь на Сварога немигающими желтыми глазами с черным вертикальным зрачком, чересчур большими для *обычных* змей.

— Они успеют раньше, если вы все же окажетесь настолько глупы, что броситесь, — сказал Зодчий с подобием улыбки. — Дотянутся до вас, когда и шага не успеете сделать… Они убедительны?

— Весьма, — сказал Сварог.

Он только что получил ценнейшие знания: Безумный Зодчий *боится* и топора. Ладно, если даже он и наблюдал за ними с самого начала и до конца, ни разу не мог видеть, как летает в воздухе Доран-ан-Тег — будем надеяться, способный опередить и этих милых гадючек… Должен быть шанс…

— У вас что же, совсем нет вопросов? — поднял тонкие брови Зодчий. — Непохоже на человека…

— Отчего же, есть, — сказал Сварог, уже понявший: убивать его наверняка будут, но только после долгих разговоров. — Вы с нами *играли?*

— Ну конечно же! — воскликнул Зодчий живо. — Единственное развлечение, единственная отрада старого отшельника… Давным-давно я перепробовал многие другие *вещи,* но они наскучили. Все, кроме игры. С вами, новыми, было очень интересно играть. Кое-кого я останавливал в Низине — в них не было ничего интересного, таких уже приходило немало. Но ваша компания — это нечто прежде невиданное. Поэтому я и позаботился, чтобы вам не мешали по пути. А потом, ночью, послал корабль. Ради игры, посмотреть, что вы сделаете. И сразу понял: с вами будет особенно интересно. И не ошибся, получил большое удовольствие. Мне даже начинает казаться, что вы заслуживаете вознаграждения за столь увлекательную игру. Если будете просить пощады, можете ее и подучить… Будете?

— Я еще не решил, — сказал Сварог.

Он стоял, опустив руку с топором так, что верхний край лезвия едва не касался пола. Мог метнуть Доран-ан-Тег и из такого положения, достаточно легкого движения пальцев…

Он взглянул на чуть колыхавшихся змей, не сводивших с него пристальных немигающих взглядов. И *вспомнил!* Забыл только, на которой планете слышал эту сказку. Жил-был в незапамятные времена царь Зохак, жаждавший бессмертия и могущества, недостижимого для простого смертного. Кончилось все тем, что он дружески расцеловался с дьяволом, и после этого поцелуя у него над лопатками выросли две змеи, которых регулярно следовало кормить человеческим мозгом. И ведь сходится! Ненормально большое число беременных и родившихся детей,

регулярные *жребии…*

— У вас такое лицо, словно вас осенило… — сказал Зодчий.

— Царь Зохак! — вырвалось у Сварога.

— Занятно, — без всякого неудовольствия сказал Зодчий. — Весьма занятно. Не вы первый, конечно, догадались, но это было так давно… Я и не припомню, когда в последний раз обо мне вспоминали *гости…* Значит, не забыли у вас, там, откуда вы пришли?

— Не забыли, — сказал Сварог. — Значит, люди вам нужны…

— Ну, разумеется! — живо воскликнул Зохак. — А для чего же еще они могут быть нужны, если не считать некоторого количества слуг? Я их *пасу.*

— И кормите?

— Конечно. Какой хороший пастух будет держать стадо впроголодь? Зверей в Низине кормлю тоже. Столько времени прошло, а у вас меня еще помнят… Я как-то незаметно лишился почти всех человеческих чувств, в том числе и тщеславия, но все равно, приятно…

Он вдруг быстро глянул куда-то за спину Сварога. В ту же сторону бдительно повернула голову одна из змей. В следующий миг рядом со Сварогом мелькнула широкая темная полоса, и бок о бок с ним встал Акбар.

Выглядел он *жутко:* длинная шерсть сплошь слиплась острыми сосульками, пропитанными чем-то зеленым, та же вязкая зеленая жидкость (который был обляпан и Сварог) медленно капала из оскаленной пасти, на левом боку проплешина ладони в две, шерсть определенно сожжена до кожи и виден ожог, хлебнул горького… Но гарм не выглядел ни раненым, ни ослабевшим — глаза пылали яростью, на ногах он стоял прочно. Расставив передние лапы, прижав уши, рыкнул на Зохака.

Тот безмятежно сказал:

— Вы ведь умеете им командовать? Прикажите стоять, где стоит, змеи опередят и его…

Сварог послал мысленный приказ. Акбар остался стоять, глухо ворча.

— Замечательная собачка, — сказал Зохак. — Столько пройти ловушек — и все же выбраться… Пожалуй что, она достойна, чтобы с ней обращались, как с полноправным игроком…

Он вновь повел указательным пальцем — и портьера справа от Сварога раскрылась так же бесшумно и быстро. У Сварога защемило сердце. Там, в обширной прямоугольной нише длинными рядами стояли высокие колья золотистого цвета — быть может, и золотые — и на них были надеты человеческие черепа: много, очень много. Все они пожелтели, посерели — но

передний ряд, совсем короткий по сравнению с остальными, состоял лишь из восьми кольев. На шести из них *белели* черепа, а два оказались пусты.

— Улавливаете мою мысль? — почти любезно спросил Зохак. — Ваш песик столь великолепно проявил себя в игре, что достоин кола, как и вы, как и все прочие. Иногда, очень редко, иные приводили собак, но это были обычные шавки, не способные *играть,* а вот такого я вижу впервые. Откуда он взялся?

— Очень уж долго рассказывать, — сказал Сварог. — В конце концов, ничего интересного…

— Хорошо, — покладисто сказал Зохак. — Раз неинтересно, значит, неинтересно… У вас больше нет вопросов? Тогда не перейти ли нам к насущным делам? Убить вас просто так, как других? Но пищи для змей и так достаточно. Мне пришло в голову, что мне, пожалуй, кроме этих тупых созданий, что занимаются кораблями, пригодится еще и слуга, ведающий играми. Вы уже показали, что играть умеете интересно. Значит, сможете и организовать увлекательные игры. Коли уж каким-то образом путь, я так понимаю, перестал быть завален… Это открывает новые возможности для игры. Управитель по играм… — произнес он задумчиво. — Что-то новое, само по себе интересное. Только не подумайте, что все будет *просто.* Что я заставлю вас пробормотать какую-нибудь клятву, после чего стану полностью доверять. Надеюсь, вы понимаете, что так просто дела не делаются?

— Понимаю, — сказал Сварог.

— Положительно от вас будет польза… — сказал Зохак. — Слишком многие до вас были ограниченнее, глупее… Ну, конечно же, придется пройти некоторые… церемонии, после которых вы как раз и станете достойны *полного* доверия…

«Догадаться примерно можно», — подумал Сварог. И спросил:

— А мой пес?

— Вы уже начинаете торговаться? Неплохо…

— Я к нему привык.

— Ваш пес, ваш пес… А знаете, он тоже может пригодиться для игры. Тем более что с животными некоторые церемонии проделать даже гораздо проще, чем с людьми. Хорошо, — он небрежно взмахнул рукой. — Считайте, что попадаете на службу оба. Бросайте топор, он вам больше не понадобится. Ну? Вы что, не поняли? Бросайте топор!

Сварог стоял неподвижно, чуть-чуть посильнее стиснув древко и напрягши кисть. Кажется, разговоры кончились…

— В *последний* раз говорю: бросайте топор! — прикрикнул Зохак. — Иначе… Ну, как знаете…

Змеи словно *выстрелили,* явственно утончаясь, с нереальной быстротой метнулись к нему с Акбаром — и Сварог успел крикнуть на змеином языке:

— Назад, дура!!!

Он все же *сбил* ее с темпа и отвел от цели — она, несомненно, метила в горло, но, услышав его крик, на миг *растерялась,* нелепо мотнулась в воздухе… и впилась в левую руку пониже плеча, словно по инерции.

Доран-ан-Тег взлетел — и из перерубленного туловища змеи ударила черная кровь. Не теряя ни секунды, Сварог, перебросив древко топора в левую руку, ухватил обрубок позади плоской головы и рванул что есть силы, несмотря на дикую боль. Оторвал, швырнул под ноги. Бросил быстрый взгляд вправо — там все было в порядке, Акбар стоял чуть правее, а перед ним валялась змеиная голова, явно оторванная ударом когтистой лапы.

По ушам ударил пронзительный, нечеловеческий вопль — Зохак выгибался на троне, потеряв корону с головы, закатив глаза, безостановочно выл.

Сварог метнул топор. Туманный круг со светившимся почти по кромке ярко-алым пояском — рубин в навершии — взмыл с упругим, шелестящим свистом, описал плавную дугу, вернулся в руку, как встарь…

Отсеченная голова покатилась по полу. Пролаял Акбар — словно испустил победный клич. Сварог стоял, расставив чуть подкашивавшиеся ноги — левая рука горела острой болью, не было ни радости, ни торжества, лишь облегчение и в то же время тягостная усталость, но не тела, а души… «Не так уж сложно, — повторял он про себя, — не так уж сложно оказалось. Вот только ради этого здесь навсегда остались шестеро лучших друзей, с которыми прошел огни и воды…»

Опомнившись, зорко огляделся. Змеиные тела уже не шевелились, чернели лужи крови — а нелепо скособоченная безголовая фигура на троне залита такой же черной кровью, все еще толчками выбивавшейся из горла. И никто не врывается на помощь — значило попросту некому…

Наклонился, левой рукой, по-прежнему горевшей от боли, поднял за волосы голову. Удивительно, но она еще жила — гримасничала, пялясь на Сварога с бессильной яростью, шевелила бледными губами…

Хотя так давным-давно уже не делают при возвращении из военного похода, ее нужно прихватить с собой. Особый случай. В одном из монастырей Братства Святого Роха, в подземелье, хранится и череп дракона Брелганда, и сосуд с водой из Моря Мрака (потому что от Великого Кракена ничего не осталось), и

подвергнутые чему-то вроде бальзамирования исполинские головы морских змеюк (Яна, узнав от Сварога, в чем дело, разрешила передать их монахам). Теперь и *это* там же упокоится: все четыре Воплощения в сборе, кончено…

Но вот как отсюда выбираться?

Акбар требовательно ткнул его влажным носом в ухо. Сварог непонимающе посмотрел на него. Гарм коротко, тревожно пролаял, вертя головой, все еще оскалясь, встопорщив на загривке слипшуюся шерсть.

Сварог огляделся. Действительно, что-то не то творилось: по стенам, по полу, по потолку — и это ничуть не мерещилось — словно бы проходили судороги, все усиливавшиеся, прокатывавшиеся волнами, пол под ногами колебался, дрожал, трясся, словно палуба попавшего в бурю корабля…

— Вижу, что скверно, малыш… — сказал Сварог. — Ну, а делать-то что?

Акбар оглушительно гавкнул, словно укоряя за глупость, лег рядом, повернул лобастую башку, выразительно глядя на Сварога. И Сварог понял. Сунув топор в чехол, щелкнув застежкой, не выпуская трофея, упал на теплую спину, здоровой рукой крепко вцепился в липкую шерсть.

Темная туманная полоса, на которой он каким-то чудом удерживался, метнулась к высокому витражу. В последнюю секунду Сварог понял, что ему эту преграду так просто не преодолеть — и наклонил голову, прикрыл лицо левой рукой.

Зазвенело стекло — самое, надо полагать, обыкновенное. Вышибив его всем телом, Сварог оказался снаружи, высоко над алой снежной равниной, темная полоса увлекла его по крутой дуге вниз, коснулась снега и вновь стала гармом. Сварог скатился с его спины, удержался на ногах, осмотрелся.

Прямо перед ним был дом для слуг, к которому примыкал навес для летающих кораблей, где одно гнездо было пустым — уже навсегда. В окнах замаячили испуганные рожи, и Сварог, не раздумывая, ощерясь, бросил гранаты — сначала осколочную, за ней термитную. Они со звоном разнесли стекла, внутри громыхнул взрыв, следом взметнулось ярко-белое пламя. Ага! Там, должно быть, имелась задняя дверь, черный ход — видно было, как из-за дома выскочили несколько человек в знакомой форме, заполошно припустили прочь по снежной равнине, сами не зная, куда бегут, лишь бы оказаться от всего этого подальше. Автомат он забыл в тронном зале, пистолет оставался за пазухой — но не стоило тратить время на *мелких* тварюшек, если покончено с хозяином, сами где-нибудь сдохнут, будем надеяться…

— Пошли, — сказал он Акбару.

Подошел к крайнему кораблю, запрыгнул на палубу — и весь скособочился от прошившей левую руку боли. Пожалуй, совсем плохо, нужно побыстрее… Скрутил черные волосы в жгут, привязал голову царя Зохака к нижней рее. Оглянулся, услышав лай Акбара, и глянул в ту же сторону.

С чудом шизофренической архитектуры происходили новые изменения: замок колыхался, словно Сварог смотрел на него сквозь раскаленный воздух над гигантским костром, на глазах становился ниже, оседал, проваливался внутрь себя, словно, и в самом деле, был пучком поставленных на раскаленную сковородку свечей. Все было кончено.

— И черт бы с ним, малыш… — сказал Сварог, осторожно передвигая нужный рычаг.

Летучий корабль вздрогнул, медленно приподнялся над подставками, медленно выплыл из-под навеса. Глянув на компас — его собственный, как и шагомер, неизвестно когда разбились, — чуть крутанул штурвал, направляя нос корабля по нужному курсу, вывел скорость на максимум. Выдвинул здешний «автопилот» — металлический стержень, сомкнул «челюсти» на штурвале — незатейливо, но эффективно…

Вот теперь было время подумать и о себе. Он положил правую руку на левое предплечье, ощутив под ладонью горячее длинное вздутие, и произнес должные заклинания.

Безуспешно. Они не помогали, лечебные, ни одно. Руку уже жгло так, словно в рукав напихали раскаленных угольев, дергало, тянуло, волнами накатывали, сменяя друг друга, то озноб, то жар, прошибал пот. Все дело, видимо в том, что это были не *обычные* змеи, а заклинаний, способных излечить укус этой, вполне возможно, и не существовало в природе. Плохо. Ничего, продержаться каких-то полтора часа, а там, быть может Яна сумеет что-то сделать. Чертовски обидно было бы помереть от змеиного яда на обратном пути, возвращаясь победителем…

Вскоре показались горы — и остались за кормой. Никакого кресла для штурвального, как и на обычных кораблях, тут не было, и Сварог опустился на палубу — ноги не держали, противная слабость распространялась по всему телу, что-то изнутри ощутимо давило на левый рукав. Он достал из ножен кинжал толладской стали — узкое лезвие в синевато-серых разводах, еще один секрет тамошних оружейников — вспорол рукав у плеча, оборвал его к чертовой матери.

Посмотрел. Да, скверно… Под кожей вздулась опухоль мерзкого белесоватого цвета, длиной уже почти в ладонь и шириной пальца в два — и она, пусть медленно-медленно, но все

же на глазах распространялась, причем только в сторону плеча… А если дойдет до сердца? Звериное чутье подсказывает: ничего хорошего…

Пожалуй, здешние меры расстояния все же будут покороче таларских лиг — стрелка указателя скорости стояла на сорока, но на скорость в сорок лиг в час это определенно не походило — медленнее летим, черт…

— Ну, и чего ты добился? — послышался от мачты сварливый знакомый голос.

Цепляясь правой рукой за борт, Сварог обошел мачту справа, сгорбившись, шатаясь, добрел до реи, растянулся на палубе лицом вверх. Он мог голову прозакладывать, что это не галлюцинации: бледные губы царя Зохака шевелились, рожа гримасничала, голос звучал не в голове, как бывает при галлюцинациях, а именно с той стороны.

— Дурак, болван, очередной печальник о благе человечества, — цедил слова Зохак. — Не в том даже дело, что человечество, ручаюсь, и не узнает о своих спасителях. Ты, олух, *положил* здесь лучших друзей, всех до единого, таких больше *никогда* не будет…

— Они все знали, на что шли, — сказал Сварог пересохшими губами, глядя в сероватый сумрак, что считался здесь небом.

— А какая разница? Их большие *никогда* не будет… И ради чего? Согласен, дорогу Повелителю ты в этот мир отрезал… Ты хоть знаешь, сколько во Вселенной еще миров, по которым он может ходить свободно?

— А ты уверен, что в тех мирах нет таких, как мы? — спросил Сварог. — Что молчишь? Ответь, падаль, на вопрос, а не увиливай. Молчишь? Молчишь, погань? — и выкрикнул с надрывом: — Там есть такие, как мы, не может их не быть везде, где есть люди! Мы, может, и не первые такие… Наверняка не первые…

И, не слушая уже бормотавшую что-то голову, вернулся к штурвалу уже вдоль левого борта, все так же цепляясь за него правой, — левая рука висела плетью, Сварог попытался пошевелить пальцами, но они не шелохнулись. Рукояткой кинжала постучал повыше левого локтя — рука потеряла чувствительность.

— Сдохнешь, — доносился голос Зохака. — Сдохнешь по дороге, и твою девку будет трахать кто-нибудь другой, она не сможет хранить тебе верность всю жизнь, а твои королевства превратятся в кровавую чашу, все будет гореть, все, кого ты ценил и награждал, погибнут, и твоя обожаемая Тарина Тареми растворится в Шторме… Ты уверен, что это достойная цена моей

головы?

— Не каркай, сволочь, мне все равно плевать… — и понял, что не произнес это вслух, лишь пошевелил губами.

Не колеблясь, превозмогая головокружение и подступавшую к горлу тошноту, примерился и кончиком кинжала вспорол опухоль, не ощутив ни малейшей боли. Нажал лезвием плашмя, выдавливая омерзительно вонявший желтый гной, растекавшийся по руке к кисти. Стало чуть полегче, но ненамного, опухоль помаленьку продолжала распространяться к плечу. Оказалось, он все же поранился о стекло — кровь пролилась по волосам и стянула кожу на висках, на щеках. Но она уже подсохла, и не было смысла заниматься такими пустяками, не до них, хотя уж с этим мог справится в два счета.

Поднял себя на ноги отчаянным усилием. У него хватило сил добрести до носа. Низина осталась позади, Сварог — в глазах чуточку двоилось — высмотрел внизу узкую просеку в кустарнике, самую чуточку изменил курс, вновь защелкнул металлические захваты на штурвале. Акбар пытливо оглянулся на него.

— Все нормально, — смог Сварог произнести достаточно громко.

Выдавил еще гной, сколько мог. Закурил, надеясь, что это поможет, но дым драл горло, как никогда прежде, кололо в легких, и он отбросил сигарету. Чуточку больше, но не намного — помогла осушенная чарка келимаса.

Только теперь он в полной мере осознал все происшедшее. И встало слово «никогда». Никогда больше он не увидит ни Мару, ни всех остальных. Никогда Леверлин не допишет книгу о настоящем Асверусе. Никогда не закончат начатые деда Шедарис и Тетка Чари, Бони и Паколет. Никогда. Тоска нахлынула такая, что не умещалась в сознание. Да вдобавок где-то в отдалении звучал *другой* голос, рассудительный, деловой, суховатый, твердивший: нужно будет срочно решать что-то с Сегуром, с Дике, с оставшимися без хозяев Вольными Манорами, кое-какие планы переделать с учетом сложившейся обстановки, а иные, не исключено, отменить вовсе. И ничего нельзя с этим поделать, потому что это был его собственный голос — голос короля, не имевшего права ни на какие человеческие чувства. Он крикнул самому себе: сгинь, пропади! И тут же понял, что это бессмысленно — изгонять из сознания самого себя. Дорога Королей никуда не делась, шагать по ней и шагать…

Снизился над равниной — он все же лег на правильный курс.

Потом стало хуже: вокруг корабля порой вставали зыбкие полупрозрачные тени, которые могли быть только

галлюцинациями без четких контуров и форм. Он явственно слышал гитарные переборы и молодой мужской голос:

— У кого жена, дети, брат —
пишите, мы не придем назад.
Адмиральским ушам простукал рассвет:
«Приказ исполнен. Спасенных нет».
Гвозди бы делать из этих людей,
крепче бы не было в мире гвоздей…

Откуда-то он совершенно точно знал, что слышит свой собственный голос и переборы той самой, чуть расстроенной его гитары, что окончила свое существование, разлетевшись на куски на голове одного из исконных врагов, курсанта в черных погонах. Обе стороны считали мушкетерами себя, а противника упорно именовали гвардейцами кардинала — Боже мой, какие дети…

Потом — снова не в голове, а где-то рядом — зазвучал высокий девичий голос:

— Что это, что это, что это за песнь?
Тихо-тихо руки белые свесь.
Звонкие гитары, стыньте, дрожа —
Синие гусары под снегом лежат…

Конечно же, Алька-филологиня, второй курс, а он на третьем. Легкий, ни к чему не обязывающий роман, расстались без тени неприязни, вполне дружески…

Он не знал, сколько это продолжалось — голоса из прошлого, песни из прошлого. Вдруг увидел Мару, улыбающуюся, веселую, в легком платьице сидевшую на фальшборте — и встречный ветер не трепал ее волосы, она смеялась и что-то говорила, но Сварог не слышал ни слова. Зажмурился, потряс головой — при этом явственно слышал тоненький стеклянный перезвон — и, когда открыл глаза, Мары там уже не было.

Надавил лезвием плашмя на опухоль, уже заползшую на плечо, словно гротескный погон. Глянув на часы, разомкнул металлические челюсти, высвободил штурвал, сбросил скорость до «десяти», нечеловеческим усилием воли заставил себя встать на ноги, взялся за темные пузатенькие ручки и опустил летучий корабль гораздо ниже. Превозмогая слабость и боль — сердце уже пару раз словно бы тронула ледяная лапка, *примериваясь,* — стараясь сфокусировать взгляд, вертя головой вправо-влево, высматривая затесы, повел корабль на высоте человеческого

роста, меж голых серых стволов.

Ага! Акбар вдруг сел на носу, обернулся к нему, радостно гавкнул и неотрывно смотрел вперед. Сварог по нему держал курс, и, похоже, поступил правильно: затуманенным взглядом видел и затесы с обеих сторон, и сиявший впереди крохотный прямоугольничек. Дверь…

Его шатало, как пьяного, и он уже плохо справлялся со штурвалом, корабль швыряло, как лодку в бурю, он то и дело с треском ударялся о стволы то левым бортом, то правым, отлетел кусок фальшборта, отлетали доски, корабль просел кормой, один раз задел днищем землю, и Сварог едва его выправил…

Отчаянный треск! Корабль левой скулой налетел на очередной серый ствол в два обхвата — и развалился. Сварога швырнуло к правому борту, он не удержался на ногах и кулем осел на землю, приподнявшись на правом локте, посмотрел вперед. Дверь не так уж и далеко, шагах в двадцати, но уже не было сил встать на ноги и идти, как он ни корячился, даже ползти не смог бы, упираясь только одним локтем.

Распространившаяся на плечо опухоль спускалась по ключице к сердцу. Акбар залаял над ним гулко, тревожно, словно звал на помощь. Сварог перевалился на живот и попытался все же ползти — хватило только на пару шагов, и он уткнулся лицом в пахнущую свежестью траву. В голове назойливо крутилось: мы все погибли здесь, выполняя приказ, мы все погибли здесь…

Сильный рывок вздернул его на ноги, Сварог почувствовал затылком влажный нос, шею сдавил натянувшийся ворот камзола, его потянуло вперед, и Сварог понял, что это Акбар, ухватив его зубами за воротник сзади, волокет к двери так, что каблуки чертят по земле.

Перед глазами все качалось и плыло, но он все же увидел Яну — с белым, как стена, лицом она торопливо посторонилась, Акбар проволок его через «стакан», затащил в тронный зал, опустил осторожно, как только мог, но Сварог все равно слегка приложился затылком, не чувствуя боли.

Бросил взгляд на левую руку и отвернулся — то еще зрелище… И тут же над ним склонилась Яна, вскрикнула:

— Лежи спокойно!

— Лежу, — еле выговорил Сварог. — Лежу, помирать буду потихонечку…

— Я тебе умру! Нашел от чего… Сейчас…

Она что-то делала руками, и Сварога с ног до головы окутало приятное тепло, левую руку словно охватил плотно невидимым панцирь, но от этого стало только легче. Золотистые, *пушистые* на вид огоньки заплясали над ним, заволакивая все вокруг, он не

понимал, галлюцинация это или что-то другое. В этом завораживающем танце вдруг появилось лицо Яны, ничуть не похожее на видение, и Сварог, ощущая, как отползает от сердца ледяная лапка, услышал:

— Где все?

— Там, — ответил он, чувствуя, как по лицу ползут слезы. — Все — *там*…

И с превеликим облегчением провалился в беспамятство.

* * *

«Городу и миру!

Герцог Аулих, Генерал гвардии королевства Ронеро, со скорбью извещает: позавчера в Полуденном Каталауне, на больших маневрах „Серебряное копье“ при катастрофе военного самолета погибли гвардейцы Королевской гран-алы „Странная Компания“:

Мара Первая, королева Сегура и Дике.

Бони Первый, король королей Вольных Маноров.

Леверлин, граф Грелор.

Шег, барон Шедарис.

Чари, графиня Лендор.

Паколет, маркиз Гранау, владетель Вольных Маноров.

Память и честь!»

«Это тоже итог», — подумал Сварог, не поднимая глаз от пахнущей еще типографской краской страницы «Гвардейского вестника». Некролог в самой престижной военной газете, пусть и насквозь лживый. Многие из тех, кого он знал по прежней жизни, по службе, не получили и этого — потому что там, где они погибли, их словно бы и не было никогда…

Поднял голову:

— Интагар?

Интагар с готовностью встал, хотя мог и остаться сидеть:

— В ущелье уже есть разбившийся и сгоревший самолет, ваше величество. И свидетели падения есть, разумеется, все ограничено узким кругом особо доверенных людей. Те, кому поручены похороны, ничего не подозревают, как и все прочие. Эскадры Морской Лиги вышли к Сегуру и Дике. Адмирал Амонд заверяет, что они обеспечат полную безопасность островов. Третья эскадра крейсирует у полуночи от полуострова Тайри — если лоранцы попытаются что-то предпринять, их перехватят уже

в открытом море.

Что ж, пусть идет, как идет… Не стоило расхолаживать адмирала Амонда, представления не имевшего, что на свете живет маркиз Оклер, помимо прочего, еще *сегурский* дворянин, как его юная *супруга.* К чему маркиз относится крайне серьезно. Сварог вспомнил его злое и решительное лицо, когда маркиз говорил:

— Я приказал вывести в море четыре эскадры «Ящеров». Если лоранцы *дернутся,* я их буду топить к чертовой матери, и плевать мне на последствия…

«Да не будет никаких последствий, — подумал тогда Сварог. — Замну, слово чести…»

— Маноры?

— Туда отправлены чиновники Канцелярии Покровителя Вольных Маноров, — сказал Интагар. — Маршал Гарайла докладывает, что туда двинулись два конных полка. Любые *сюрпризы* исключены. Ваше величество… я посовещался с начальником дворцовой стражи и министром двора… Вы простите мне самовольство? Я дерзнул вашим именем на несколько дней закрыть дворец для посещений придворными. У всех ворот — гланские гвардейцы.

— Правильно сделали, — сказал Сварог.

Вот уж кого он хотел бы видеть в последнюю очередь — так это толпу придворной шушеры с фальшивой скорбью на лицах, пользующуюся любым предлогом, чтобы лишний раз оказаться на глазах короля…

— Что-нибудь еще?

— Я поставил людей у комнат маркизы Томи. Не пропустят ни единой живой души, кроме, разумеется, вас и… баронессы Вальдор (под этим именем в Латеранском дворце и знали Яну).

— Тоже правильно, — сказал Сварог.

Он был там час назад. Томи уже не плакала — лежала, отвернувшись к стене, глухая и слепая ко всему окружающему. Ей впервые довелось *терять,* а это особенно тяжело — впервые. Правда, и потом не легче…

— Баронесса?

— Просила передать вам, что улетает в Каталаун. За какими-то *бабками.* Я так предполагаю, для маркизы Томи…

«И это правильно, — подумал Сварог. — Глядишь, и поможет малость — таковы уж каталаунские *бабки*…»

Интагар сказал негромко:

— Неотложных дел, требовавших бы вашего участия или вмешательства, нет. Вы всегда разрешали мне откровенность… Вам следовало бы отдохнуть, ваше величество. Ваш вид…

Сварог и сам знал, как он выглядит — лицо исхудавшее, изможденное, словно он голодал недели две. Яна *вытащила* его не в самую последнюю минуту (по крайней мере, она так говорила) — но *лечение* Древним Ветром оставляет следы, и с этим ничего не поделать.

— Отдохну, — сказал Сварог. — Непременно…

Он встал из-за стола, подошел к высокому окну Большого кабинета и, заложив руки за спину, смотрел вдаль. На шпиле Янтарной башни, самого высокого из дворцовых строений, хелльстадский флаг увит белыми лентами. Но не приспущен, конечно — традиции незыблемы, королевские знамена приспускают до половины исключительно в случае смерти члена династии. Это в Сегуре и тринадцати Вольных Манорах флаги приспущены до половины…

В ушах у него звучала «Пляска смертей», старинный марш, под который принято хоронить военных.

Гроб на лафет! Он ушел в лихой поход…
Гроб на лафет! Пушка медленно ползет.
Гроб на лафет! Все мы ляжем тут костьми.
Гроб на лафет! И барабан — греми!

Что добавляло тоски — перед ним встал вопрос, на который, Сварог всерьез подозревал, ему никогда так и не удастся найти ответа. Как соотнести со всем происшедшим то, что они не погибли в бою, а стали жертвами затеянной безумцем игры? Умаляет это хоть что-то или — нисколечко? Он даже не пытался искать ответ, знал, что и впереди не будет…

— Ваше величество… — осторожно сказал Интагар. — Выходит, от *монашека* была польза?

Сварог обернулся. Сказал без тени раздражения, просто-напросто устало:

— Интагар, будьте так добры… Избавьте меня от вашей проницательности хотя бы на сегодня…

— Слушаюсь. Я одного не понимаю… Вы позволите?

— Ну?

— Почему это нужно держать в тайне? Следовало бы как раз наоборот…

Помолчав, глядя ему в глаза, Сварог веско сказал:

— Так надо…

Он никогда в жизни не сказал бы *другое,* то, что как раз и хотелось сказать: «Я сам ничего не понимаю». *Такое* говорить нельзя. Старое незыблемое армейское правило: перед подчиненными нельзя оправдывать себя ссылками на приказы

вышестоящих (в данном случае — Канцлера). Твой приказ — это твой приказ, и точка. Так надо. Молчать, смирно!

Он вновь сел за стол. Пододвинул к себе ближайшую бумагу, послание профессора Марлока, пришедшее на его личный компьютер. Марлок, умница, соболезнования выражал крайне скупо, как на его месте поступил бы и сам Сварог. И просил содействия — его биологи, познакомившись с той частью отчета Сварога, что их непосредственно касалась (а остальное их не касалось вовсе и потому было засекречено), просили оказать им содействие, помочь попасть в ту Заводь. По их уверениям, можно было провести поистине уникальный научный эксперимент, наблюдая за хищниками в Низине: полностью лишившись пищи, станут они теперь, вопреки инстинктам и условным рефлексам, жрать друг друга или нет?

Ну что же, жизнь продолжается. Это и есть самое грустное — жизнь продолжается, что бы ни случилось, как будет продолжаться, когда не станет и нас: так было, так есть, так будет…

Содействие так содействие. И никому не следует знать, что еще до того, как попадут туда биологи, туда пойдет группа людей Сварога, которые перестреляют к чертовой матери и тамошнего графа, и его холуев. Ни малейшего нарушения законов и регламентов, ни тех, ни других попросту не существует — даже многомудрые старцы из Геральдической Коллегии, не одну собаку съевшие на самых замысловатых коллизиях, пока так и не пришли к единому выводу — каким должен быть юридический статус Заводей? Так что писаных параграфов нет. В числе рабочих версий есть и такая: всякая Заводь подлежит юрисдикции той страны, откуда можно в нее попасть. Сгодится, пока нет параграфов, никто не сможет ни к чему прицепиться…

— Интагар, — сказал Сварог, — налейте-ка мне «Старого дуба»…

Медленно осушив чарку, он откинулся на спинку стула, прижавшись затылком к вишневому, шитому золотом бархату. В голове звучала совсем другая песня.

Алео траманте,
беле аграманте,
чедо каладанте,
э виле…
Конеченто ленте,
моле неферентe,
теле наджаленте,
таде…

Таре аталанте,
белео даранте,
чере кондаранте,
годе…

Странное дело… Ему следовало бы ненавидеть эту песню, помня, при каких обстоятельствах она прозвучала. Однако — хотя Сварог не понимал ни единого слова — она отчего-то привязалась, он подозревал, на всю оставшуюся жизнь. Привязалась, и все тут. Быть может, она не имела отношения к замку и была *украдена* Безумным Зодчим из каких-то позабытых времен. Наверняка так и обстояло: эти твари неспособны творить. Если что и создают — исключительно вредное и злобное, ничего общего не имеющее с творчеством…

Интагар без всяких просьб наполнил чарки вновь.

ЭПИЛОГ

…И каждый вечер в первый день Кален Фиона происходит одно и то же…

Ратагайцы перекрывают коридор, ведущий в залу короля Лауберта, держась подальше от высокой двери с полукруглым верхом, — потому что у двери, положив голову на лапы, лежит Акбар, и нет такого самоубийцы, чтобы рискнул подойти близко.

Снаружи, на земле, башню окружают гланские гвардейцы, стоя локоть к локтю. Те, кому это полагается знать, знают — это единственный вечер в году, когда король королей слаб и беззащитен — хотя и заикаться об этом нельзя.

Сварог Барг, король королей, остается один в круглом зале — зал сплошь в черных и красных тонах, высокие стрельчатые окна в золотисто-алых витражах, в простенках черные рыцарские доспехи былых времен, никакой мебели, только массивный темный стол посередине, круглый, окруженный такими же темными стульями с высокими закругленными спинками, — только теперь их не одиннадцать, как во времена Лауберта, а семь. Спинка одного повыше остальных, и в нее врезано золотое изображение хелльстадской короны — вместо ронерской, которая была раньше.

Перед каждым креслом — плоская золотая чаша с темно-багряным вином. Шесть так и остаются полны.

Из седьмой пьет король королей — не особенно торопясь, но и не делая долгих пауз. В памяти у него проплывают лица, улицы и чащобы, воспоминания неторопливо сменяют друг друга, боль и тоска давным-давно стали *устоявшимися,* частью его самого, не рвущей душу.

Случается иногда — но не всегда — что в утешительном винном дурмане ему видятся *друзья.* Они рассаживаются вокруг стола, веселые и, конечно, ничуть не изменившиеся, надолго затягиваются беспечные разговоры, вспоминается былое, звучат любимые песни. Всякий раз, проснувшись утром на полу — ну да, что греха таить, так и обстоит, — он решительно не в силах понять: привиделось ему, или они все же были? Очень уж реальными предстают воспоминания — а в этом мире порой случаются вещи, никак не укладывающиеся в материалистическую картину жизни. И всякий раз он не находит ответа.

Всегда, большей частью в одно и то же время, наступает момент, когда король королей, оказавшись где-то на середине пути, берет виолон. В коридор из-за двери не проникает ни звука,

но те, что стоят под окнами, слышат песню на незнакомом языке и, конечно, не понимают ни слова.

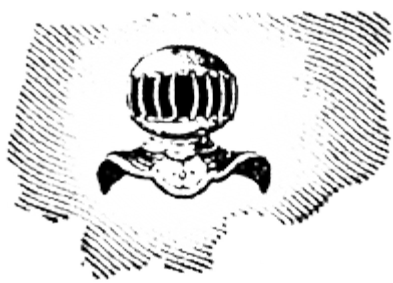
— Над землей бушуют травы,
облачка плывут, кудрявы,
и одно, вон то, что справа —
это я.
Это я…
Ничего уже не надо
мне и тем, плывущим рядом,
нам бы жить — и вся награда.
А мы плывем по небу…

И всякий раз, в нескольких шагах от гвардейцев, стоит и слушает песню маршал Гарайла. И всегда у Черного Князя чувства человека, пытающегося понять в этом мире еще что-то, так и оставшееся непонятым и недосказанным. Но он уходит, не получив ответа, еще и оттого, что у него нет *точных* вопросов, есть только то, что он сам не может определить словами, и от этого на душе всегда грустно.

И всякий раз маршал, уходя, вспоминает слова короля королей, с которыми согласен полностью.

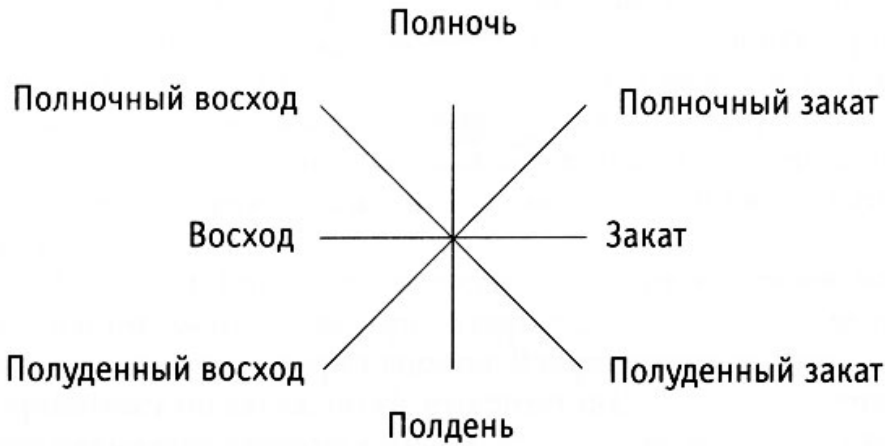
Живите так, словно смерти нет…

Красноярск, 2016

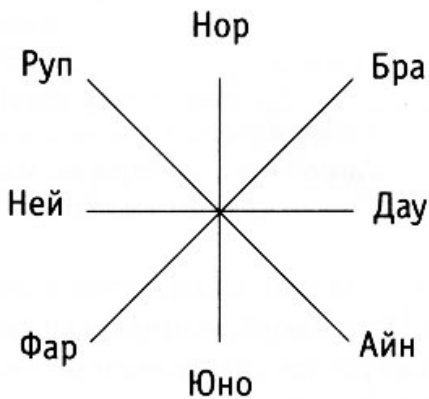


ПРИЛОЖЕНИЯ

Стороны света по таларской традиции



Стороны света в морской терминологии Талара



О ЛЕТОСЧИСЛЕНИИ

При изучении хронологии следует непременно иметь в виду, что не существует до сих пор какой-то единой точки отсчета. Даже летосчисление ларов, Небесные Годы, было введено лишь через некоторое количество лет после окончания Шторма и переселения ларов в небеса. И это количество до сих пор не определено точно, разные исследователи называют разные цифры (от 7 лет до 11). К тому же ни у ларов, ни у кого-либо другого нет точно фиксированной даты окончания Шторма — ибо какое-то время его затухающие волны все еще прокатывались по планете.

Первые семьсот с лишним лет после Шторма на земле не существовало ни упорядоченной хронологии, ни четко датированных летописей (по крайней мере, современная наука не располагает фактами, способными как доказать, так и опровергнуть эту точку зрения). В дальнейшем, на протяжении долгих столетий, соперничавшие государства и отдаленные страны, порой вообще представления не имевшие о существовании друг друга, придерживались своих собственных систем летосчисления (более-менее полное представление об этом периоде дает труд Гармара Кора «Хаос и хронология», Магистериум, 3466 г. Х. Э.) Впоследствии из-за диктуемого жизнью стремления к упорядоченности после многих попыток достичь взаимопонимания и согласия (и даже нескольких войн по этому поводу) почти повсеместно было установлено единое летосчисление — так называемая Харумская Эра.

В настоящее время текущий год у ларов — 5506 год Небесных Лет (в этой системе датируются все императорские указы, предназначенные для жителей земли).

На земле — 3716 год Харумской Эры, однако есть два исключения:

1. Великие магистры, правители Святой Земли, двести сорок три года назад ввели летосчисление «со дня Гнева Господнего». Таким образом, в Святой Земле сегодня — 5511 год СДГГ.

2. После отделения Плана от Ронеро первый гланский король повелел «считать нынешний год первым годом Вольности». Сегодня в Глане — 613 год Вольности.

КАЛЕНДАРЬ

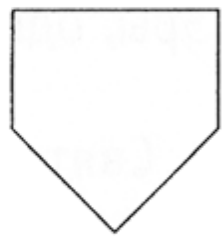
Таларский год состоит из семи месяцев — Датуш, Элул, Фион, Квинтилий, Ревун, Атум, Северус. Каждый месяц — из семи недель по семь дней. В конце первых шести месяцев есть еще по три дня без чисел, именуемых Безымянными Днями, или Календами. После Северуса следуют семь дней Календ. Календы Датуша, Квинтилия и Атума считаются «скверными днями», в этот период стараются воздержаться от дел, не пускаются в путешествия или плавания, не играют свадеб, не устраивают никаких торжеств. В древности на эти Календы даже прекращались войны. Календы Элула, Фиона и Ревуна, наоборот, считаются крайне благоприятными для начинаний и временем праздников. Календы Северуса — канун Нового Года, в эти дни торжества особенно пышны, именно к Календам Северуса дворяне стараются приурочивать свадьбы, а гильдии — свои праздники.

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЕ ЩИТЫ

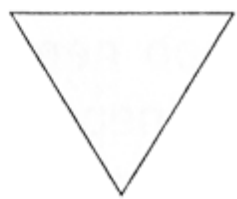
Согласно правилам геральдики, существует лишь семь разновидностей гербовых щитов — для гербов государств, городов, дворян. Разновидности эти следующие:

1. Дотир

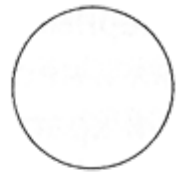
2. Джунарг



3. Даугар



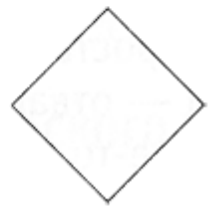
4. Дроглор



5. Домблон

6. Дегоар

7. Дуарат



Как правило, дотир и дуарат служат гербовыми щитами лишь для дворян, не имеющих титула, а гербы городов чаще всего имеют форму домблона.

ФЛАГИ ГОСУДАРСТВ

Флаги Виглафского Ковенанта[2]

Лоран — горизонтальные синяя и зеленая полосы, флаг обведен белой каймой (добавленной как знак траура после завершения строительства Великого Канала и потери провинций, оставшихся на континенте).

Харлан — «шахматная доска» из 6 черных квадратов, 6 белых и 6 коричневых.

Снольдер — желтое полотнище с черным силуэтом сфинкса.

Ронеро — горизонтальные синяя и черная полосы.

Глан — горизонтальные черная и красная полосы.

Горрот — белое полотнище с черным солнцем.

Шаган — вертикальные зеленая, желтая и черная полосы.

Сегур — горизонтальные синяя и красная полосы.

Прочие флаги

Святая Земля — фиолетовое полотнище с желтым крылатым диском.

Балонг — синее полотнище, затканное золотыми пчелами.

Ганза — темно-синее полотнище с белым кругом. В круге — черный силуэт корабля с зарифленными парусами.

Некоторые сведения о геральдическом значении иных цветов. Синий цвет издавна символизировал честь, честность, благородство. Фиолетовый — мудрость. Зеленый — надежду. Черный — упорство. Красный — отвагу, жизненную силу. Желтый — богатство. Белый вообще-то символизирует чистоту помыслов, но из-за того, что он издавна почитается символом смерти, в геральдике его стараются не употреблять.

ГЕРБЫ ГОСУДАРСТВ

Виглафский Ковенант

Лоран — дотир. Две синих и одна зеленая вертикальные полосы. На зеленой — три золотых кольца. На синих — по золотому якорю.

Харлан — дотир. Разделен на четыре квадрата, два белых и два коричневых. В белых квадратах — по коричневому мечу острием вверх. В коричневых — по белому мечу острием вверх.

Снольдер — даугар в фиолетово-желтую клетку. В центре щита — золотой лев, стоящий на задних лапах.

Ронеро — даугар. Разделен по вертикали на синюю и черную половины. На синей — золотая лилия, на черной — Зеркало Аннура, имеющее вид серебряного круга в золотой оправе.

Глан — дегоар. Щит — черный с золотой каймой. В центре — золотой силуэт медвежьей головы, по пяти углам — золотые цветы чертополоха.

Горрот — домблон. На белом фоне — черное весло, скрещенное с золотым скипетром.

Шаган — дроглор. На синем поле — золотой колокол.

Сегур — дуарат. Разделен горизонтальной линией на две половины. Верхняя — золотой парус на зеленом поле, нижняя — пять вертикальных полос (две зеленых, две желтых) и на их фоне — черный герб Морских Королей.

(Нужно добавить, что герб государства является и гербом его короля.)

ПРОЧИЕ ГЕРБЫ

Святая Земля — дуарат. На зеленом поле — золотой одноглавый орел (акилла), держащий в лапах меч и крест Единого Творца.

Балонг — джунарг. На красном поле с пятью узкими вертикальными линиями — золотые весы. Щит окаймлен золотыми пчелами.

Ганза — дроглор. На темно-синем фоне — красная ладонь.

КОРОНЫ ВИГЛАФСКОГО КОВЕНАНТА

Лоран — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма[3] с изображением дубовых листьев. Шестнадцать зубцов в виде шипов, отклоненных на 45° наружу от вертикальной оси обруча. У основания каждого — рубин, ограненный «розой». Закрыта остроконечным колпаком из синего бархата на золотом внешнем каркасе в виде 8 сходящихся дуг.

Харлан — обычная герцогская корона, но украшенная четырнадцатью ограненными бриллиантами и закрытая решетчатым плетением в форме полусферы.

Снольдер — корона закрытая. Два разомкнутых круга, каждый шириной в джайм, соединенных четырьмя перемычками. На перемычках — по рубину, ограненному в форме полусферы. В каждом секторе меж перемычками — потри бриллианта, ограненных «розой». Впереди, надо лбом, — золотое изображение кобры с раздутым капюшоном и бриллиантовыми глазами. Туловище кобры, изогнутое дугой выпуклостью вверх, закрывает корону, касаясь противоположного ее края, где вделан черный алмаз Бараини (неограненный, весом 480 квинутнов[4]). Зубцы отсутствуют.

Ронеро — корона открытая. Обруч шириной в два джайма, по которому проходят три пояса из накладных линий, и в центре каждого цветка — рубин, ограненный полусферой. Восемь зубцов в виде равнобедренных треугольников, слегка отклоненных от вертикальной оси обруча.

Глан — корона открытая. Кольцо шириной в джайм, двенадцать зубцов (6 в виде цветков чертополоха, б — в виде трилистников клевера). В основании каждого зубца — рубин «ленточной» огранки. Впереди, надо лбом, — желтый алмаз Индари (неограненный, вес 300 квинутнов).

Горрот — корона закрытая. Обруч шириной в два джайма, по верхней и нижней кромкам проходят два накладных пояска, имеющих форму цепи с овальными звеньями. В центре каждого звена — рубин, ограненный в форме трехгранной пирамиды. Восемь прямоугольных зубцов. Закрыта двумя полукружиями-дугами, в точке пересечения которых — солнце, выточенное из черного опала.

Шаган — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с семью зубцами в виде «ласточкина хвоста». У основания трех — ограненные рубины, у основания четырех — ограненные изумруды.

Сегур — корона открытая. Обруч шириной в два джайма с

гравировкой в виде якорей и скрещенных весел. Семь зубцов в виде трезубца Руагату, у основания трезубцев — ограненные сапфиры.

ПРОЧИЕ КОРОНЫ

Корона Великого Магистра Святой Земли — открытая. Обруч шириной в джайм. Впереди, надо лбом, — крылатый диск с неограненным рубином в центре, на противоположной стороне — крест Единого Творца. Зубцы отсутствуют.

Балонг. Избираемый на три года Старшина Патрициев Круглой Башни носит корону в виде обруча шириной в два джайма с семью зубцами, повторяющими формой Круглую Башню.

Все короны изготовлены из чистого золота, не считая короны Великого Магистра — она из железа.

ДВОРЯНСКИЕ КОРОНЫ И ТИТУЛЫ

Дворяне Виглафского Ковенанта и Пограничья носят следующие титулы:

1. Принцы короны.
2. Принцы крови.
3. Герцог.
4. Князь.
5. Граф.
6. Барон.
7. Маркиз.

Принцы и принцессы короны — потомки правящего монарха. Они носят корону в виде обруча шириной в джайм, закрытого двумя полукружьями-дугами, в точке пересечения которых — миниатюрное подобие королевской короны.

Принцы и принцессы крови — потомки братьев и сестер правящего монарха. Носят корону, повторяющую герцогскую, но закрытую полукружием-дугой с миниатюрным подобием государственного герба.

Герцогская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью дубовыми листьями.

Княжеская корона — обруч с семью прямоугольными зубцами, перемежаемыми семью земляничными листьями.

Графская корона — обруч с четырнадцатью шариками.

Баронская корона — обруч с семью треугольными зубцами, перемежаемыми семью шариками.

Корона маркиза — обруч с семью полукруглыми зубцами, и в центре каждого — прорезь в форме дуарата.

Короны титулованных дворян, имеющих права Вольных Ярлов, и украшены рубинами (в 3711 г. Х. Э. Виглафский Ковенант лишил владетелей Вольных Маноров, в том числе и королей, прав Вольных Ярлов, сохранив таковые лишь за ярлами Пограничья, но и для последних введены ограничения по количеству лиц, коих ярлы вольны в течение года возвести в дворянство).

При посещении титулованным дворянином королевского дворца, а также в дни некоторых торжеств следует непременно быть в приличествующей титулу короне. В обычные же дни можно ограничиться золотой цепью, золотыми шпорами и перстнем с миниатюрным подобием короны.

Дворяне, дабы отличить свое положение, носят золотую цепь установленного образца и золотые шпоры.

Гланские обычаи несколько отличаются от иных, там

существует своя система, признанная Виглафским Ковенантом:

1. Гланфорт (нетитулованный дворянин) носит золотую цепь и золотые шпоры.

2. Глэв (соответствует маркизу, барону или графу) — золотые шпоры и золотую цепь с семью подвесками в виде цветов чертополоха.

3. Глэрд (соответствует князю или герцогу) — золотые шпоры, золотую цепь с медальоном, на коем изображена медвежья голова.

В Балонге дворянства нет, но для знатнейших и богатейших граждан существуют титулы нобиля и патриция. Нобиль носит на груди золотой медальон с гравировкой в виде весов, окруженных пчелами, стоящий выше нобиля патриций — золотую пектораль с такой же гравировкой и жезл, увенчанный миниатюрным подобием Круглой Башни. Семеро Патрициев Круглой Башни, правящие Балонгом, обязаны во всякое время появляться на публике в алом плаще, затканном золотыми пчелами, и синей шапочке-митре, с четырех сторон украшенной золотыми изображениями Круглой Башни; при сем они опираются на посох с навершием в виде государственного герба. (Всякие попытки Балонга добиться приравнения нобилей и патрициев к дворянам неизменно отклонялись Ковенантом.)

О правилах, заведенных в Святой Земле, более полное представление даст соответствующий фрагмент из книги реверена Гонзака.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ О РЕВЕРЕНЕ ГОНЗАКЕ

Реверен[5] Гонзак (3627 Х. Э. — ?) — скрибанос, служивший при Царской библиотеке в Астрее (Гиперборея, Сильвана). В 3668 г. Х. Э. прибыл на Талар. В период с 3668-го по 3679-й работал в библиотеках разных стран, жил в Лоране, Снольдере, Ронеро, побывал в Пограничье, Иллюзоре, Глане, Балонге, пяти из Вольных Маноров, совершил три морских путешествия. Некоторые историки считают его шпионом царя Гипербореи, но люди из таларских тайных служб никогда не высказывали своего отношения к этой версии. Необходимо учитывать, что порой крайне трудно провести границу меж профессиональным разведчиком и любознательным путешественником из дальних стран, поскольку кропотливо собираемая первым информация частенько попадает на тот же стол, что и ученые записки второго (о чем второй ничего не подозревает). Как бы то ни было, в Равене трудами Коллегии Ремиденума в 3681 г. Х. Э. вышла в свет книга Гонзака «Трижды семь писем скромного книжника Гонзака на Сильвану, другу своему Чей Чедогону о таларских делах, обычаях и установлениях». Вопреки заглавию, писем в книге всего шестнадцать. Гонзак пропал без вести в промежутке меж 36 Севируса 3679 г. и 14 Датуша 3680 г. Его следы теряются в полуночных провинциях Ронеро, малонаселенных и пользующихся дурной славой «диковатых мест». Не исключено, что сильванский скрибанос, человек отнюдь не бедный, любивший жить и путешествовать с комфортом, стал жертвой разбойников или Волчьих Голов. Известно также, что Гонзак намеревался предпринять экспедицию в Хелльстад, для чего, быть может, и отправился в те места, где оборвался его след.

Книга Гонзака, пусть и незавершенная, помимо многих интересных наблюдений, представляет собой еще и своеобразную краткую энциклопедию, дающую постороннему читателю неплохое представление о таларском укладе жизни. Благодаря чему она и была в 4998 г. Н. Г. включена Императорской Коллегией Просвещения в список учебных пособий для благородных ларов по теме «Современный Талар». Выпущена в компьютерном и типографском вариантах.

О ТИТУЛАХ, СОСЛОВИЯХ И МНОГОМ ДРУГОМ

Письмо третье, реверена Гонзака

Рассказ об устроении общества, друг мой Чей Чедогон, я начну с королей, чему ты вряд ли удивишься, ибо, когда нам случится озирать гору, взгляд наш непременно падет прежде всего на вершину, а уж оттуда странствовать будет к земле.

Короли таларские — воистину самовластные владыки, что отражено и в тамошних законах, гласящих, что монарх пребывает превыше закона, сам же, буде возникнет такая надобность (или, увы, каприз, как нам известно о венценосцах двух планет), может решать многие дела не по писаным законам, а исключительно по своей воле. Должен тут же оговориться, что самовластье это, кажущееся всеобъемлющим, ограничено иными древними традициями. Есть права дворян, и сословий, и гильдий, и даже крестьян, на кои посягать и король не волен. Однако ж за пределами сих ограничений открывается весьма обширная область для самодержавного произвола, и подданным остается лишь уповать, что восседающий на троне монарх наделен достаточным умом и здравомыслием, дабы не ущемлять народ свой без меры.

Как и в нашем отечестве, дворяне здесь первенствуют над всеми иными. Нельзя стать офицером, ни сухопутным, ни морским, если ты не дворянин. И высшие пять гражданских чинов доступны одним лишь дворянам, и землею с крестьянами могут владеть одни дворяне, и ордена иные жалуются одним дворянам. Им одним дозволено строить в домах балконы и иметь в окнах витражи.

Следом идут так называемые Семь Высоких Сословий.

Сословие Чернильницы объединяет судейских, адвокатов и чиновничество с первого гражданского чина по двенадцатый. Отличительным знаком оного служит серебряный пояс с серебряной же чернильницей установленного образца. Образцы таковые в разных государствах разные, а у чиновников есть еще и мундиры, в каждом ведомстве свои, и каждый гражданский чин имеет свои отличия, подобно тому, как это обстоит с воинскими чинами.

Сословие Храма составляют разных богов служители, коих отличают одеяния и атрибуты, единые для всего Талара, независимо от страны (о Святой Земле поговорим подробнее в другой раз).

Сословие Мер и Весов образуют купцы, банкиры и ювелиры, причем не всякие купцы, а лишь те, что имеют капиталы не ниже определенного предела. Отличительным знаком сего Сословия служит серебряный пояс с замшевым кошелем особого вида.

Сословие Циркуля — это инженеры и архитекторы, коих отличает короткий плащ особого фасона, скрепленный у горла серебряной цепочкой, крепящейся двумя серебряными же бляхами с изображением циркуля.

Сословие Совы — это ученые, книжники, книготорговцы и учителя. Они носят плащ особого фасона с пелериной, где цепочку крепят две серебряные бляхи с изображением книги и пера, а также круглый берет с серебряным изображением совы. В разных государствах цвет оного наряда бывает разным. Живи мы на Таларе, друг Чедогон, в таком наряде и щеголяли бы, что, впрочем, не лучше и не хуже наших с тобой шапочек реверенов, украшенных жемчужинами, да плащей и посохов.

Сословие Свободных Искусств (художники, музыканты, скульпторы и актеры) знаком своим имеет серебряную цепь с серебряной же бляхой, на коей изящно выгравирована мифологическая птица Сирин, издавна почитаемая символом творческого вдохновения. И не всякие актеры состоят в сем Сословии, а лишь те, что происходят из семей потомственных актеров театров, имеющих статус королевских. А прочие же актеры именуются пренебрежительно фиглярами, и место им отведено в одной из последних гильдий, о чем напишу ниже.

Сословие Чаши и Ланцета составляют медики и аптекари. Знаком им служит длинная мантия особого фасона, черная шапочка, украшенная серебряной бляхой с изображением обвивающей чашу змеи, а также своеобразного вида кожаная сумка, служащая также и практическим целям, ибо в ней носятся снадобья, инструменты и прочее, потребное в работе.

Сословия эти обладают правом на покупку земли, но крестьяне во владение им не положены. В виде особой милости, случается, король жалует кому-либо право в течение определенного срока получать доход с того или иного коронного имения, и срок этот редко превышает год. Понятно, есть имения крайне прибыльные, а есть и скудные, что при оказании монаршей милости непременно и учитывается. Те, кто входит в Сословия, имеют право носить золотые украшения без ограничения количества, но без драгоценных камней — разве что король пожалует кому перстень с драгоценным камнем. Равным образом их столовая утварь из драгоценных металлов может быть украшена самоцветами лишь с соизволения короля.

Здесь стоит добавить, что согласно незыблемым законам

природы, применимым и к жизни человеческого общества, недостаток чего-либо немедленно восполняется за счет иного качества — подобно тому, как слепые обладают невероятно тонким слухом, а горбуны бывают необыкновенно сильны. Вот и выходит — Сословия восполняют отсутствие драгоценных камней искусством выделки, а потому украшения их и утварь порой превосходят дворянские изощренностью выработки и мастерством украшательства.

Дворяне поступают на службу во множестве, ибо на Таларе повсюду действует закон первородства, согласно коему все сыновья имеют право на дворянское звание или титул, а вот имение движимое и недвижимое достается в целости самому старшему (или дочери, если нет потомков мужского пола). Прочие же сыновья, получив малое денежное вспомоществование, вынуждены искать службы за жалованье либо по талантам своим искать себе места в одном из Сословий. Предпочтительнее всего военная служба, а также и полицейская, но непременно на должностях, приравненных к офицерским. Кроме военной службы, для дворян, по традиции, более всего предпочтительны занятия, входящие в компетенцию Сословий Чернильницы и Совы, а также Циркуля (но в областях, относящихся к военному делу и мореплаванию). Не возбраняется и войти в иные Сословия, но дворянин, попавший в таковые, стоит в глазах общества несравненно ниже. Что до Сословия Мер и Весов, то дворянину зазорно заниматься торговлей либо банкирским делом. Промыслы, приличествующие дворянину, сводятся к четырем вещам: коневодству, виноторговле, изготовлению винных бутылок, морским перевозкам на собственных судах и ювелирному делу. Дворянин имеет право устраивать в своих землях заводы, но при строгом условии: заводы эти должны работать непременно на сырье, производимом в своих же поместьях, а если сырья этого нет, то и заводы устраивать нельзя. Дворянин еще обладает правом на речные перевозки на собственных судах — но опять-таки при строгом условии, что перевозит произведенное в собственных поместьях или закупленное для нужд такового. Все эти установления заведены в свое время весьма умными людьми, ибо служат к выгоде общества и бесперебойной работе государственного механизма. Гильдии таларские имеют следующий вид:

1. Оружейники (цехи: Доспешных дел мастеров, Мечных дел мастеров, Арбалетных дел мастеров, Копейных дел мастеров, Пушечных дел мастеров, Ружейных дел мастеров, Ракетных дел мастеров, Пороховых дел мастеров).

2. Мастера тонких работ (Ювелирные подмастерья, Мастера

врачебного инструмента, Мастера счетных устройств, Оптики, Часовщики, Мастера утвари для ученых).

3. Похоронных дел мастера.

4. Приказчики торговые и банкирские.

5. Меховщики.

6. Мастера каменного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

7. Мастера деревянного строения (цехи: Домостроителей, Строителей и Подновителей мостов).

8. Водопроводных дел мастера.

9. Фонарщики (цехи: Фонарщиков, Мастеров фейерверка, Мастеров домашних светильников из металлов).

10. Стеклодувы (цехи: Стеклодувов, Стеклянной посуды, Уличных фонарей, Домашних светильников из стекла, Витражных дел мастеров).

СЕРЕБРЯНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Кораблестроители.
2. Моряки.
3. Речные матросы.
4. Мастера изящных работ (цехи: Изящной мебели, Благородной посуды, Благородных тканей).
5. Стражи порядка (сюда входят палачи, тюремная стража, полиция и ночные сторожа).
6. Содержатели псарен и псари.
7. Содержатели постоялых дворов и трактиров, игорных и танцевальных залов (сюда включены лишь те заведения, кои имеют высший разряд и предназначены для благородной публики — дворян и Сословий. А содержатели заведений рангом пониже включены в гильдию градских обывателей).
8. Гуртовщики.
9. Ремесленники по дереву (цехи: Столяров, Каретников, Тележников, Сундучников).
10. Парикмахеры (опять-таки те, кто обслуживает благородную публику. Прочие же именуются скопом цирюльниками).

БРОНЗОВЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Пожарные.
2. Кузнецы.
3. Ветеринары.
4. Почтари и телеграфисты.
5. Шляпники.
6. Садовники и огородники.
7. Горнорабочие.
8. Содержатели домашней птицы, мелкого скота, птицеловы и пчеловоды.
9. Посудных дел мастера (Гончары, Бочары).
10. Торговцы провизией и изготовители таковой (цехи: Мукомолов, Хлебопеков, Виноделов, Пивоваров, Мясников, Зеленщиков, Бакалейщиков).

МЕДНЫЕ ГИЛЬДИИ

1. Портные.
2. Сапожники и обувщики.
3. Печники.
4. Водолазы.
5. Извозный промысел.
6. Вольные слуги.
7. Повара.
8. Мостильщики улиц.
9. Кровельщики.
10. Градские обыватели (к сей гильдии приписаны представители многих ремесел, не вошедших в прочие).

1. Заводские мастеровые.
2. Мусорщики.
3. Мастера паровых машин.
4. Мастера воздушных шаров и планеров.
5. Маляры, фигляры, циркачи, газетиры.
6. Портовые рабочие.
7. Ткачи, шерстобиты и обойщики.
8. Нищие и проститутки.
9. Цирюльники.
10. Типографские мастеровые.

У каждой из гильдий есть залы для собраний, гильдейские знамена и праздники, отмечаемые в определенные дни, подчас с превеликой пышностью, когда речь идет о трех высших гильдейских разрядах. Золотые украшения дозволены лишь Золотым и Серебряным гильдиям, но единовременно можно носить не более одного, а во владении иметь неограниченное количество. Серебряные украшения дозволены Золотым, Серебряным и Бронзовым гильдиям — со схожими правилами ношения, не более двух одновременно. Медным же и Железным гильдиям запрещено строить для собственного проживания дома выше одного этажа, а также им не полагается держать в услужении слуг и служанок и запрягать в повозку более одной лошади (исключение составляют извозчики, но и то лишь в тех случаях, когда выезжают на свой промысел).

Легко понять, что система таковая имеет как свои достоинства (скажем, изощренное совершенство, ведущее к более спокойному и плавному течению жизни, равно как и устойчивости общественной пирамиды), так и недостатки. Недостатком, безусловно, следует посчитать то, что человек, будь

он талантлив и многообещающ несказанно, не получит хода в ту область, где мог бы принести не в пример большую пользу (а область таковая, не пополняемая притоком свежих сил, неминуемо придет в упадок). Мысли такие, несомненно, посетили в старые времена кого-то из власть предержащих — ибо в каждой державе есть министерство, ведающее Сословиями и гильдиями, в обязанность коего входит устройство экзаменов и иных испытаний, служащих для пополнения гильдий и Сословий новыми членами, достойными сего. Правда, из этого еще не следует, что каждый, кто достоин занять место ступенькою выше, на ступеньку эту поднимется, — увы, слишком часто мы в этой жизни видим примеры обратного, и ни одни писаные правила, сколь бы мудро они ни были составлены, не обеспечат каждому место, его достойное. В особенности если вспомнить о корыстолюбии одних и изворотливости других и предположить, что в иных случаях презренный металл быстрее и успешнее позволит подняться вверх, нежели таланты и способности…

Добавлю еще, что каждый приписанный к гильдии с того момента, как начнет трудиться если не мастером, то подмастерьем, повинен постоянно носить на груди гильдейский знак. Бляха эта очертаниями повторяет гербовый щит государства, разделена на две части, и в верхней помещен герб города (если город гербовый) либо герб короля (если город коронный) а в нижней — эмблема данной гильдии. Кроме того, знак снабжен отличиями, наглядно сообщающими окружающим, к какому из пяти гильдейских разрядов его владелец принадлежит.

Жены же членов гильдии носят уменьшенное подобие сего знака на груди, на цепочке. Если женщина не супруга чья-то, а сама есть мастер некоего ремесла (скажем, кондитерша, повариха либо содержательница таверны), то знак она носит на груди, как мужчины.

Есть у разных гильдейских разрядов и правила ношения одежды (запрещающие иным гильдиям иные ткани, признанные чрезмерно для них роскошными), но обширная сия тема требует отдельного письма.

И завершу рассказом о крестьянстве. Оное делится на крестьян сеньоров, крестьян короны и фригольдеров. Первые обитают во владениях дворян, вторые — в землях, числящихся королевскими доменами. Есть у них свои права, нельзя их убивать, пытать членовредительно и отнимать нажитое, но переходить к другим хозяевам они не вправе. Была у них некогда такая привилегия, но давно отнята, и не скажу, чтобы крестьяне смирились с этим окончательно, иначе не бунтовали бы порой.

Фригольдеры же имеют статус вольных, за каковой, легко догадаться, держатся паче жизни.

Фригольдеры повинны носить на шапке оловянный медальон с изображением пшеничного колоса. У крестьян короны таковой снабжен еще короной, а у крестьян сеньоров — гербом хозяина.

Нужно упомянуть, что законы жестоко карают за присвоение человеком отличительных знаков, на которые он не имеет права, пусть даже это совершено шутки ради. А если он пошел на это ради получения выгод, то наказание еще тяжелее. Как ни странно покажется, но наказание, пусть не столь суровое, ждет и того, кто выдает себя за особу, стоящую на общественной лестнице ниже, чем это есть в действительности. Впрочем, в таковых порядках, если призадуматься, есть здравый смысл — человек, добровольно спустившийся ниже, чем его поставила судьба, попросту глуп, если только это не служитель божий, взыскующий аскетизма, или юный влюбленный, не нашедший других путей, дабы видеться со своей возлюбленной.

В чем-то, похоже, стройная система гильдий некритически следует закостенелым традициям. Так, заводские мастеровые и мастеровые паровых машин — люди изрядно образованные и умелые, и Железная гильдия для них, многие соглашаются, чересчур уж низка. Но представители молодых ремесел, увы, явились, когда лучшие места были уже заняты. В том-то и суть, что против повышения статуса вышепоименованных возражают в первую очередь сами высшие гильдии, ссылаясь на тысячелетний уклад жизни. Не вижу в том ничего удивительного, ибо давно ведомо, что люди сплошь и рядом питают к ближнему своему даже более сильную неприязнь, ревность и зависть, нежели к высшим. Высшее далеко, и завидовать им нелепо, ибо не всегда и представляешь толком, чему именно из жизни высших завидуешь, ибо не осведомлен о таковой в должной мере. Ближний же — рядом, на глазах, и негоже позволять ему превзойти тебя, особенно если знаешь в глубине души, что он такого превосходства заслуживает… Несовершенен человек, друг мой Чедогон, и не нам изменить природу его…

О КУПЕЧЕСКОМ СОЮЗЕ, ИМЕНУЕМОМ ГАНЗА

Выдержки из шестого письма реверена Гонзака

Расскажу теперь, друг Чедогон, как выглядит на Таларе Ганза, чьих купцов нам доводилось встречать и на Сильване.

В противоположность Балонгу, своему извечному сопернику, Ганза не составляет государства в привычном понимании сего слова. Ганза есть союз ста одиннадцати городов, расположенных как на Харуме, так и на значимых морских островах, причем все без исключения города эти помешаются на берегах, морских и речных. А произошло так оттого, что Ганза возникла в древние времена, когда из-за слабости тронов, непрестанных войн на суше и разгула пиратов на водах торговое плавание что по морям, что по рекам было занятием крайне рискованным, и единственной защитой тут был собственный меч. Так и сложился союз купцов-корабельщиков, к вящей своей выгоде и безопасности неустанно укреплявших флот свой и города. И поскольку цели Ганзы были несложными, ясными и четкими, а укрепление государств — процессом не в пример более долгим, путаным и хаотичным, означенная Ганза, пусть и лишившаяся с бегом столетий прежней вовсе уж невиданной мощи, остается все же сильной. Есть у них торговый флот, есть военный, даже с пароходами, а города их изрядно укреплены и располагают сильными гарнизонами. И не подчиняются они законам того государства, где расположены, — не совершая, со своей стороны, ничего такого, что шло бы вразрез с законами «прилегающей державы» (как любят выражаться ганзейцы, коим похвальба и честолюбие свойственны в той же степени, что и всем прочим). А если какой король, что случается даже теперь, посягнет на лежащий в пределах его державы город Ганзы, то все прочие ганзейские города, объявив тревогу, идут на выручку, и сила их такова, что объявленная ими какой державе война способна державу сию не на шутку озаботить. А общего сговора всех королей и владык против Ганзы ждать не приходится — ибо не случалось еще в истории, да и не случится, мне думается, чтобы все без исключения монархи пришли к полному согласию касаемо столь сложного вопроса. Столь сердечного согласия удается достигнуть лишь в делах более простых, да еще направленных против слабейшего, — как это было с Сандоварским Уложением.[6] Так что Ганзой за последние семьсот лет утрачено лишь четыре города (не включаю в это число тех, что оставлены самими ганзейцами под натиском Глаз

Сатаны).

Промышляют ганзейцы главным образом торговлей и перевозкой товаров. Занимаются они и банкирским делом, но таковое почти повсеместно в руках Балонга, и успехи Ганзы на сем поприще ничтожны (что ее, говорят, злит). Сословия и гильдии у них те же, что и у большинства держав, хотя число гильдий и составляет у ганзейцев не пятьдесят, а сорок восемь, нет в Ганзе ни гуртовщиков, ни мастеров воздушных шаров и планеров — одиночным городам-государствам, стесненным по территории, сии ремесла ни к чему, равно как и телеграфисты. Кроме того, иные гильдии вроде корабельщиков и моряков с речными матросами стоят выше, чем в других державах, а иные — не в пример ниже. Крестьяне есть при сорока шести городах, и все они фригольдеры. А дворянства своего не имеется. Те из ронинов[7] (а таких немало), кто поступает на службу Ганзе, не располагают в ее городах теми привилегиями, что имеют дворяне других держав, зато пользуются всеми правами вольного ганзейца, а это им обеспечивает известное благополучие и защиту. Нужно еще добавить, что преступлений в ганзейских городах не в пример меньше из-за малого притока посторонних. В этом отношении города Ганзы, даже крупные, схожи с деревнями, живущими патриархально, размеренно и замкнуто. Что, впрочем, не означает идиллии, ибо природа человеческая несовершенна.

Единого правителя у них нет, но раз в год собирается Ганзейская Палата из представителей всех городов для обсуждения накопившихся проблем и решения дел, буде таковые возникнут. Палата эта назначает в каждый союз (ганзейские города на континенте, числом 89, делятся на семнадцать союзов, а остальные, что разбросаны на островах, приравниваются к союзу каждый) Легата Палаты, и означенные Легаты по иным своим обязанностям и должностным функциям выполняют роль правителей.

Относительно ганзейского герба ходит старинная легенда — что-де во времена оны некий богатый судовладелец, готовясь перейти в иной мир, завещал корабль свой тому из сыновей, кто, обойдя в шлюпочном состязании остальных, первым коснется рукой палубы. И один из сыновей якобы, видя, что победа от него ускользает, отсек себе руку и кинул ее на палубу, соблюдя тем самым букву уговора. Иные сказке этой верят, но я подобную слышал частенько и на Таларе, и на Сильване, причем речь шла о иных купцах, не ганзейских. И потому подозреваю, что имеем мы дело с бродячим сюжетом, переходящим от народа к народу.

Вот и все, пожалуй, о Ганзе.

О ЗАГАДОЧНОЙ И ПОРАЗИТЕЛЬНОЙ СТРАНЕ ИЛЛЮЗОР

Письмо седьмое реверена Гонзака

Приступая к рассказу о преудивительном крае Иллюзор, опасаюсь, друг мой Чедогон, что ты можешь не поверить, хоть и знаешь прекрасно, что не в моем обычае предаваться шуткам и розыгрышам, когда речь идет о накоплении знаний об окружающем нас мире. И все же места, коим тысячи лет назад кто-то мудрый присвоил удивительно точное название Иллюзор, до того поразительны, что окончательно поверить в их существование можно, лишь повидав собственными глазами. Я и сам, каюсь, считал россказни преувеличенными, проистекающими из присущей иным странникам манеры сваливать в одну кучу и собственные наблюдения, и пересказы из третьих уст, и упражнения шутников, — мы с тобой и сами, будучи юными студентами, находили порой забавы в том, чтобы угощать наивных чужеземцев байками о чудесах и диковинах, рожденными за кувшином черного пенистого… Иные из этих наших придумок попали и на страницы серьезных книг, за что мне потом было стыдно. Но с Иллюзором все обстоит иначе. Он существует, именно такой — к непреходящей головной боли ученых книжников, перерастающей порой в уныние и тупое изумление многообразию и изощренности загадок, подсунутых нам то ли добрыми духами, то ли злыми, то ли лишенными разума и души силами природы…

Представь, друг мой, что едешь ты верхом по стране, прямо-таки брызжущей жизнью. В лесах рыскают дикие звери, олени и кабаны, на лугах пасутся стада, за плугом ходят пахари, по большим дорогам движется нескончаемый поток путников, обгоняя тебя и спеша навстречу, — тут и пешие, и конные, и повозки купцов, и блестящие дворянские кавалькады, и воинские отряды. Проезжаешь ты городами и деревнями, где кипит жизнь во всем ее многообразии и блеске, и обитатели заняты когда каждодневными своими делами, когда торжествами и праздниками.

Таким предстает перед путником Иллюзор. Но очень скоро ты заметишь, что все окружающее немо — ни единый звук, кроме топота твоего коня и звяканья уздечки, не нарушает всеохватывающей жуткой тишины. И если пойдешь ты прямо на встречного, пройдешь сквозь, не встретив на пути ничего, кроме пустого воздуха. Ибо все, что ты видишь, и все, кого ты

видишь, — суть иллюзия. Не замечают они тебя, не видят, живя своей странной, иллюзорной, несуществующей жизнью. Люди, искушенные в познании, а также причастные к магии и ведовству, уверяли меня, что с призраками и иной нечистью бесплотные обитатели Иллюзора ничего общего не имеют. Скорее уж это запечатленные неведомым путем изображения, никому не делающие дурного и слепые ко всякой попытке установить с ними общение. Истина эта подтверждена за тысячелетия, ибо Иллюзор существовал уже в дописьменные времена, последовавшие за Штормом.

Надобно сказать, что иные строения Иллюзора существуют реально, точнее, остатки таковых — где фундаменты, где стена, где целое почти здание, особо прочно возведенное некогда неведомыми строителями. Но определить это можно лишь на ощупь — ведь всякий дом, амбар или мост взору твоему представляется совершенно целехоньким, будто вчера законченной постройкою. (Правда, там и сям валяются истлевшие доски и груды рухнувшего камня, так что дома предстают одновременно и в виде развалин, и в первозданном своем виде, и зрелище, признаюсь, экстраординарное.) Равно же, если повезет, можешь отыскать и утварь, а то и драгоценности — но немного, потому что лихие кладоискатели за пять тысячелетий постарались изрядно. А подчас отыщется и книга, достаточно сохранившаяся. Но читать тех книг не может никто — написаны они на непонятном языке неизвестными буквами. А храмы их, где бесплотные обитатели Иллюзора поклоняются богам, нам непонятны, и боги такие неизвестны.

Поскольку находимые там предметы выглядят именно так, как и должны смотреться пролежавшие тысячелетия вещи, в иллюзорном своем состоянии предстающие новехонькими, поскольку налицо развалины, легко понять, что Иллюзор есть тень минувшего, отображение существовавшей в неизвестные времена страны, где впоследствии все живое сгинуло неведомо куда (ибо нет там множества скелетов), а неживое понемногу ветшало. Вот только никто не знает, что это была за страна, что за бедствия на нее обрушились и какие причины вызвали нынешнее, столь диковинное и поразительное, состояние дел. Объяснений за тысячелетия накопилось множество, есть и пространные, изложенные весьма ученым языком, да вот беда — во-первых, каждое из них всем прочим противоречит, а во-вторых, ни единое проверить невозможно.

Опасностей Иллюзор не содержит почти никаких. Забредет иногда из других мест настоящий зверь, но редко — звери не любят Иллюзора. Кое-где, рассказывают, обитает нечисть, по всем

признакам, укрывшаяся в Иллюзоре, дабы избежать преследований, коим нечистую силу успешно подвергают в иных уголках Талара. Бывает и разбойный народ, пересиживая погоню и укрывая клады, ибо лучшего укрытия и не придумаешь. Заходят сюда и книжники, ищущие истины, и просто любопытные, кому средства позволяют снарядить экспедицию.

А постоянно никто из живых тут не селится, разве что беглые крестьяне, коим податься уж вовсе некуда. Первоначально я, не освоившись, удивился было, отчего окрестные владетели не воспользовались столь легкой и удобной возможностью расширить свои рубежи, однако ж, проведя в Иллюзоре две недели, принужден был признать правоту моих проводников, толковавших допрежь, что жить здесь «тягостно». Поистине так. С каждым днем, проведенным среди немых теней Иллюзора, нарастает в душе тягостное ощущение то ли тоски, то ли тревоги. Возможно, ты его сам себе внушаешь, возможно, так дразнит твои чувства диковинность окружающего, да только оттого не легче. К вечеру пятнадцатого дня не выдержал я и велел поворачивать коней к границам Вольных Маноров, хоть многое, достойное внимания, следовало бы еще осмотреть, и немало любопытного осталось неизученным. Злясь на себя, досадуя, но не в силах превозмочь незримое тягостное давление, ехал я прочь во главе своего повеселевшего отряда…

Словом, Иллюзор необитаем. Лишь в полуночных его областях, где простираются прилегающие к морю обширные степи, что ни год появляются снольдерские и ронерские гуртовщики, пригоняя на летние выпасы рогатую скотину, ибо пастбища там богатейшие, хоть реальные травы и мешаются там с иллюзорными. Лошади, животные умные, тонко чувствующие и наделенные повышенной восприимчивостью ко всему необычайному, а также имеющему отношение к потусторонним силам, тех пастбищ не любят, постигнув в меру разумения диковинность Иллюзора. Бык же, тварь тупая, виденным не тяготится, и странность иллюзорских пастбищ его не заботит — знай жрет, нагуливая тушу и покрывая степи диковинного края навозом.

На сей низменной ноте я, пожалуй, и закончу, ибо нечего более добавить к описанию странностей Иллюзора.

О КРАЕ, ИМЕНУЕМОМ СВЯТОЙ ЗЕМЛЕЙ

Выдержки из восьмого письма реверена Гонзака

Святая Земля, повествуют, была некогда обычным королевством, где уклад жизни ничем не отличался от налаженного в других державах. Но четыреста с лишним лет назад, когда страна, сотрясаемая многими невзгодами, от засухи до баронских бунтов, находилась в крайне расстроенном состоянии, некий священник по имени отец Патаран, служитель столичного храма Единого Творца, человек незаурядный, наделенный и красноречием, и умением доходчиво излагать толпе свои мысли, встал во главе движения, нареченного «Братством Совершенных», к коему примыкали не одни лишь простолюдины, но и немалое число гильдейских, членов Сословий, дворян, в том числе и титулованных. Братство это, проповедовавшее борьбу против всяческой неправедности и греховности путем отказа от мирской роскоши и разномыслия, в короткое время снискало себе изрядное множество сторонников — ибо во времена потрясений и бед, как мы не единожды имели случай убедиться, нетрудно возбудить в обществе ярость и жажду действия, в особенности если четко обозначить виновных и обещать, что с незамедлительным устранением таковых жизнь наладится быстро…

Из всего этого возникла великая смута, принявшая характер большой войны сторонников короля против приверженцев Братства, причем в обоих лагерях хватало и титулованных дворян, и самого подлого люда, ибо раскол прошел не меж Сословиями, а внутри самих Сословий, не миновав ни одного. Продлившись с переменным успехом около полутора лет, война эта привела к гибели королевской фамилии, большим людским жертвам. Немалое число городов было разгромлено и сожжено. Победа Братства вынесла на опустевший трон отца Патарана, и новоявленный правитель немедля приступил к преобразованиям, проходившим быстро и энергично благодаря поддержке закаленной в боях армии. Вот и получилось, что на волне успеха отец Патаран произвел изменения столь всеохватные и решительные, что в иные, мирные времена для таковых потребовалось бы не одно десятилетие (а посему и жертв, как расставшихся с жизнью, так и принужденных бежать в изгнание, нашлось преизрядно).

Ныне Святая Земля управляется Великим Магистром, происходящим от потомков отца Патарана (он, вопреки канонам, безбрачия не соблюдал). И жизнь сего государства всецело

посвящена, как заявляется, служению Единому Творцу и подготовке воинских сил, способных выйти против сатанинских полчищ. Это напоминает мне орден монахов-воинов из Гурганского царства, на родной нашей Сильване находящегося, но по обширности территории и многолюдству народонаселения Святая Земля многократно превосходит владения ордена. Прежнее деление на дворянство, Сословия и гильдии давно уничтожено. Есть там Божьи Дворяне — они начальствуют над полками, а землями с крестьянами не владеют, являясь лишь управителями. Есть Божьи Книжники, занятые богословием, есть Божьи Инженеры, Божьи Купцы, Божьи Ремесленники и Божьи Мореходы, суть занятий коих ясна из одних названий сих людских общностей. Есть также Братья Монахи, коих немало, и часть их сорганизована в воинские полки, должным образом вооруженные и вышколенные. Ну а Крестьяне Божьи, как легко уразуметь, пашут и сеют. Изящные искусства там, слышно, не в чести, как и почитаемая преступлением роскошь, а храмы всех иных богов, кроме Единого, давно порушены. И нет там ни наград, ни гильдейского деления, ни сословного, ни титулов, ни сеньоров. Иными словами, по рассказам бывавших в Святой Земле путешественников, жизнь там по сравнению с иными краями не в пример аскетичнее и бесцветнее. Разное говорят о заведенных в Святой Земле порядках, кто одобряет их, кто не принимает. Я же остаюсь верным старой привычке писать только о том, что видел собственными глазами или по крайней мере изучил вдумчиво по множеству книг, представляющих противоположные точки зрения. Памятую к тому же, что правом выносить окончательные суждения наделена лишь сама История. Пока же у меня недостаточно знаний о Святой Земле, в чем не стыжусь признаться, и от суждений воздержусь до путешествия туда, каковое твердо намерен предпринять в ближайшие годы.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О ВОЕННОМ ДЕЛЕ

Выдержки из одиннадцатого письма реверена Гонзака

Армии на Таларе не собираются от случая к случаю ради той или иной кампании, а постоянны. Содержатся они на долю доходов от королевских имений, а также на долю от налогов, взимаемых со всех, и с дворян в том числе. Армии Виглафского Ковенанта устроены все на единый образец и состоят из гвардии, «безымянных полков» и легионов. Гвардия, пешая и конная, набирается частью из ронинов, частью из горожан. Есть полки, состоящие целиком из дворян, хоть число таких полков и невелико. Гвардейские полки именуются по цвету мундиров и по роду войск — например, ронерские Синие Мушкетеры или горротские Черные Драгуны. Знамена у них четырехугольной формы, и древки их увенчаны позолоченным орлом, именуемым «акилла». Понятно, что офицеры гвардейских полков происходят из знатнейших дворян, большей частью титулованных, а солдаты получают повышенное жалованье как деньгами, так и в иной форме.

Следом идут «безымянные полки», конные и пешие, артиллерийские, ракетные и саперные. Набираются они из горожан и фригольдеров, хотя попадаются там и ронины. Полки эти именуются номерами и по роду войск — например, «пятый кирасирский» или «десятый пикинерский». Вместо знамен у них вексиллумы. Вексиллум есть древко с поперечной перекладиной, прикрепленной пониже вершины, — а уж на этой перекладине и подвешивается полотнище, четырехугольное чаще всего, иногда с бахромой, иногда с кистями. Древко вексиллума увенчано посеребренным акиллой. Служба в сих полках далеко не так почетна, как в гвардейских.

И, наконец, легионы. Эти набираются, что конные, что пешие, из крестьян короны либо сеньоров, именуются также номерами и по роду войск, и офицеры тамошние почитаются ниже всех других. Вместо знамен у них «копье» — древко, увенчанное посеребренным изображением государственного герба и небольшой перекладиной, короче, чем на вексиллумах, с коей свисают ленты определенного цвета.

На службе у каждого короля есть отряды Вольных Топоров, однако таковые используются главным образом на морских островах либо в мелких стычках на границе, когда война по всем правилам не объявляется, а бои тем не менее идут. Впрочем, порой им и в больших войнах доводится участвовать. В офицеры к ним армейские чины идут неохотно, ибо Вольные Топоры,

иными спесивцами почитаемые даже ниже легионов, сами о себе весьма высокого мнения. Народ это своенравный, и не всякий офицер с ними уживется.

Есть еще королевская гвардия, почитаемая личной дружиной монарха, и подбору ее самим королем уделяется особое внимание, причем обычные правила в счет как бы и не идут, потому что полки эти — все равно что меч короля, охраняющий его персону и фамилию. По древней традиции (нам на Сильване прекрасно знакомой исстари) королевскую гвардию предпочитают набирать из иноземцев, гланцев в первую очередь, кои славятся высокой боевой выучкой и особенной верностью присяге. Земля в Глане скудна, многие ищут пропитания за его пределами, выбирая в первую очередь военную стезю, как наиболее приличествующую гланскому горцу. Случается еще, что в королевскую гвардию берут крестьян без различия их принадлежности, отдавая предпочтение как раз уроженцам самых глухих и отдаленных провинций — они по неразвитости своей чтят короля как сверхъестественное поистине существо, а в городах не имеют ни корней, ни знакомых, ни родни. Королевская гвардия превосходно обучена бою на улицах, защите зданий и штурму таковых — всему, для чего она в первую очередь и предназначена. Помимо того, учат еще рукопашному бою, владению неуставным оружием, обращению с караульными собаками, стрельбе из арбалетов и мушкетов со зрительными трубками, именуемыми оптическими прицелами, а также, несомненно, и другим хитрым воинским искусствам, о которых широкой публике не разглашается. Служба офицером в королевской гвардии, пусть даже в таком полку, что составлен из темных провинциалов (коих долго учат различать правые и левые конечности, привязывая к оным при муштровке то сено и солому, то, ради пущего поощрения, колбасу и рыбу, кои солдат получает для съедения, как только перестанет путаться), — одна из почетнейших, и многие ее добиваются. Однако отбор туда строжайший — ведь немало в истории случаев, когда король становился жертвой гвардейцев, направляемых узурпаторами. Одним словом, друг мой Чедогон, все, что касается таларской королевской гвардии, мы исстари наблюдаем на Сильване, только что под другими названиями: есть области, где мышление венценосных особ движется совершенно схожими путями, какую державу или планету ни возьми…

Вернемся к армии. Что полком, что легионом командует офицер в чине полковника. И полк, и легион, как правило, состоят из пяти рот (только в кавалерии рота именуется «ала»), и в каждой из этих рот от двухсот до трехсот человек, разделенных

на десять платунгов. Ротой командует капитан, и в подчинении у него находятся три-пять лейтенантов и десяток сержантов, командующих по необходимости кто одним платунгом, кто несколькими, в зависимости от обстановки и боевой задачи. При каждом полку имеются: артиллерийская батарея, ракетная батарея (в пехотных еще и особая рота, устанавливающая при нужде рогатки для защиты от неприятельской кавалерии), обоз, походные мастерские, штаб под командой офицера, лекарский отряд, один-два платунга (конные, независимо от рода войск), служащие исключительно для охраны штаба, ибо там много тайных бумаг, ценных для противника. А еще — полицейская команда и особое подразделение, именуемое «волчья сотня», — там собраны головорезы сметливые и дерзкие, способные и разведку провести, и заложить пороховую мину, и посеять панику в тылу противника, перехватывая его курьеров, громя обозы. Вопреки общепринятым правилам войны, «волчья сотня» частенько переодевается в мундиры противника, отчего ставит себя вне законов войны, и при поимке их вешают, как шпионов. Впрочем, в сии сотни набирается столь отчаянный народ, иногда прямо с каторги, что подобная бесчестная участь их не особенно и пугает.

Словом, все вышеупомянутые мною вспомогательные отряды каждого полка, пожалуй, не уступают в численности его пяти строевым ротам, также и «алам».

Артиллерийские полки и ракетные делятся на батареи и роты под командою лейтенантов и капитанов. Солдаты их грамотнее и развитее прочих, поскольку имеют дело со сложными устройствами, — то же и с саперами, обязанными уметь обращаться со сложными осадными машинами, закладывать мины и контрмины и выполнять иные нелегкие задания. В помянутых полках также есть и свои штабы, и лекарские группы, и «волчьи сотни», и мастерские, и отряды воинского прикрытия.

У лейтенантов, капитанов и полковников с генералами чин обозначает золотое шитье на мундирах, а также обилие оного. Так уж сложилось, что знаками различия для лейтенантов стали повсеместно шитые лавровые ветви, для капитанов — тисовые, для полковников — виноградные листья, а для генералов — дубовые (по сему поводу один лейтенант, подвыпив, загадал мне загадку: «Что такое — дуб, и листья на нем золотые?» Оказалось, недалекий умом генерал). К чему в разных державах добавляются свои эмблемы разнообразного типа.[8]

Есть еще полки воздушные, оснащенные воздушными шарами и планерами. Первые, поднятые на привязи, служат для наблюдения за неприятелем, а со вторых, бывает, метают и

гранаты в осажденную крепость или на позиции, и, хоть урон от таких атак обычно ничтожен, ущерб для боевого духа подвергнутых такому нападению велик. По этой причине повсеместная ненависть сопровождала воздушные войска при их появлении, как это, рассказывают, было в старину с огнестрельным оружием при его начавшемся в войсках распространении. Ненависть эта достигала такого накала, что еще на памяти нынешнего поколения военных пленного летуна, будь он и дворянин, вешали совершенно как шпиона, если не подвергали худшей участи. Специально созванная по сему поводу ассамблея Виглафского Ковенанта после долгих прений постановила такую практику недопустимой, и каждый монарх клялся королевской честью соблюдать законы войны по отношению к летунам, а нарушителей сего карать смертью. А король Снольдера, единственный, кто располагает летательными машинами под названием «самолет», понуждаемыми к летанию особыми механизмами (но ничуть не похожими на наши воздушные колесницы), набирает летунов из одних дворян и присваивает каждому офицерский чин, дабы полностью его обезопасить, — ведь убийство пленного офицера считается поступком недопустимейшим, и дворянство всех держав строго следит за соблюдением сего правила.

Флот таларский состоит из парусных кораблей, пароходов, а также судов, способных ходить и под парусом, и посредством колес. Вооружены они пушками, ракетными станками, метательными устройствами и огнеметами.[9] Малыми кораблями командуют лейтенанты, большими — капитаны, имеющие в подчинении несколько лейтенантов (причем лейтенант, командующий отдельным кораблем, именуется «флаг-лейтенант» и по рангу считается выше обычного лейтенанта, что подчеркивается дополнением к знакам различия). Эскадры же управляются адмиралами. В отличие от суши, где генеральский чин не делится на разряды, адмиральский практически повсеместно на разряды делится, в какой стране на два разряда, в какой — на три. Знаками различия для лейтенантов служит шитье в виде якорной цепи, для капитанов — таковой же цепи с якорями, а в отношении адмиралов существует большое разнообразие. Так, в Снольдере есть адмиралы Трех, Двух и Одного Фонаря, в Ронеро — адмиралы Красной, Синей и Белой эскадр, а в Лоране — адмиралы Небесные и Звездные (чины эти, как говорят, произошли от наименования парусов — один их ряд, средний, в морской практике именуется Небесным, а верхний — Звездным).

Служат в войсках и девушки, главным образом из дворянских

семей, иногда и в офицерских званиях, их не столь уж много, но и не настолько мало, чтобы они считались диковинкой. Снисхождения к ним по сравнению с мужчинами не делается никакого, а вот лишние опасности существуют: если попавшая в плен девушка не имеет офицерского звания, то при недосмотре начальников (а то и их попустительстве) может в неразберихе сражения подвергнуться самому разнузданному насилию. Причем порой надругательство оное имеет причиной вовсе даже не распутство, а выражает убеждение иных, что воевать женскому полу негоже. В военный же флот лица женского пола служить категорически не допускаются, чему причиной древняя традиция. Даже в качестве пассажира иные капитаны женщину, будь она в офицерском звании, берут неохотно. Ради курьеза упомяну, что лет десять назад один ронерский крейсер самым натуральным образом взбунтовался, когда его палубу вознамерилась посетить королева, и даже король, заслуженно прозванный Ужасным, вынужден был простить бунтовщиков, ибо очень уж древний и незыблемый обычай был затронут (но запрет таковой сохраняется лишь в регулярном военном флоте, ибо в торговом, сообщали мне, женщины плавают в небольшом количестве, а у пиратов — и в большом).

Есть на Таларе военные школы, где год, а то и два-три готовят морских офицеров, артиллерийских и саперных. Конница же и пехота обучения в особом заведении не требуют. Молодые люди из дворян, зачисленные в конный либо пеший полк кадетами, там непосредственно постигают военную науку. Когда (речь идет о мирном времени) вышестоящие командиры признают, что кадет достоин звания, ему присваивают чин «кадет-лейтенант», в коем он и пребывает до освобождения вакансии. Бывают и кадет-капитаны (а среди молодых офицеров кружит байка о некоем невезучем кадет-генерале, до кончины своей пробывшем в этаком чине в ожидании вакансии, но это не более чем ходячий анекдот). На войне, понятное дело, производство в чин случается быстрее. Нужно заметить, что во многих полках, гвардейских особенно, в полковники простым продвижением на освободившиеся вакансии не выбьешься — я о полках, где полковников назначает сам король, а не военное министерство.

В солдатах и матросах служат не менее десяти лет, а верхнего предела не назначено — лишь бы был крепок и не увечен, а там служи хоть до седых волос. Отслужившие десять лет могут при соблюдении определенных условий выйти в отставку, однако еще семь лет находятся во «второй очереди», и в случае большой войны их могут вновь определить на службу, потому что так проще и выгоднее, чем брать необученного. Если вышедший в

отставку после десяти лет беспорочной службы был до того крестьянином сеньора или короны, он получает статус фригольдера либо право приписаться к одной из трех низших гильдий, а если имеет не менее трех медалей — и к Серебряной. Если же отставник горожанин, может подняться гильдией выше, а при наличии медалей — и шагнуть через разряд. Порядки такие побуждают многих и многих искать военной службы — благо, в полном соответствии с таларской пословицей «У акиллы из-под крыла не выскочишь», достаточно беглому тюремному сидельцу или сбежавшему от хозяина крестьянину попасть в списки полка и принести присягу, как ни полиция, ни сеньор уже не вправе его из казарм извлечь.

В военном флоте есть свои особые полки морской пехоты, действующие в морском сражении абордажными командами, либо штурмующие прибрежные города, когда произойдет такая надобность. Иные из этих полков целиком набираются из каторжников, изловленных пиратов и тому подобного сброда, обязанного в обмен на свободу прослужить ровным счетом пятнадцать лет. Свободой такой удел можно назвать с превеликой натяжкой, ибо надзор за ними строгий и за попытку дезертирства вешают немедля, да и за многие другие проступки наказанием петля гораздо чаще служит, чем розга. И все же приток охотников в такие полки велик — лучше служить в морской пехоте, чем надрываться в каменоломнях или висеть на рее, к тому же бывает и военная добыча, а отслуживший пятнадцать лет получает полное прощение прошлых грехов. Вот только доживает до окончания срока не более одной десятой, поскольку их бросают в самые горячие места — да так уж человек устроен, что всегда надеется, будто убьют непременно другого…

Ганза тоже содержит на часть своих доходов и постоянную армию, и военный флот, и отряды Вольных Топоров. В Глане же постоянной армии почти что и нет — лишь два-три королевских полка, обычно размещенных на границах. Зато при угрозе извне тамошний воинственный народ, сызмальства обученный владеть оружием независимо от пола, быстро собирается под знамена своих кланов, и армия эта весьма грозна, ибо защищает свою родную землю.

Постоянную армию не заменишь быстро неопытными рекрутами, стоит она дорого, и часто рисковать ею в крупных сражениях неразумно. Потому, как и у нас на Сильване, особо крупные войны, истощающие государство и требующие предельного напряжения всех сил, на Таларе бывают, но весьма редки. Те же, что вспыхивают и ведутся часто, сводятся к двум-трем битвам, где обе стороны выставляют лишь по несколько

полков. Так же обстоит и с морскими сражениями, где сходятся не более десятка-другого вымпелов с каждой стороны. Иные войны ограничиваются осадой крепостей, иные — рейдами одного-двух полков на вражескую территорию.

Мирное же население, считается, не должно участвовать в войне, как бы к ней ни относилось. Единственным исключением предстает лишь воинственный Глан, чьи рубежи сильнее мечей охраняет ясное осознание того, что любому вторгшемуся придется ждать удара от каждой руки, из-за каждого куста. С другой стороны, по законам современной войны и у армии противника нет привычки зверствовать против мирного населения, хотя оно несет неизбежный ущерб в виде увода скота, грабежей и насилий над женским полом, а порой и взятые города бывают отдаваемы войску на разграбление. Такова уж война, сама по себе являющаяся бедствием…

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕТКИ О МОРСКИХ ОСТРОВАХ

Выдержки из четырнадцатого письма реверена Гонзака

О всевозможных чудесах, диковинах, встречах и впечатлениях, с коими я столкнулся во время трех своих морских путешествий, напишу еще отдельную книгу, каковая, похвастаюсь, на две трети уже готова.[10] А пока что, друг мой Чедогон, ограничусь тем, что перечислю самые заметные морские острова и опишу их кратко.

Надобно прежде всего заметить с превеликой завистью, что мореплаванию на Таларе благоприятствует одно существеннейшее обстоятельство — моря там, в отличие от наших, пресноводные, и корабельщикам не грозит смерть от жажды. (Ходят даже разговоры среди ученых, что великая река Ител — есть поток, вытекающий из моря, подземным течением проделывающий часть пути и выходящий в Хелльстаде на поверхность. К этому предположению стоит прислушаться, учитывая странное строение реки Ител, словно бы из ниоткуда берущей немалое количество полноводных рукавов, на каковые она разделяется, — а ведь со всеми прочими реками обстоит как раз наоборот: притоки питают реки, а не реки в обилии порождают рукава. Однако проверить это предположение трудно: экспедиции к устью Ителя опасны. Пробовали иные сбрасывать с кораблей в Фалейском заливе изрядное количество плотно закупоренных пустых бутылок, надеясь, что некоторые из них, пройдя гипотетическим подводным течением, всплывут в низовьях реки, но не слышно, чтобы принесло это успех, что, впрочем, как не доказывает существование подземного потока, так и не отвергает.)

Так вот, планета Талар делится на Полушарие Восхода и Полушарие Заката. В первом и лежит Харум. К полудню от него расположены острова Бару, числом одиннадцать. Четыре из них, более обширные, принадлежат Снольдеру, а прочие семь — Горроту. Острова эти никакой пользы почти не приносят, не разведано там ни ценных руд, ни благородных металлов, а земля большей частью скудна для землепашества или скотоводства, так что владеющий ими извлекает выгоду главным образом моральную. Ибо государства подобны малым детям, каждый клочок земли для них — что любимая безделушка, каковую не отдадут другому, даже если надоела…

К закату от Харума лежит Катайр Крофинд, остров большой,

размерами не уступающий Харлану. Там текут две реки, есть обширные пастбища, оловянные и медные рудники, месторождения мрамора и каменоломни, на коих трудятся каторжники. Есть там города и деревни. Катайр Крофинд принадлежит Снольдеру.

К полуночному закату от Катайр Крофинда находится Инбер Колбта. Островов в данном архипелаге около девятисот, но редкий из них превышает размерами двух-трех югеров,[11] и расположены они крайне густо, очень близко друг к другу собраны, так что разделяющие их воды весьма узки, где шириною в полет стрелы, а где можно без труда перебросить камень с островка на островок. Протоки Инбер Колбта являют собой сущий лабиринт, где незнакомый с архипелагом кормщик может блуждать неделями, не находя выхода в океан, да и опытные лоцманы не рискуют углубляться в самое сердце Инбер Колбта, благо что и делать там занятому человеку нечего. Только на внешних островах останавливаются проплывающие корабли, ибо у Инбер Колбта проходит один из оживленных морских путей, и вездесущие ганзейцы еще в древние времена устроили там три порта, а в позднейшие годы разные государства заложили угольные склады для своих пароходов. В глубине же Инбер Колбта любят укрываться превосходно знающие те места пираты, и погоня за ними затруднительна, хотя случается. Всякое болтают о центральных областях Инбер Колбта, но я к этому еще вернусь в своей книге о тайнах океана. Инбер Колбта никому не принадлежит, и большинство его островов необитаемы. На таларском древнем языке, ныне вышедшем из употребления, «инбер колбта» означает «устье реки», и ученые люди уверяют, будто с птичьего полета архипелаг и впрямь напоминает, если мысленно дорисовать недостающее, устье гигантской реки, дельту с многочисленными островками. Возможно, есть правда в легендах, утверждающих, будто до Шторма места те были сушей с протекающей по ней рекой — от чего только и осталось, что Инбер Колбта.

Примерно на равном расстоянии меж Инбер Колбта и Лораном, только лигах в ста к полуночи, лежит остров Стагар, и он невелик. Жители его пользуются мрачной славой первых на Таларе морских колдунов, весьма сведущих во всем, что касается погоды, течений, бурь, дождей и ветров, а также морской нечисти. И слава эта вполне заслуженна — оттого-то, по некоему молчаливому уговору, харумские державы претензий на Стагар не предъявляют, стараясь с ним не связываться, благо и взять с него нечего. Формально остров принадлежит лоранской короне, от каковой на Стагаре присутствует губернатор с небольшим

количеством чиновников и солдат, но вмешательства в местную жизнь он не оказывает, и последняя идет своим чередом. Коренных обитателей там насчитывается около трех тысяч, малая часть живет плугом, а большая — рыбной ловлей. Лоранцы туда не переселяются, ибо Стагар скуден и каменист. Есть там при городке, также именуемом Стагаром, большой порт. В городке и пребывают губернатор с гарнизоном, а также некоторое число ссыльных, среди коих есть и знатные.

Примерно в полутора тысячах лиг к полуночному закату от Стагара лежит Темайр. Остров сей служит ларам портом, откуда летают на Сильвану и обратно те межпланетные исполинские ладьи, на одной из которых я сюда и прибыл. На Темайре есть большой порт, куда приплывают корабли, перевозя убывающих на Сильвану и прибывающих оттуда, вкупе с их товарами. Всем на Темайре распоряжаются лары.

Вот и все о Полушарии Восхода. Перейдем теперь к Полушарию Заката, изучая его сверху вниз.

На полуночи лежит Диори, огромный и загадочный остров, весь закованный льдами, что необъяснимо при таларском климате, везде одинаково ровном, не знающем зимы, снега и льда. А посему все сходятся, что льды Диори имеют объяснение неестественное. В глубь сей жуткой земли никто не рискует углубляться, да и на берегах Диори появляется еще меньше дерзких смельчаков, чем на рубежах Хелльстада. Если хоть десятая часть страшных рассказов о поджидающих на Диори опасностях верна (а так оно, безусловно, и обстоит), то рекомо сокрытые там клады имеют надежнейших сторожей…

Ниже, на одной примерно широте, расположены Ферейские острова, Хай Грон и Бран Луг.

Ферейские острова, числом пять, принадлежали когда-то королевству Демур, ныне стертому с лица земли Глазами Сатаны. После гибели метрополии жители острова, оказавшись без подданства и защиты, переселились на Бран Луг. Так же поступил и гарнизон имевшегося на одном из островов военного порта, перейдя на ронерскую службу. Ныне на одном из них ронерцы заняли опустевший порт, приспособив его для своих нужд, ибо мимо того острова проходит морское течение, облегчающее путь их кораблям к Бран Лугу. А остальные четыре необитаемы, там пасутся стада одичавших коров, на которых охотятся и гарнизон, и пираты, и проплывающие честные мореходы, имеющие потребность в свежем мясе.

Далее лежит Хай Грон. Остров этот мал, площадью около двадцати югеров, и почти весь представляет собой бесплодные скалы, если не считать узкой прибрежной полоски на закатной

окраине, где расположился город с портом, наполовину принадлежащим Ганзе. Однако знаменит этот остров на весь Талар. В самой высокой точке Хай Грона стоит храм морского бога Руагату, и легенда гласит, что под этим именно храмом зарыто знаменитое копье Морских Королей, коим только и можно убить Великого Кракена. Поверье это идет из седой древности и чересчур устойчиво для простой сказки. Но поскольку его сопровождает столь же древнее поверье, гласящее, что разрушение храма Руагату или любой значительный ему ущерб вызовет страшное наводнение, всемирный потоп, не уступающий Шторму, державы Виглафского Ковенанта, все без исключения, держат на острове свои воинские команды, бдительно охраняющие храм днем и ночью. Признаюсь, впервые я столкнулся со случаем, когда все государства столь единодушны в серьезнейшем своем отношении к старинной легенде. Так что поневоле начинаю думать, что для такого поведения у них есть свои причины, и пророчество оное в старые времена действительно прозвучало из уст кого-то, чьи слова сбывались… Но не возьму в толк, где можно было зарыть копье. Храм я посетил немедля, туда пускают в сопровождении чиновников в дневное время, за умеренную плату. И уверяю тебя со всей ответственностью: храм сей стоит на сплошной скале, где невозможно зарыть что бы то ни было. Позже, уже на Харуме, в кругу ученых, я со всем пылом новичка предположил, что речь идет об устроенном в подземелье храма тайнике, но мои догадки тут же опровергли, рассказав, что за минувшие тысячи лет там, не выдавая своего подлинного лица, побывали многие колдуны и маги, а также горные инженеры и лозоходцы, поднаторевшие в поиске тайников и подземных полостей; и все они пришли к заключению, что подземелье храма (невеликое, кстати) тайников не содержит. Остается разве что предположить, что легендарное копье это, если и впрямь существует, магическим образом заключено в толще камня, откуда извлечь его может лишь посвященный. Случаи таковые нам известны на обеих планетах. И таларские ученые со мной всецело согласились, ибо сами так думали: если копье существует, то разве что заключенным во внутренность камня, подобно мечу фоморов или копью Гримтаса.

Далее расположен Бран Луг, размерами не уступающий Катайр Крофинду, а то и превосходящий. Владение это ронерское. Только там, в силу неких природных особенностей, и растет на Таларе хлопок (коим занято две трети острова). Также и сахарный тростник, хоть и растущий в иных уголках планеты, на Бран Луге наиболее хорош и обилен. Им засажена оставшаяся треть острова, из него добывают как сахар, так и излюбленный моряками ром —

каковой, очищенный должным образом, весьма хорош. Труд по возделыванию обеих этих культур крайне тяжел, и своей волей туда редко кого заманишь, разве что от крайней нужды. И потому ронерцы посылают туда каторжников, а также нанятых у нас на Сильване рабочих.

К восходу от Бран Луга лежит Сегур. Остров этот невелик, размером в пятьсот югеров, но история его удивительна. Сегур — последний сохранившийся над уровнем моря клочок некогда обширного и богатого королевства, размерами не уступавшего некогда доброй четверти Харума и включавшего в себя также Бран Луг (но Бран Луг был глухой окраиной, а Сегур — землями, расположенными вкруг столицы). Девятьсот с лишним лет назад земля эта стала вдруг погружаться в океан и на протяжении примерно семидесяти лет погрузилась почти вся, после чего море уже ни Сегур, ни Бран Луг не тревожило. Людей за те семьдесят лет погибло немало, но, поскольку погружение сие было не единовременной катастрофой, а постепенным опусканием суши, жертв все же насчитывается неизмеримо меньше, чем было бы при внезапном могучем катаклизме, и очень многие, прихватив то, что смогли погрузить на корабли, рассеялись по иным землям. А поскольку столица былого королевства, современный город Сегур, пребывает и ныне на суше, то за уцелевшей королевской фамилией сохранены все права, а за островом Сегур — права королевства, в качестве какового Сегур и состоит в Виглафском Ковенанте. Сам я, обремененный житейским опытом и толикой проистекающего отсюда цинизма, полагал, что причиной такого великодушия послужил отказ сегурского короля от образовавшегося острова Бран Луг в пользу великих держав (добавлю, что державы долго вели войны за единоличное обладание сим островом, пока там окончательно и безраздельно не утвердился Ронеро). Есть историки на Таларе, втихомолку со мной согласные, но в архивах письменных следов такой сделки нет, разве что в королевских, нам недоступных. Ныне на Сегуре, кроме одноименной столицы (понятно, весьма обезлюдевшей), сохранился еще невыразимо прекрасный город Сегула, о котором толкуют, что за красоту его пощадили даже морские демоны — или сам Руагату, коего суеверная молва почитает виновником гибели королевства. Население Сегура сейчас не превышает десяти тысяч. Там обитает королевская фамилия с изрядным количеством дворян, и жизненный уклад разительно отличается от бытующего в иных странах. Из-за того, что крестьян и ремесленников осталось крайне мало, ибо именно они в первую очередь бежали из гибнущей страны, а дворян, так и не покинувших в свое время Сегур, насчитывается преогромное

количество, то большинству из них ради пропитания пришлось освоить занятия, почитавшиеся до того презренными. И нынешний Сегур являет собой зрелище редкостное. На каждом шагу там можно встретить бакалейщика или гончара, а то и пахаря, щеголяющего при прадедовских золотых шпорах и золотой цепи, дабы подчеркнуть свое происхождение. Дворяне составляют девять десятых всего населения, но подлинно дворянский образ жизни ведут не более двух сотен из них, а прочие заняты делами, относящимися в других краях к обязанностям Золотых, Серебряных, Бронзовых и частью Медных гильдий. Жизнь на Сегуре была бы и вовсе скудна, не сдавай короли три порта в аренду ганзейцам.

Почти в центре Полушария Заката расположены острова Девайкир, числом девять. Иные из них богаты золотом и серебром. По одному острову принадлежит Снольдеру, Ронеро и Горроту, устроившим в своих владениях рудники. Два заняты Ганзой, но не слышно, чтобы там добывали драгоценные металлы (разве что, по купеческой привычке, это держится в тайне). По одному острову досталось Лорану и Харлану, безрезультатно пока что ведущим поиски. Два острова бесхозны, и все, кому вздумается, и государственные рудознатцы, и одинокие ловцы удачи, ищут там следы ценных руд. Если найдут, следует ждать войны за обладание данными островами. Поскольку оттуда на континент часто отплывают корабли, груженные золотом и серебром, вокруг островов Девайкир прямо-таки роятся пираты (правда, остается неподсчитанным, сколько из них старается ради собственной выгоды, а сколько — замаскированные морские офицеры соперничающих держав или попросту нанятые означенными державами каперы).

На полуночном восходе лежит Море Мрака — таинственная обширная область, укутанная нетающим густым туманом, куда даже пароходы с запасом угля заходить не рискуют. С превеликим трудом, выложив столько золота, что хватило бы на покупку неплохого трехмачтового корабля, мне удалось уговорить капитана (далеко не самого трусливого из известных мне таларских мореходов) углубиться в Море Мрака на лигу — и многое я понял, так что отныне не стану упрекать в трусости тех, кто опасается входить в Море Мрака. Но сам туда непременно вернусь для обстоятельной экспедиции, как только подыщу надежную команду и добрый корабль.[12]

На полудне лежит остров Дике, немногим менее Бран Луга, принадлежит он Горроту, обитаем и многолюден, но не пашни и пастбища составляют главную его ценность. В горах, в срединной его части, добывают знаменитый пещерный жемчуг, синее чудо,

приносящее королям Горрота немалый доход. Растет там еще красное дерево, а в горных копях добывают красную яшму и полосатую,[13] а также особый род аметиста, именуемого «бархатным», — фиолетовый цвет его при вечернем освещении изменяется в густо-красный. Есть там и рубиновые копи, и месторождения полудрагоценных минералов — из них более всего известны венис[14] и бакан.[15] Словом, недра острова Дике столь богаты, что горротских королей подозревают в сговоре с гномами, но слухи эти, верней всего, рождены одной лишь завистью, ибо кто слышал, чтобы гномы обитали на острове, пусть и большом? Даже если Дике, как слышно, есть осколок затонувшей в незапамятные времена земли, гномы давно покинули бы его, ибо островов не любят.

В океане насчитывается несколько десятков прихотливо разбросанных одиноких островов, но они малы, большей частью необитаемы, и для нашего повествования интереса не представляют ни малейшего — разве что из-за связанных с иными легенд и примечательных случаев, поверий и курьезов, которые я постараюсь изложить в своей книге о море.

О ГОРОДАХ

Выдержки из пятнадцатого письма реверена Гонзака

Города таларские делятся на дворянские, коронные и гербовые. Первые целиком принадлежат дворянам, на землях коих расположены, вторые — королю, а третьи — вольные, в ознаменование чего и наделены гербом, коим жители такого города крайне горды. Случается, конечно, что гербовый город лежит в границах дворянских владений, бывает, город окружен коронными землями, а случается, что столица, например, ронерская Равена, не королевский город, а гербовый. Происходит это оттого, что владения не раз меняли принадлежность, иным городам герб жаловался за заслуги, а у других отбирался за вину мнимую или подлинную. В городах всех трех разновидностей существуют одни и те же гильдии и сословия. Разница лишь в том, что в дворянском городе, будь он наполовину населен людьми вольными, власть дворянина весьма ощутима, как в коронном — власть короля. Зато гербовые города управляются исключительно своими магистратами, ревностно хранящими старинные привилегии. Для каждой разновидности городов существует известная разница в судопроизводстве и отправлении правосудия, а также в персоналиях, оное отправляющих. Однако система эта чересчур сложна для короткого пересказа, как показались бы сложны чужеземцу наши правила на сей счет.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ О ГОЛОВНЫХ УБОРАХ

Головной убор играет на Таларе очень большую роль. По нему безошибочно узнают род занятий и социальное положение владельца. Появиться на людях с непокрытой головой — поступок крайне предосудительный, достойный последнего бродяги.

Бадагар — фетровая широкополая шляпа, обычный головной убор военных и дворян (у дворян украшена перьями, лентами, пряжками из драгоценных металлов с самоцветами).

Бонилон — твердая шляпа с высокой тульей в виде усеченного конуса и неширокими полями. Головной убор членов Золотой, Серебряной и Бронзовой гильдий. В зависимости от гильдии бывает украшена золотым, серебряным или бронзовым медальоном, вместо ленты — крученый шнурок.

Капарат — круглая твердая шапка, как правило, темных тонов. Ее носят члены сословия Мер и Весов. Бывает украшена ярким матерчатым верхом, золотом и серебряным шитьем, отшлифованными полудрагоценными камнями.

Каталано — фетровая или кожаная шляпа с высокой тульей и узкими полями, заломленными сзади. Наиболее распространена по обе стороны Каталаунского хребта, где ее носят дворяне, пограничные егеря, вообще все Сословия, кроме крестьян. В других местах — излюбленный головной убор охотников (поскольку шляпа этого фасона наиболее удобна для ходьбы по чащобе).

Лангила — матерчатая шляпа с очень широкими полями и круглым верхом, плотно сидящая на голове. Пропитывается водоотталкивающими составами и представляет обычный головной убор моряков и рыбаков. По-другому она именуется «штормовая лангила», или попросту «штормовка». Для ясной хорошей погоды существует разновидность, называемая «лангилатан» — твердая, поля не столь широкие. Лангилатан с металлическими головками и кокардами — форменный головной убор военных моряков.

Буниль — остроконечный колпак, войлочный или из плотной материи, с круглыми наушниками и квадратным назатыльником. Будничный головной убор крестьян. Праздничным служит габуниль — вязаный колпак, украшенный лентами.

Виклер — форменный головной убор чиновников, шляпа из твердой лакированной кожи, цилиндрическая, с узкими полями. Высота шляпы, наличие украшений, равно как и их количество,

зависят от чина.

Крапон — твердая шляпа с тульей в виде конуса и узкими полями. Головной убор членов Медной и Железной гильдий.

Мурмалка — остроконечный матерчатый колпак с меховой оторочкой, старинный головной убор жителей Ратагайской степи, который носят все без исключения мужчины (сорт материала, разновидность меха, наличие перьев и украшений зависит от положения в обществе).

В Глане мужчины носят разнообразные береты. Все прочие головные уборы совершенно не в обиходе и именуются насмешливыми прозвищами.

КРАТКИЕ СВЕДЕНИЯ ОБ ОДЕЖДЕ

Камзол — короткая мужская одежда, едва прикрывающая бедра. Кафтан — более длинный, почти до колен. Колет — камзол без рукавов. Если упоминается, что на военном был мундир, это означает, что его штаны и камзол (или кафтан) — одного цвета. Дворяне, военные и члены некоторых сословий никогда не появляются на людях без плаща. Чиновники носят мундир или сюртук до колен длиной, с пуговицами сверху донизу. Сюртук всегда должен быть застегнут на все пуговицы — как и одежда купцов, длиннополый хомерик. Военные и дворяне, наоборот, держат верхнюю одежду полурасстегнутой или расстегнутой вовсе, открывая кружевное жабо или форменный шейный платок.

Дворянки могут появляться в мужской одежде, но исключительно незамужние (замужним приличия такое позволяют лишь в долгой поездке).

ЗАМЕЧАНИЯ О БОГАХ И ХРАМАХ

Храмы ЕДИНОГО ТВОРЦА существуют во всех государствах и обитаемых землях (хотя и не везде окружены доброжелательством). Возведенные в старые времена легко отличить по трем-пяти золоченым куполам, каждый из которых увенчан крестом Единого. Храмы более современной постройки несколько выше и уже, с остроконечными четырехгранными крышами, и крест лишь один, в самой высокой точке храма. При всяком есть колокольня. Внутри нет ни изображений, ни статуй Единого — Творец никогда не показывался людям, и воплощать его в изображении не принято. Зато, как правило, по сторонам алтаря стоят статуи наиболее почитаемых в данной местности святых, окна украшены витражами, а у порога на полу сделано мозаичное или вырезанное в камне изображение дьявола, которого входящие попирают ногами.

Кроме Сословия храмовых священников существует еще четыре монашеских ордена: святого Роха, святого Круахана, святого Катберта-Молота и святого Сколота, занятые самой разнообразной деятельностью — от благотворительности и устройства школ до борьбы с приверженцами Черной Троицы.

АШОРЕМИ — в древности богиня охоты и лесов. Впоследствии стала и повелительницей ночи, каковое обстоятельство по прошествии лет привело к несколько комической ситуации, о какой будет сказано ниже. Первая ипостась богини, то есть патронаж над лесами, всем обитающим в них зверьем, а также теми, чьи труды связаны с лесом (охотники, птицеловы, бортники, смолокуры, дровосеки и т. д.), со временем окончательно перешла к Кернунносу. Ашореми осталась исключительно Царицей Ночи, а потому ее считают своей покровительницей и влюбленные, и разбойники с ворами (иронически прозванные «ночными служителями Ашореми»), и странствующие купцы, для которых ночь, заставшая их в дороге, — самое опасное время. Эти категории в основном и составляют паству храмов Ашореми. По старинке богине поклоняются и представители вышеприведенных «лесных» ремесел — те, кто живет вдали от Каталауна и других горных районов. Горожанки всех сословий и слоев общества верят, что молитва Ашореми облегчает роды и помогает вернуть любовь мужа.

Кое-где, в самых древних храмах, еще можно увидеть изображения Ашореми в облике мифологической ночной птицы Валари с восьмиконечной Полярной Звездой на груди. Но в

основном богиня предстает прекрасной девушкой с луком и колчаном за плечами (это оружие уже считается не символом охоты, а стрелами любви, поражающими сердца).

Самый большой и старинный Храм Ашореми находится в Пограничье и пришел в изрядное запустение, хотя туда до сих пор приходят паломники и там совершаются богослужения. Храмы Ашореми отличаются обилием колонн, полным отсутствием окон и плоской крышей, увенчанной статуей богини над входом и Полярной Звездой по всем четырем углам. Служителями Ашореми могут быть и мужчины, и женщины. К алтарю богини приносят цветы, перед ним жгут благовонную смолу. Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями. Животное Ашореми — кошка.

БРИГИТА — богиня знаний, мудрости и изящных искусств. Изображается в виде птицы с женской головой или, что реже, совы. Ее приверженцы происходят главным образом из Сословий Свободных Искусств, Совы и Циркуля. Храмов Бригиты, собственно говоря, не существует — лишь часовни, выполненные в виде каменных, закрытых с трех сторон навесов с изображением богини внутри. Служителей богини, как профессиональной касты, нет, эту роль выполняют особо уважаемые члены городских Общин Бригиты, носящие звание «смотрителей часовен». Есть ежегодные праздники с торжественными шествиями.

ВЕЛИКАЯ МАТЕРЬ — самое загадочное божество Талара, в чьи секреты так и не смогли проникнуть полностью ни книжники, ни тайная полиция. Главные приверженцы этой богини — крестьяне обоего пола (исключая побережье, где силен Руагату, Каталаун и горные районы). Святилища Великой Матери, изображаемой в виде примитивно вытесанной из камня или дерева тучной женщины, можно увидеть в каждой деревне. Есть еще священные рощи и заветные места, посвященные Матери. И те и другие, по неписаному обычаю, идущему из глубины веков, настрого запрещено посещать мужчинам (слухи о том, что иные убийства были местью за нарушение запрета, так до сих пор не удалось ни подтвердить, ни опровергнуть, несмотря на все усилия властей).

Жрицами Великой Матери могут стать исключительно женщины, причем их возраст сплошь и рядом не имеет значения (считается, что будущая жрица с колыбели отмечена богиней, и посвященные это легко определят). Праздники в честь Великой Матери приурочены к севу, жатве, обмолоту и другим видам полевых работ. В жертву богине приносят злаки, плоды и перворожденных ягнят (слухи о человеческих жертвах были тщательнейшим образом проверены имперской разведкой, но не

подтвердились).

Помимо внешней, обрядовой стороны ритуалов, лицезреть которые допускается любой посторонний, существует, вне всякого сомнения, и некое тайное знание, но до нынешних пор не удалось вызнать о нем ничего конкретного. Известно, что Великая Матерь олицетворяет Природу, животворящую силу (а по некоторым источникам, и всю планету, полагаемую жрицами Великой Матери живым и чуть ли не разумным существом). Одно время бродили упорные слухи (в городах, естественно), что реверен Гонзак пытался проникнуть в тайны Домов Великой Матери (нечто вроде монастырей, где живут женщины, посвятившие всю свою жизнь служению богине), за что и был убит при самых удивительных обстоятельствах. Насколько известно, проверкой этих слухов никто всерьез не занимался — ибо подобные сплетни во множестве появлялись и раньше в связи со смертью других известных особ, но подтверждения никогда не находили, и к ним перестали относиться серьезно.[16]

Следует отметить, что в военное время даже наиболее буйная и недисциплинированная солдатня обходит стороной Дома Великой Матери и избегает оскорблять жриц. Эта укоренившаяся в древние времена традиция чересчур устойчива для простого суеверия, что неоднократно отмечалось исследователями (так и не докопавшимися, правда, до причин).

КЕРНУННОС — бог лесов, охоты, диких животных и грома. Изображается в виде оленя с лошадиным хвостом или человека с оленьей головой. Главным образом ему поклоняются в области Каталаунского хребта, гор Адантел и Оттершо. Служители Кернунноса — исключительно мужчины. Храмы, как правило, располагаются в лесу (или окружены самое малое семью деревьями), они небольшие, кубической формы, с узкими высокими окнами, крыша крыта оленьими рогами. При храме обязательно имеется башенка, где по особым праздникам (так называемые «дни грома») зажигают священный огонь. Есть заповедные Леса Кернунноса. В общем, Кернунноса нельзя назвать «злым богом», но порой по отношению к людям (особенно тем, кто неподобающим поведением в лесу навлек его гнев) он бывает жесток и мстителен. Особых жертв ему не приносят, но принято оставлять в лесу часть охотничьей добычи или, проезжая мимо заповедного леса, украсить одно из крайних деревьев каким-нибудь подношением. Зверем Кернунноса исстари считается каталаунский тигр, и под особым покровительством бога находятся белые олени.

РУАГАТУ — бог моря, имеющий огромное число приверженцев на побережье и на Островах, особенно среди

моряков и рыбаков (а также купцов, плавающих по морю). Изображается в виде могучего бородача с трезубцем, восседающего на касатке. Храмы Руагату (которые полагается возводить не далее чем в лиге от берега), пожалуй, самые пышные и красивые среди всех. Стены в них заменяют ряды колонн, крыши из нескольких куполов ярко раскрашены разноцветными красками в виде чешуи, снаружи и внутри храмы украшены мозаикой, статуями и изображениями как мифологических обитателей моря, так и реальных. Во время богослужения жгут благовония трех видов. У мореходов принято во исполнение обетов дарить храмам модели своих кораблей, зачастую из драгоценных металлов. Среди служителей — и мужчины, и женщины. При некоторых храмах есть приюты для старых и увечных мореходов. Любимицами Руагату считаются касатки, поэтому охотиться на них рискнет лишь самый отпетый, не верящий ни в бога, ни в черта. И наоборот, убить гривастого крокодила или кракена считается угодным Руагату делом.

СИМАРГЛ (КРЫЛАТЫЙ ПЕС) — бог войны. Около двух тысяч лет назад его культ был занесен с Сильваны, и, в отличие от схожих случаев с другими сильванскими богами, не только прижился, но и широко распространился — главным образом среди военных, части обитателей Полуденного Каталауна и в Ратагайской Пуште. Изображается в виде пса с орлиными крыльями. Храмы сложены из красного кирпича разных оттенков, по виду напоминают старинные замки — с высокими крутыми крышами, зубцами по их кромке, машикулями, толстыми стенами, узкими стрельчатыми окнами (с витражами, изображающими сражения). Внутри — статуя Крылатого Пса, стены обычно увешаны пожертвованным по обету или дареным оружием (все древние храмы славятся прекрасными коллекциями старинного оружия). Принято освящать в храме купленное у мастера оружие. В старые времена полагалось оставлять перед статуей капельку своей крови, уколов палец, но вот уже несколько столетий, как этот обычай исчез.

При иных храмах есть приюты для старых и увечных солдат (каковых немало и среди служителей Симаргла). В противоположность сильванским обычаям, служители Симаргла — исключительно мужчины. Возле храмов Симаргла всегда можно увидеть собак — их подкармливают, так как собакам Крылатый Пес особо благоволит, выделяя среди прочих животных. Для приверженцев Симаргла убить или обидеть собаку — грех (зато отношение к кошкам насквозь противоположное).

Существуют Братства Симаргла — военные ордена. Их членов обязывает равенство независимо от происхождения, обет

супружеской верности, клятва участвовать в любой войне, какую ведет государство. Ныне таких Братств семь — три в Снольдере, два в Ронеро, по одному в Глане и Лоране. Они могут выставить отряды, не уступающие по численности полку. На звоннице каждого храма установлен птелос. Симаргл — покровитель гильдии Оружейников.

ХОРС — бог солнца. Изображается в виде всадника на рыжем коне или золотого солнечного диска. Почитается главным образом в городах. Храмы возводятся в виде пирамиды из семи уступов, увенчанной солнечным диском. Внутри стоит статуя Солнечного Всадника и поддерживается неугасимый огонь (возжигаемый от солнца с помощью особых стекол). При храмах (или при главном храме, если в городе их несколько) содержится отобранный в соответствии со сложными каноническими правилами рыжий, «солнечный» конь, символизирующий Хорса в торжественных процессиях по праздничным дням (считается, что на нем невидимо восседает тогда сам Хоре). Служители бога — исключительно мужчины. Хоре покровительствует в животном мире лошадям и петухам («птице Хорса»), а из мастеров его особенным покровительством пользуются кузнецы. На вершинах храмов установленны гонги.

Времена Храмовых Войн давно минули, но определенные трения сохранились до нашего времени — взаимная неприязнь и отчуждение меж приверженцами Ашореми и Симаргла, Симаргла и Кернунноса, Кернунноса и Хорса, Хорса и Ашореми.

По недостатку места нет возможности рассказать о «потаенном народце» — лесных феях, духах источников, «болотных сидельцах» и пр. и пр. Лучше всего отослать читателя к классическому труду Уро Монкагера «Рассказ и размышления о Потаенном Народце» (лучшее иллюстрированное издание вышло в 3710 г. Х. Э. в Ремиденуме). Неплоха также книга «Каталог Иномирья» — старинный труд анонимного автора, часто переиздающийся.

ЧЕРНАЯ ТРОИЦА — так именуется три черных бога, чьи храмы были в конце концов разрушены, а оставшиеся приверженцы загнаны в подполье — Сет-Змееног, Кром Круах (Кром Кровавый) и Рогатый (Клыкастый Козел). До сих пор в глухих уголках, несмотря на все преследования, время от времени еще совершаются «черные ритуалы» с человеческими жертвоприношениями. Адепты «черной троицы» в свое время и создали тайные общества, известные под собирательным названием «Черной благодати» или «Черной радуги».

0 СВЯТОЙ ЗЕМЛЕ

Господствующей религией там объявлено так называемое «учение Совершенства», или «учение святого Патарана, единственного боговдохновленного толкователя воли Единого Творца, очистившего служение Творцу от искажений и излишних сложностей». Но все остальные понтификаты Единого Творца за пределами Святой Земли относятся к этому учению отрицательно, отношений со Святой Землей не поддерживают, не признавая самого этого названия, а также не считают Патарана святым.

РОСПИСЬ КЛАССНЫХ ЧИНОВ, ИЛИ ЧИНОВНИЧЬИХ КЛАССОВ

1. Коронный министр.
2. Коронный советник.
3. Тайный советник.
4. Королевский советник.
5. Королевский секретарь.
6. Министерский советник.
7. Министерский секретарь.
8. Советник.
9. Департаментский советник.
10. Департаментский секретарь.
11. Канцелярии советник.
12. Секретарь канцелярии.
13. Секретарь.
14. Канцелярист.
15. Письмоводитель.
16. Писец.

Система эта применяется во всех государствах Харума, за исключением Вольных Маноров, Глана (где существует своя, более простая и патриархальная) и Балонга (где также принята своя). 1–5 классы приравнены к генеральским чинам, и получить их могут лишь дворяне (есть, впрочем, редкие исключения), 6–8 классы приравнены к полковникам, 9—10 — к капитанам, 11–12 — к лейтенантам, 13–14 — к сержантам.

МОНЕТНАЯ СИСТЕМА

Ронеро

Золотой аурей = серебряному аурею = 25 серебряным сестерциям. Есть еще золотые монеты «токен» (5 ауреев) и «солид» — 10 ауреев.

Серебряный сестерций = 10 медным сестерциям = 200 медным грошам.

Медные монеты: полугрош, грош, тройной грош, семигрошевик, десятигрошевик, сестерций, ливра (монета в 5 медных сестерциев).

Все монеты — круглые. Для Бран Луга чеканятся все их виды, но именуются они «островными», и вместо королевской короны на них изображен государственный герб.

Снольдер

Золотой денарий = 50 серебряным артигам. Есть золотые монеты «латеранский золотой артиг» (денария), «двуденарий» (2 денария), «сфинкс» (3 денария), «Цехин» (7 денариев, хождение имеет главным образом в Ратагайской Пуште).

Серебряный артиг = 14 серебряным патагонам = 280 медным гротирам.

Медный гротир = 5 пулам. Есть монеты в 1, 2, 3,4 пула.

Все монеты — круглые. (Сфинкс еще с отверстием посередине.) Для Катайр Крофинда чеканятся «морские» деньги.

Горрот

Золотой статер = 40 серебряный ассам либо 10 серебряным венталам = 600 медным ассам. Есть двойной статер, тройной статер и «галиа» — монета в 7 статеров.

Медный асс = 3 медным патарам. Есть монеты в поласса, полпатара, двойной патар.

Глан

Златник = 20 серебреникам = 280 медным шелегам. Есть

двойной златник, тройной и «медведь» — монета в 5 златников.

Медный шелег = 7 круцежам. Есть полукруцеж.

Шаган

Золотой орт = 14 серебряным фартингам и 140 медным фартингам. Есть двойной орт, «колокол» (монета в три орта).

Серебряный фартинг, двойной серебряный. Медный полу-фартинг, фартинг, тройной фартинг. (Монеты всех трех держав — круглые, кроме восьмиугольной в один гланский круцеж.)

Для острова Дике в Горроте особых денег не выпускается, хотя в последние время это, кажется, намерены сделать.

Харлан

Золотой скеллер = 25 серебряным скетам = 500 медным билонам. Есть монеты в 3, б и 10 скеллеров.

Серебряный балиган = 5 скетам.

Медные: четверть билона, полубилон, билон, двойной билон, пятерик и семерик.

Все золотые монеты — круглые, балиган — семиугольный, пятерик и семерик — семиугольные с отверстием в середине.

Лоран

Золотой денарий = 28 серебряным фоллисам = 280 медным фоллисам. Есть двойной денарий, «роза» (5 денариев) и «суверен» (15 денариев).

Серебряный фоллис = 7 медным караунам = 10 медным фоллисам.

Медные: полуфоллис, фоллис, караун, «фоллис с барашком» (3 фоллиса), пять фоллисов.

Все золотые и серебряные монеты — прямоугольные (один из лоранских королей, полторы тысячи лет назад заменивший такими монетами круглые, спесиво заявил:

«Пусть они и неудобнее круглых, зато свидетельствуют о нашем величии». В те времена Лоран считался самой мощной державой континента, каковую роль со временем утратил, но облик денег остался прежним).

Все медные монеты — круглые, с отверстием посередине.

Балонг

Вместо золотых монет там находятся в обращении денежные знаки в 5, 7, 10, 14, 40 и 100 дукатов, с большим мастерством изготовленные из ввозимого с Сильваны в малых количествах самшитового дерева, на Таларе не произрастающего. Они обеспечены сокровищами особой кладовой Круглой Башни, довольно большого размера, круглые и охотно принимаются на всем Таларе (нужно заметить, что порой их подделывают точно так же, как и металлические деньги).

Есть серебряные монеты в 1, 2, 3 и 4 дуката, медные — в 1, 2, 5 и 10 дирхамов. И серебряные, и медные — все восьмиугольные, серебряные, вдобавок с отверстием посередине.

Ганза

Ганзейцы пользуются в основном деньгами «прилегающих держав», хотя для особых расчетов существуют круглые монеты — золотой и серебряный далер.

Сегур денег не чеканит давно по причине тщательно скрываемой бедности оного государства. В обращении, впрочем, еще находится небольшое количество древних золотых монет под названием «тымф», или «корабль», но ходят они исключительно на острове и скоро пропадут совсем, так как являются объектом охоты коллекционеров, как и фельсы — серебряный и медный.

Вольные Маноры права на чеканку монет были лишены около пятидесяти лет назад решением Виглафского Ковенанта.

«Старые» деньги еще ходят, но понемногу изымаются из обращения, как только сотрутся, к тому же купцы увозят их для коллекционеров, а также для переплавки.

Деньги Святой Земли из-за больших примесей серебра, а то и меди к золоту повсеместно считаются «худыми», «порченными» и за пределами означенного государства хождения не имеют.

ОРДЕНА И МЕДАЛИ

Глан

Ордена:
Чертополоха.
Пещерного Медведя.
«Громовая гора».
Медали:
«Серебряное кольцо».
«Медное кольцо».
«Железное кольцо».

Все награды исключительно военные. В тех случаях, когда король все же желает наградить кого-то за заслуги на «гражданском» поприще, вместо цепи (так как все три ордена носятся на цепи, на шее) орден крепится на бант, прикалываемый к груди.

Балонг

Ордена:
«Круглая башня».
«Ладья богатства».
«Созвездие».
Медали:
«Золотая пчела».
«Серебряная пчела».
«Медная пчела».
«Железная пчела».

Полная противоположность Глану: орденами и медалями награждаются лишь подданные Балонга, «приумножившие его богатства и действовавшие во славу дальнейшего благосостояния». За воинские подвиги (например, отвагу, проявленную экипажем судна в бою с корсарами) награждают деньгами или ценным оружием.

Горрот

Ордена:
«Черное солнце», (награждаются и военные, и гражданские).

«Рубиновый клинок» и Орден Симаргла (военный). Орден Семи Островов.[17]

Орден Филина (гражданский).

Медали:

«Клинок».

«Орел» (военная).

«Сокровищница» (гражданская).

Харлан

Ордена:

«Трон великих герцогов»

(двойного назначения).

«Меч Славы» (военный).

«Фолиант» (гражданский).

Медали:

«Скрещенные топоры».

«Слава и смелость» (военная).

«Жемчужина мудрости».

«Бронзовое перо» (гражданская).

Ронеро

Высшие, двойного назначения ордена:

«Алмазный венец».

Орден Гербового Щита.

Военные ордена:

«Звезда отваги».

«Золотая лилия».

«Зеркало Аннура».

«Алое пламя».

«Скипетр морских королей» (военно-морской).

Гражданские ордена:

«Камень мудрости Пилу».

Орден Серебряной Совы.

«Бирюзовая цепь».[18]

Военные медали:

«За храбрость».

«Серебряный топор».

«Башня» (вручается главным образом за отвагу, про явленную при защите или взятии крепостей). «Стрела».

«Якорь» (военно-морская).

Гражданские медали:
«За беспорочную службу».
«Корабль».
«Лилия».

Снольдер

Высшие, двойного назначения ордена:
«Золотой сфинкс».
«Меч Дорана».
Военные ордена:
«Дракон и солнце».
«Огненный вепрь».
«Радуга и меч».
«Крылатый лев».
«Морской конь» (военно-морской).
Гражданские ордена:
Орден Короны.
Орден Ворона.
«Радуга и ларец».
«Великая Река».
Военные медали:
«Тисовая ветвь».
«Ярость и огонь».
«Дубовый лист».
«Львиный коготь».
«Огненное копье».
«Абордажная сабля» (военно-морская). Гражданские медали:
«Процветание» (купеческая).
«Око» (полицейская).
«Ларец».
«Сфинкс».

Лоран

Высшие, двойного назначения ордена:
«Три золотых кольца».
«Отличие Престола».
Военные ордена:
«Рыцарская лента».
Орден Заслуги.
«Меч и кольцо».

«Золотой якорь» (военно-морской). Орден Тигра.
Гражданские ордена:
«Звезда учености».
Орден Верности.
Орден Черного Медведя.
Орден Золотого Журавля.
«Великий канал».
Военные медали:
«Штандарт».
«Серебряная секира».
«Серебряный самострел».
«Победитель пламени».
«Отвага ратного поля».
Гражданские медали:
«Золотой скипетр».
«Свиток».
«Серебряный циркуль».
«Бронзовый циркуль».
«Солнечный луч».
«Серебряный компас».

Шаган

Высшие, двойного назначения ордена: «Золотой колокол».
Орден святого Сколота.
Военные ордена:
«Меч грома».
«Золотой фрегат» (военно-морской). «Изумрудный акилла».
Орден Синей Крепости.
«Стрела и скипетр».
Гражданские ордена:
Орден Красного Бобра.
Орден Кедра.
«Золотая кисть».
«Яшмовый кубок».
«Посох святого Роха».
Военные медали:
«Медвежья лапа»
«Алая молния».
«Штурвал и меч» (военно-морская). «Бастион».
«Трилистник».
Гражданские медали:
«Хрустальный кубок».

«Штурвал и парус».
«Серебряная кисть».
«Жезл мудрости».
«Дубовая ветвь».

В Святой Земле орденов и медалей не существует, зато в ходу так называемые наградные пояса и посохи.

В Ганзе для награждения отличившихся и заслуженных граждан существует схожий с орденом знак трех степеней — «Золотой корабль», «Серебряный корабль» и «Медный корабль».

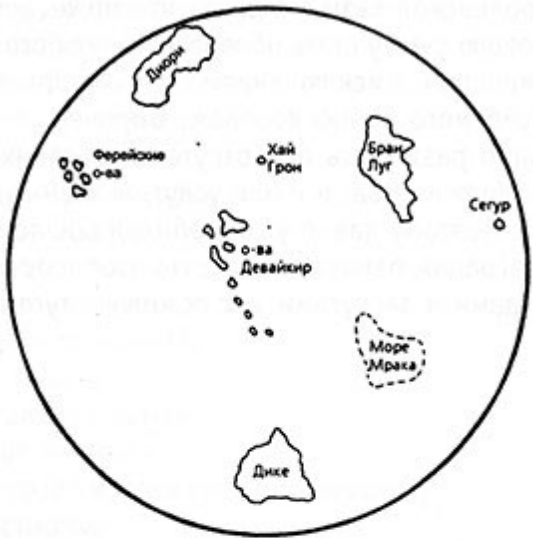
Ордена Вольных Маноров при всем их калейдоскопическом разнообразии чересчур многочисленны, и тому, кто ими интересуется, лучше обратиться к соответствующим книгам.

Ордена Сегура, равно как и медали, сохранены после катастрофы все до единого, однако изрядно утратили свой авторитет. Во-первых, по причине упадка Сегур практически не ведет никаких войн, и боевые награды выглядят несколько нелепо в этих условиях; во-вторых, что важнее, все сегурские награды давно превратились в дополнительный источник дохода для королевской казны: всякий, кто пожелает, может за соответствующую сумму стать обладателем любого тамошнего ордена или медали (за исключением высшего Ордена Морских Королей, вручаемого лично королем. Впрочем, и этот орден порой нетрудно раздобыть при отсутствии всяких заслуг, но при наличии должных связей или услуг, оказанных сегурскому престолу). Поэтому давно уже в обиход вошло выражение «сегурская награда», означающее нечто второсортное или добытое не трудами и заслугами, а с помощью тугого кошелька или интриг.

КАРТЫ

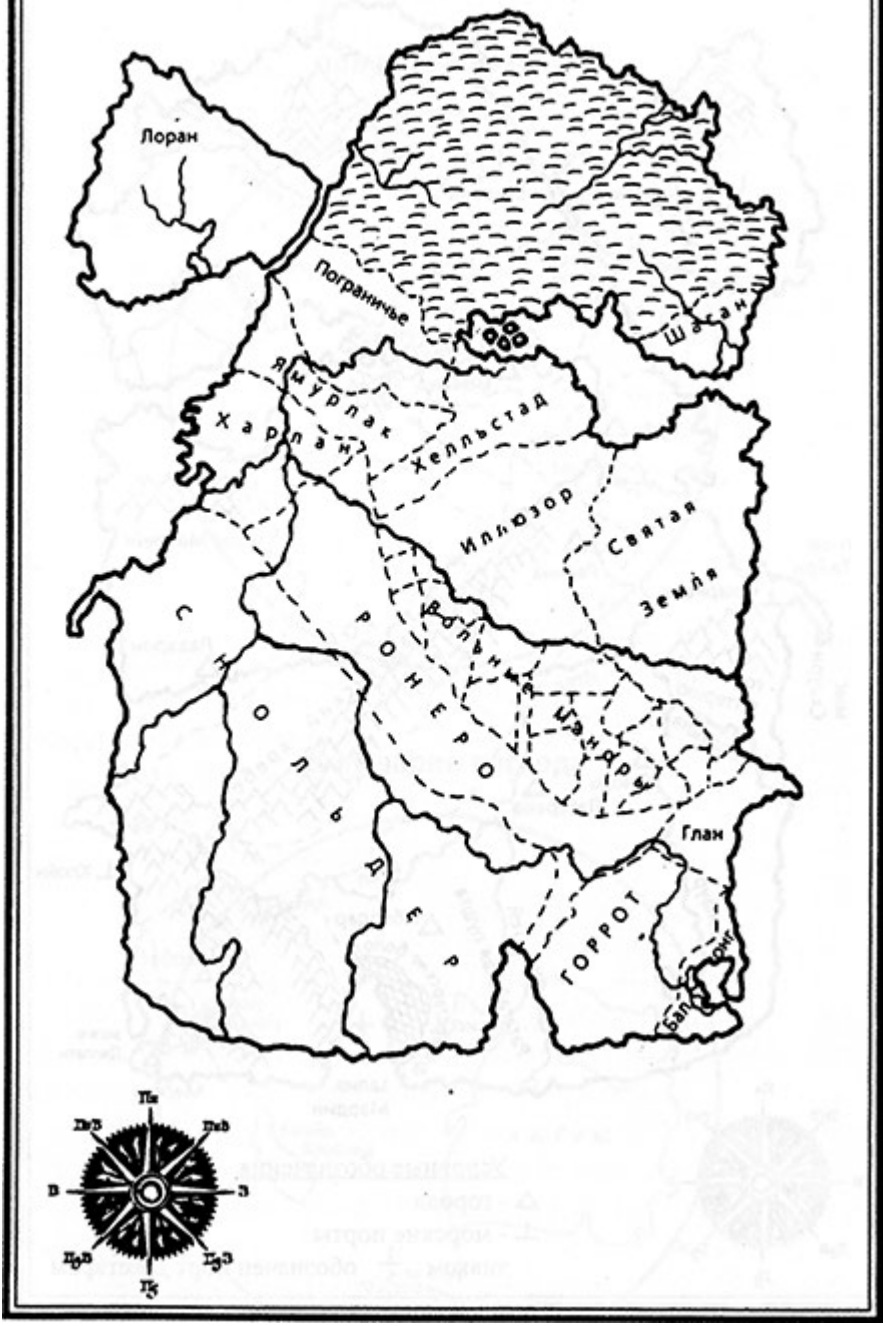
Планета ТАЛАР

полушарие заката



полушарие восхода

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КАРТА КОНТИНЕНТА ХАРУМ



Авторы стихов, приведенных в романе: Николай Асеев, Александр Городницкий, Ольгерд Довмонт, Вадим Егоров, Алексей Иващенко, Редъярд Киплинг, Валентин Миляев, Николай

Тихонов, Михаил Щербаков.

notes

Примечания

1

Вирилэ — сборники баллад, как допечатных времен, так и печатных.

2

Ковенант — от слова «ковенантус», означавшего на одном из древних языков «согласие». Виглафский Ковенант, или Большой Концерт, — принятое в обиходе название ежегодного конгресса семи королей и великого герцога Харланского, съезжавшихся в ронерском городе Виглаф, где решаются самые важные дела и принимаются решения по вопросам большой политики.

З

Джайм — мера длины, применяемая лишь в геральдике (около 3 см).

4

Квинутн — мера веса в ювелирном деле (0,25 г).

5

Реверен — «почтенный». Так именуются на Сильване люди из сословия книжников — скрибаносы. Соответствует таларскому «мэтр».

6

Сандоварское Уложение узаконило упоминавшееся выше решение о запрете владыкам Вольных Маноров возводить людей в дворянство.

7

Ронины — младшие сыновья из дворянских родов, не имеющие права на наследство.

8

С тех пор как были написаны эти строки, в этой области военного дела произошли определенные изменения.

9

Пулеметы в те времена на вооружении еще не появились.

10

Ни этой книги, ни каких-либо относившихся бы к ней заметок в бумагах Гонзака не обнаружено.

11

Югер — квадратная лига.

12

Намерение это осталось неосуществленным, хотя кое-какие шаги Гонзак успел предпринять.

13

За «полосатую яшму» малосведущий в горном деле Гонзак принял одну из разновидностей орлеца.

14

Речь идет о гранате-альмандине.

15

Бакан — родонит, или орлец.

16

Точности ради стоит упомянуть, что существует одиннадцать противоречащих друг другу версий исчезновения Гонзака, сведенных воедино и проанализированных в книге профессора Латеранского университета Пага Альмадовара «Путешествие в никуда» (Латерана, типография «Хоневир и сыновья», 3706 г. Х. Э.).

В последнее время этим орденом стали награждать и военных моряков, проявивших храбрость в схватке с пиратами (ибо награждать за такое полноценными боевыми орденами в самом деле как-то не вполне уместно).

18

Этим орденом награждают главным образом гражданских чиновников, инженеров Сословия Циркуля и высших полицейских чинов.